

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

16+

№ 30

ПЕРМЬ 2022

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 30

ПЕРМЬ 2022

УДК 882(059)
ББК 84(2Рос-Рус)6я53
Л 55

Лауреат премии
Пермского края
в сфере культуры и искусства
за 2014 год

Альманах «Литературная Пермь» издаётся
Пермской краевой общественной (профессиональной)
организацией Союза писателей России при поддержке
Министерства культуры Пермского края.

Электронная версия альманаха писателей Пермского края
«Литературная Пермь» в рамках проектов
«Пермская библиотека» и «Литературное Прикамье»
подготовлена при поддержке
Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru).

**ПКОО «Союз писателей России» и ПКОО «Пермский писатель»
благодарят Пермское отделение ВТОО «Союз художников России»
за содействие в оформлении альманаха.**

Редакционная коллегия:
Главный редактор — О. А. Черняк
Отдел поэзии — В. В. Якушев
Отдел прозы — В. А. Богомолов
Отдел международных связей — И. Н. Тюленев
Отдел детской литературы — А. С. Зеленин

Л 55 **Литературная Пермь:** альманах. — Пермь: Пермский писатель,
2022. — 148 с. — (вып. 30).
ISBN 978-5-6048219-1-6

На обложке — «ХОРОШИЙ ДЕНЬ», холст, масло, 2020 — работа члена
Союза художников России Максима Каёткина.

На шмуцтитуле части 1 — «ПРОГУЛКА ПО ПАРКУ», витраж, год неиз-
вестен — работа члена Союза художников России, заслуженного художника
России Равиля Исмагилова.

На шмуцтитуле части 2 — «ПЕРМСКИЙ БАЛЕТ», витраж, 2003 — работа
члена Союза художников России, заслуженного художника России Равиля
Исмагилова.

На шмуцтитуле части 3 — «ПЕРМСКАЯ ДЕРЕВЯННАЯ СКУЛЬПТУРА.
СКОРБЯЩИЙ», витраж, 2008 — работа членов Союза художников России:
заслуженного художника России Равиля Исмагилова и Рустама Исмагилова.

ISBN 978-5-6048219-1-6

© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

РОДИНА

9 мая 2022 г. — 77-я годовщина Победы
в Великой Отечественной войне

Анатолий ГРЕБНЕВ. В ПОЛЕ ПАМЯТИ, СЛАВЫ, БЕДЫ. Стихи 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОЗА

РОДИНА

9 мая 2022 г. — 77-я годовщина Победы
в Великой Отечественной войне

Константин МАКСИМОВ. БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ. Рассказ 8

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Виталий БОГОМОЛОВ. ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ. Очерк 11

Виктор БАКИН. «ДВУХРЯДКА» ОТ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА. Рассказ 16

РОДИНА. EX LIBRIS

Александр КЕРДАН. «НА КРАЮ МАТЁРОЙ ЗЕМЛИ...»
Глава из романа «Берег отдалённый...» 19

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Андрей ЗЕЛЕНИН. РЕПКА. Современные реалии
старой сказки. Как бы сказка 28

Джулия ДЖОЙНЕР. В МИРЕ, ГДЕ НЕТ КОШЕК. Рассказ 29

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРОЗА

ВРЕМЯ. EX LIBRIS

Максим ДУЛЕНЦОВ. КРАСНЫЙ НАРКОМ.
Из цикла «Маленькие тайны Мотовилихи». Рассказ 34

ЗЕМЛЯ

Валерий ВЯТКИН. НА БЕРЕГАХ НЕВЫ И КАМЫ. Записки о разном 39

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Олег ЧЕРНЯК. СВЕЧА. Рассказ 48

ПОЭЗИЯ

ВРЕМЯ

Фёдор ВОСТРИКОВ. МЫ ЖИВЁМ, НАДЕЕМСЯ И ВЕРИМ. Стихи 51

ВРЕМЯ. EX LIBRIS

Николай ГЛУМОВ. В РАЮ РОМАШЕК И СОЗВЕЗДИЙ. Стихи 75

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПРОЗА

ВРЕМЯ. EX LIBRIS. КРАЕВЕДЕНИЕ

Виталий БОГОМОЛОВ. ПОСЁЛОК.
Глава из очерка «Свет отражённый» 80

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Владимир МАСЛЯНКА. ДИАМАТ ПЕРМСКОЙ БЫКОВКИ. Эссе	96
Александр БАЛТИН. ДОСТОЕВСКИЙ В ПЕРМИ. Зарисовка	100

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Михаил ОРДЫНСКИЙ-ДАВИДОВ. ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО. Литературный очерк (<i>сокращённый вариант</i>)	102
---	-----

Анатолий ГРЕБНЕВ

В ПОЛЕ ПАМЯТИ, СЛАВЫ, БЕДЫ. Стихи**ВДОВЬЯ ПЕСНЯ**

И слёзы из глаз вышибает,
И сердце никак не уйму —
Поют деревенские бабы,
Поют в материнском дому.

Не знаю я, песня какая,
Не ведаю, что за мотив,
Но в сердце она проникает,
Горячей волной накатив.

И я наклоняюсь к гармонии,
Глаза свои спрятать успею.
Дрожит во мне тягостным стоном
Рыдающий бабий распев.

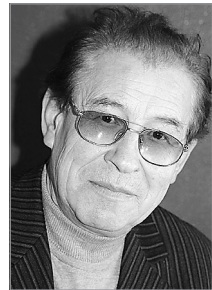
И слышится в песне тягучей
Извечная дума одна,
Известная женская участь —
Разлука с любимым. Война.

Ах, стоит ли сердце тревожить,
Давнишнюю боль беречь!
Да вот ретивое-то гложет,
Не может, что было, забыть.

Не может, не хочет смириться,
Что где-то у Волги-реки
Не в силах они пробудиться —
Любимые их мужики.

И только вот здесь, на народе,
Они себе волю дают:
Кручинушку вместе изводят
И душу отводят — поют.

Анатолий Григорьевич ГРЕБНЕВ (21.03.1941, с. Чистополье Котельничского района Кировской области — 01.11.2021, г. Пермь). Окончил Пермский государственный медицинский институт (1965), Литературный институт им. А. М. Горького (1976). Трудовую жизнь посвятил медицине. Первые творческие публикации относятся к концу 1950-х. Первый поэтический сборник вышел в 1972 году в городе Перми — «Приволье». Издавался в Вятке, Кирове, Москве, Перми. Автор почти двух десятков книг. Член Союза писателей СССР/России (1978). Заслуженный работник культуры РФ (2004). Лауреат нескольких литературных премий, в т. ч. им. А. Гайдара (1980), им. А. Решетова (2007). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012).

БЕССМЕРТНИК.

Поэма (отрывок)

Памяти отца

Как по скользкому льду я ступаю —
Я по ржевским просёлкам кружу.
Поле боя. Отцовская память.
Поле боя. Полынью дышу.
Сколько крови-то было пролито.
Сколько в поле-то полегло.
Поле русское, кровное полюшко,
Ты Бедой и Победой взошло.
Вот за волжским откосом равнина.
(Волга здесь — с нашу Пижму всего.)
По обочине ива, рябина.
Затянуло траншеи травой.
Заросли блиндажи. Помаленьку
Из землянок, времянок, закут
Вырос Ржев, поднялись деревеньки.
Пообстроились люди. Живут.
Сколько раз водополила Волга,
Сколько раз плыли в пене сады.
Рожь катила вскипавшие волны
В поле памяти, славы, беды.
Но людской неизбывной той боли,
Что по-прежнему в душах жива,
Всё никак не зальёт водополье,
Не забьёт, не заглушит трава.

Часть 1

Константин МАКСИМОВ

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ. Рассказ

С сержантом Мамонтовым мы лежим за громадным валуном и рассматриваем противоположный берег реки Великой. Самой реки не видать — она под заснеженным мартовским льдом.

— Тебе не терпелось увидеть фронт? Он перед тобой, — говорит сержант.

Но я фронта не вижу. За рекой бугристое поле с островками леса.

У подножья холма по-воробыному притулились несколько домиков деревеньки. Ни бетонных дотов с узкими глазницами бойниц, ни надолб.

Над всем этим холодное небо, сыплющее колючей крупкой, да ветер, уныло посвистывающий в дулах наших автоматов, закинутых за спины. Уловив в моём молчании недоверие, Мамонтов вздыхает:

— Эх, серость тыловая! Да перед нами полк с танками, артиллерией и миномётами! Вон у ложка столбики проволочного заграждения. Там немецкий передний край. Вчера вечером в нашу землянку первого орудия спустился комбат, невысокий лейтенант с худым лицом больного язвенной болезнью, и объявил, что на послезавтра назначено наступление. Командиру орудия надо, как только рассветает, ознакомить наводчика с целями. Командир орудия — Мамонтов, наводчик — это я.

— Артподготовка назначена на 6:00. В ней будут участвовать эрэсы.

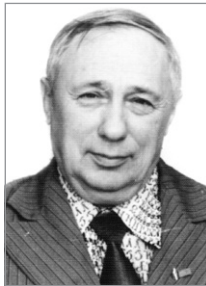
— «Катюши!» — воскликнул я.

Комбат сморщился и твёрдо поправил:

— Эрэсы! Или МТВ — миномёты тяжёлого вооружения.

Слово «катюша» командир батареи почему-то не переваривал. Наш полк тоже имеет сокращённое название — ИПТАП, что означает истребительный противотанковый артиллерийский полк.

— Ещё его зовут «Прощай, Родина!» — заметил подносчик

Константин Петрович МАКСИМОВ (11.11.1923, г. Цивильск Чувашской АССР — 07.05.1986, г. Лысьва Пермской области). Участник Великой Отечественной войны. С мая 1942 года участвовал в боях на Орловско-Курской дуге. В 1943-м сержант-артиллерист К. Максимов с бойцами отражал фашистские налёты зенитной артиллерией на станции Горбачёво Тульской области. За уничтожение самолётов противника награждён орденом Славы III степени, который был вручён в декабре 1947 года. Кавалер ордена Отечественной войны I степени. С контузией и тяжёлым ранением ноги эвакуирован на Урал. Длительное время после ампутации ноги лечился в госпитале N 3132 города Лысьвы. Член Союза журналистов СССР, писатель. Окончил Молотовский государственный университет им. А. М. Горького, историко-филологический факультет (1951–1956). Ответственный секретарь газеты «Искра» (1956–1979) в Лысьве. В 1960-е вёл занятия с рабселькорами по журналистскому

мастерству. Участвовал в семинарах при Пермском отделении Союза писателей СССР, делегат съезда ПО СП СССР в Перми в 1962 году. Публиковался в областных газетах «Звезда» и «Молодая гвардия», в литературных альманахах. В Перми, в литературно-художественном сборнике «Молодой человек», был напечатан его юмористический рассказ «Кулинария» (1962). Издана книга рассказов «Рула» (1966). В фонде редакции газеты «Искра» сохранены награды, альбомы с фотографиями, сделанными К. П. Максимовым, его машинописные тексты рассказов и повести «Это было недавно, это было давно».

снарядов Сидоров, крупный и неуклюжий, как медведь. И мрачно пояснил: — Из нашего полка выбывают обычно только в землю, так как пушки стоят на прямой наводке, перед носом у фрицев.

В батарее я всего несколько дней. До этого находился во втором эшелоне. И в полку все убеждены, что я — «тыловая серость».

— Видишь берёзу со сломанной вершиной? Под ней белый стожок. Там пулемётное гнездо. Запоминай. Да не высовывай башку. Хочешь, чтобы фашист шестую дырку в ней просверлил?

Заметив мою недоверчивую ухмылку, сержант пообещал:

— Минут через десять я это тебе докажу. А теперь смотри вправо. Обломок бревна торчком стоит. Видишь? Левее его метров пять — крупнокалиберный пулемёт.

Через десять минут Мамонтов, содрав с меня шапку, надевает её на ствол автомата и высовывает из-за валуна. Из шапки летят ключья ваты, а из-за реки доносится запоздавший стук пулемёта.

— Зашивай теперь! — Дырявая шапка летит ко мне.

Оттолкнувшись ногами от камня, Мамонтов, как на салазках, скатывается на спине вниз. Я, выйдя из столбняка, следую его примеру. На языке у меня вертится куча вопросов: как Мамонтов узнал про немецкие пулемёты, а где наша линия фронта? Но я не решаюсь проявить своё невежество. Моё любопытство удовлетворяет Толя, паренёк с мечтательными девичьими глазами, второй подносчик снарядов.

— О расположении огневых точек нам сообщает разведка, — объяснил он. — А наша линия фронта под берегом. Там же и посты боевого охранения.

Поздним вечером вёрткий, как таракан, «Виллис»^{*} приволок наше орудие со снарядами к берегу.

Из темноты раздавался голос Мамонтова:

— Лопаты взяли из кузова? Следите за лопатами и ломом. На фронте лопаты, лопаты и кирки ценятся наравне с оружием. Можешь потерять шапку, ботинки — старшина выдаст, но лопаты и лом... Эти инструменты — твоя жизнь. Голыми руками в землю от осколков и пуль не зароешься.

За короткую мартовскую ночь мы должны на полметра зарыть пушку в землю и подготовить для себя узкую и длинную шель укрытия. Руки деревенеют от ударов кирок и ломов о мёрзлую землю, мышцы изнаывают от усталости. Но отдыхать нельзя. Дорога каждая минута. Восток уже синее. А немцы что-то чувствуют. С их переднего края то и дело взлетают разноцветные ракеты. Иногда загораются осветительные. И мы застываем, упав на землю. До утра не больше часа. Огневая позиция готова. Мы валимся: кто у лафета, а кто в яму — и замираем, словно проваливаемся.

— К орудию! — Этот крик Мамонтова не враз пробуждает сознание. — К орудию! Быстро!

Уже взошло солнце. За нашей спиной разноголосый гул канонады. А за рекой пляшут разрывы. Холодное кольцо панорамы холодит бровь. В делениях стекла мелькает знакомая задымлённая берёза. Бью по лапке спуска. Орудие подпрыгивает от выстрела.

^{*} Willys — американский армейский автомобиль компактных размеров и повышенной проходимости.

Из-за стены дыма и земли больше ничего не вижу. Стреляем беглым огнём. Вскоре вокруг нас лишь пустые гильзы да ящики. Два ящика со снарядами Мамонтов приказал не трогать: вдруг заговорит какой-нибудь уцелевший пулемёт или танки появятся.

Мы лежим на бруствере и смотрим вниз за реку. Вдоль противоположного берега в снежной траншее сидят наши солдаты и тоже наблюдают за работой артиллерии.

«Когда столько народу успело перейти реку и отрыть окопы?» — поражаюсь я.

А над нашими головами целый снарядный концерт.

— Музыка войны, — философски замечает Толя.

— Будь она проклята! — буркает Сидоров.

Снаряды малого калибра издают высокий звук, средний калибр воеет баритоном, крупнокалиберные басят. Снижаясь, они забавно чурфыкают, точно отдуваясь от усталости после долгого пути.

— Ребята! — восклицает Толя. — А ведь отсюда до Пушкинских Гор всего 20 километров. Это же рядом с селом Михайловским! В этих местах жил Александр Сергеевич Пушкин.

Толино открытие всех озадачивает. Но мы не успеваем оценить его сообщение, как за нашими спинами возникает раскатистый рёв. Он съедает все звуки. Я вижу, как из-за зубчатой стены леса вылетают ярко-оранжевые пунктиры.

— «Катюша» заиграла! Сейчас всё! — довольно пробубнил Сидоров.

Ревущий гул уже над нашей головой. Я смотрю в зенит в надежде увидеть хотя бы один реактивный снаряд — бесполезно. В тот же миг сотни чёрных гремющих столбов вырастают по всей линии немецких окопов. Вздрагивает земля. С игрушечной лёгкостью кувыркается ствол берёзы в два обхвата, волчком вертятся в воздухе орудийное колесо и какие-то бесформенные клочья.

Наступила относительная тишина. Фашисты почти не отвечали огнём. Наши разрывы уже пляшут за немецкими окопами. И среди этой тишины мы вдруг расслышали:

— Поднимайсь!

— Вперёд, славяне!

Мы увидели, как пехотинцы с неторопливой деловитостью вылезли из снежных траншей и пошли цепью, всё ускоряя и ускоряя шаг.

— Пошли! Пошли, ребятаки! — ласково бормотал Лёня, и глаза его влажно блестели.

— Давай, орёлики! — орал Сидоров вниз солдатам, хотя его никто не слышал.

Мамонтов спешно закуривал. У одного из солдат огненной птицей затрепетал флаг. И при виде этого флага мы благоговейно стихли, сознавая всё величие момента. Ведь позади этих солдат территория уже освобождённая от фашистов. Опять наша! А вскоре пришёл «Виллис» и помчал наше орудие за реку вслед за наступающими частями.

Нас обгоняли повозки, грузовики, автомобили. Над уцелевшим домом деревеньки трещал по ветру флаг. Тот самый. На другое утро из сообщения Совинформбюро узнали, что на 2-м Прибалтийском фронте шли бои местного значения.

Виталий БОГОМОЛОВ

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ. Очерк

Прошло полгода, как Пермская краевая организация Союза писателей России осиротела, потеряв поэта Анатолия Гребнева (21 марта 1941 г. — 1 ноября 2021 г.).

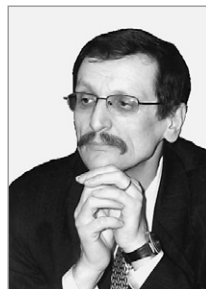
Для меня лично Толя — огромная утрата. Это был друг и советчик, некий эталон в творческой работе: талант, творческая эрудиция, удивительная память на свои и чужие стихи, безоглядная, абсолютная преданность литературе, чутьё поэтического слова, незлобивость, доброта и щедрость. А ещё — лёгкость характера, широкий круг знакомств и друзей. Его любили и уважали Василий Белов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Валентин Курбатов, Виктор Лихоносов, Анатолий Передреев, Евгений Евтушенко, Сергей Небольсин, знаменитый на всю Россию гармонист Геннадий Заволокин, который создал несколько замечательных песен на стихи Гребнева, дружбу с которым ценил не только за хорошие стихи, но и за умение хорошо играть на гармонии. Всё это о чём-то говорит. Где бы, в какой бы компании Гребнев ни появлялся, он приносил дух радости, света, искромётного таланта импровизатора... Становился душой компании. В нём бурлила жизнь! Но вот умолкла навсегда его весёлая гармошка... Не певать нам больше вместе «Ночь светла, над рекой тихо светит луна...», «Прошайте, скалистые горы...», «Над окошком месяц...» и многие-многие другие замечательные и любимые песни.

Из друзей Гребнева того поколения остались, пожалуй, Владимир Крупин да однокурсник по Литературному институту, живущий в Ульяновске, Николай Полотнянко, по-настоящему серьёзный поэт. Большие прозаики-поэты знали цену таланту и дорожили дружбой с Гребневым, с его искромётным, редким и неповторимым даром.

Анатолий Григорьевич был непререкаемым авторитетом не только в нашей писательской организации, где несколько лет он вёл литературное объединение начинающих поэтов, был бессменным членом правления организации, но и в Кировской организации Союза писателей России был как дома. Да, собственно, реально дома. Ведь родом Гребнев был из Кировской области, из Котельничского района.

Когда поэт умер и встал вопрос, где его хоронить, я предлагал вдове, Галине Ивановне, предать его пермской земле, ведь здесь он состоялся как поэт, по пермской земле он ходил 60 лет, здесь учился в мединституте, работал, здесь остаются жена и сын, сёстры,

Виталий Анатольевич БОГОМОЛОВ родился 13 мая 1948 года в городе Тавде Свердловской области. Детство и юность прошли в Ординском районе Пермской области. Служил в армии. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета им. А. М. Горького (1978). Трудился в колхозе, позднее работал на заводах Перми, в книжном издательстве, в ВОХРе, в редакциях местных изданий. Первая творческая публикация относится к 1978 году. Первая книга вышла в 1987 году в городе Москве — «Глухарино утро». Автор двух десятков книг прозы и стихов. Член Союза писателей СССР/России (1990). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов, в т. ч. Всероссийского конкурса им. В. Шукшина (1998). Кавалер орденов Достоевского I и II степени (2013, 2011). Живёт в городе Перми.

племянники, племянницы, многочисленные друзья. Но Анатолий завещал похоронить себя на родине.

*Вот и станция Котельнич!
Проводник, с ума схожу!
Что меня ты канителишь —
Я в Котельниче схожу...*

В Котельниче он и сошёл... Теперь уже навсегда. Сейчас понимаю, что в Пермском крае Гребнев такого отношения к себе, как на родине, не нашёл бы. У нас «традиция» — отдавать хороших поэтов из Перми (Алексей Решетов и, вот, Анатолий Гребнев).

Для осмысления и популяризации стихов Гребнева много сделала Наталья Ильинична Злыгостева, кандидат философских наук, доцент, влиятельный в Кирове человек. В Котельничском районе ещё при жизни поэта выстроили его Дом-музей с русской печью (Гребнев был почётным гражданином района). Через три месяца после его ухода из жизни Котельничской районной библиотеке присвоили имя поэта Гребнева, чему немало поспособствовал писатель Владимир Крупин — земляк и самый близкий друг Анатолия. А в Кировской областной библиотеке имени А. Герцена сказали: «Гребнев у нас по популярности стоит после Пушкина!» В Перми такого внимания и любви он никогда уже не получит. А там, на родине, он не будет забыт.

Спасибо Березникам, хоть признание Решетова они реанимируют... А наш край славу его уступил Свердловску.

Сознавая величину и уникальность гребневского таланта (а знакомство наше в целом продолжалось более 40 лет), я в начале 2000-х стал собирать биографический материал для книжки о нём, над которой работал более двух лет. В 2011 году книга с названием «Вон парнишка бежит босиком» увидела свет. К сожалению, издать её пришлось за свой счёт, любимые власти не дали ни копейки, а потому тираж получился всего 300 экземпляров и количество фотографий пришлось уменьшить в два раза.

Вечером 29 октября 2021-го, часов около восьми, я был на традиционной прогулке, позвонил Гребнев (мы перезванивались часто, общались, особенно последнее время). Он жаловался, что и поговорить не с кем. В отшельничестве байболовском ему не хватало общения. В разговоре стал читать новое стихотворение: он иногда так делал, как бы проверяя стихи на слух. Первый раз он читал мне этот стих накануне. И в конце второй строфы, как-то смущаясь, он сам себе и оценку критичную выдал: «Ну это так... Тут плохо». Разговаривал он вяло, устало. И у меня появилась невольная мысль, что жизнь его приближается к концу. Отметил 80-летие, и своё, и своего лучшего друга Владимира Крупина. И уже ясно обозначилось для него то, что жизнь идёт к завершению... Сделано, в общем-то, всё...

В эти дни он жил в Байболовке и невольно подумалось: не дай Бог там умрёт, не сразу и узнают... Но 30-го октября, оказывается, он приехал домой, в город, как будто предчувствовал близкий конец. А меня в этот день вечером, когда переступил порог своей рабочей комнаты, буквально пронзила мысль, что Гребнев вот-вот умрёт.

Какая-то обречённость прямо прожгла. А 1 ноября около часа дня сообщили, что Анатолия с нами больше нет. Умер он дома, легко, не мучился, не страдал. У него оторвался тромб, и смерть была мгновенной.

Прошались с поэтом на улице Старцева, 61, в большом ритуальном зале, который был полон, и если б не коронавирусный карантин, людей было бы гораздо больше. В этот тихий день небо было чистое и почти безоблачное, стоял морозец минус 8. Через отведённые 40 минут прощание было закончено, гроб погрузили в катафалк и отправили в Киров, в Котельничский район, в родное Чистополье. Там тоже было прощанье, там его и отпевали, если б отпели в Перми, то после этого гроб для прощания уже не принято открывать. А что касается пермской земли, на которой Гребнев жил и творил 60 лет, я набрал её в небольшой пластиковый контейнер и передал вдове Галине Ивановне с просьбой высыпать землю в могилу. Так и сделали.

Не стало друга, не с кем пообщаться, посоветоваться, поделиться, обсудить нашу литературную жизнь на прежнем уровне доверия, какое вырабатывается и выверяется годами. Бывает, задумаешься, дёрнешься позвонить Толе, а... Толи нет.

Страшно жаль было, что последнее стихотворение Анатолия не записал. Да и как запишешь на улице, где гудят машины, а связь паршивая... Но я очень надеялся, что оно обнаружится в Байболовке. Не обнаружилось пока. На стихи у него была просто компьютерная память, и он хранил их в голове. Как сказал Владимир Крупин: «Его знание классики и современников изумляет...» Гребневу шёл 81-й год, но до последнего дня он оставался верен Поэзии. Кстати, его день рождения (21 марта) прямо-таки промыслительно совпадает со Всемирным днём поэзии.

Толя освоил в поэзии уходящий, исчезающий (да, в общем-то, ушедший) мир, который вскормил его как поэта. И он воспел этот мир во всём его многообразии, в широком диапазоне — от прихода человека в жизнь и до ухода из неё. Не боюсь повториться, хотя не раз об этом писал...

О Гребневе без преувеличения можно сказать, что это был Последним Поэтом деревни. Писать о деревне, конечно, ещё будут. Но с такой всеохватной глубиной и силой, с такой болью о деревенском мире, крестьянской цивилизации, которые и явили этого поэта, сегодня уже никто не напишет, и мир этот, погибший, уже не в состоянии дать нового подобного певца. Причём гибель, распад Крестьянского космоса не просто зафиксированы, запечатлены в поэзии Гребнева, а оплодотворены личной темой, личным участием и любовью, отношением масштабного таланта поэта.

В его, считаю, главном стихотворении «На берегу пустом» дана потрясающая воображение поэтическая картина, равная большому батальному полотну. И запечатлена на этом полотне битва за жизнь, которая Крестьянским миром, увы, проиграна... Памятью души — вот чем написано это стихотворение. Памятью самой верной, безошибочной.

Конечно же, личность такого поэта — достояние нашего края. Он Заслуженный работник культуры, автор более двух десятков книг, изданных в Москве, Перми и Кирове, лауреат многих

литературных премий, таких как: имени Афанасия Фета, имени Николая Заболоцкого, «Имперская культура», имени Алексея Решетова, региональной премии имени Николая Благова «Волжская пристань» (Ульяновск). Он трижды лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства. В литературных кругах России имя поэта известно широко. Поэтическая палитра Гребнева очень многообразна; богат, тонок и целомудрен лиризм стиха интимного, набатна гражданская поэзия, призывна духовная.

И слово в его стихе льётся легко, свободно и непринуждённо, очаровывая равнодушный ум и отзывчивую душу читателя.

О стихотворении Гребнева «Метельный вальс», написанном в 1990 году, Алексей Решетов — мастер преимущественно короткого стиха — сказал: «Надо же, такое длинное стихотворение — и ни одного лишнего слова!»

В компании Анатолий Григорьевич всегда бывал в центре внимания, особенно когда в руках у него гармошка. Собственно, компания-то всегда на нём и держалась.

А с какой силой выразил поэт Гребнев детскую чистоту и невинность, тоску по их безвозвратной утрате. В стихах разного творческого периода Анатолия мы встречаем образ МАЛЬЧИКА, бегущего полем.

*Вон парнишка бежит босиком
Дальним полем, тропой луговой.
Он с былинкою каждой знаком,
Золотой весь от солнца и воли...*

Или:

*Не в те ль времена Святослава
В моём древнерусском краю
Я вижу, как мальчик кудрявый
Бежит босиком по жнивью.*

*Бескрайней подхваченный волей,
Держа в узелочке обед,
Бежит он по жёлтому полю,
Которому тысячи лет...*

По сути-то, этот пронзительный образ мальчика «пробегает» через всё творчество поэта, через всё историческое поле России со времён Святослава, через Бородинское поле; мальчика, теряющего своего отца в цепи бесконечных и жестоких войн. В стихотворении «На берегу пустом» глазами этого мальчика, тоже пребывающего в тот миг на поле — на пашне, воспринимается следующая картинка:

*А ближе подожди —
                                  расслышал бы сейчас я,
О чём на пашне дед беседуют с отцом.
Он только что с войны.
Он был убит под Ржевом...*

Образом светлого мальчика, выбежавшего из страшного сорок первого военного года, прямо или косвенно (ассоциативно) освещается каждое стихотворение Гребнева. Мальчонка несёт отблеск жизни каждого человека, у которого самое светлое и чистое осталось в безвозвратном детстве. Это болевая точка утрат и потерь.

Мальчик, бегущий полем, историческим полем России, — это невероятно удачный образ. Я считаю, это поэтическое открытие Анатолия Гребнева. Потому и говорю об этом ещё раз. Поэт восходит до библейского понимания детства во всей жизни человека.

И ещё один очень значимый образ создал А. Гребнев в своих стихах — образ ПОЛЯ. Этот образ тоже проходит через всё творчество поэта. Поле как основа жизни, как кормилец, как открытая арена бытия, на которой разыгрываются и исторические — России, народа, — и личные лирического героя, и бытовые, и трудовые, и любовные драмы, радость и праздник. Поле — это поле брани за независимость, за выживание и сохранение народа («На поле Куликовом»). Поле — как место философского созерцания мира. Поле — это место, где зарождалась, где формировалась жизнь; оно кормит, оно радует, оно огорчает, оно приносит праздник коллективного труда, счастье знакомств, познание сущностного. Поле в поэзии А. Гребнева — это философский образ, порождённый высоким крестьянским происхождением поэта. Образ, с которым прочно связано мировоззрение той части народа, которую величают крестьянством, которое всегда было главной опорой христианства на Руси, опорой державы. И значит неспроста мальчик-то бежит по полю, которому тысячи лет... Такое масштабное и ёмкое полотно достойно созвучно былинной кисти великого художника.

Самого поэта запечатлела на полотне художник Елена Портнова, ныне она руководитель организации пермских художников. Писать Гребнева пытались многие, но этот портрет стал самым удачным. Поэт его очень любил.

А последнее стихотворение Анатолия Гребнева, к счастью, не затерялось. Он читал его Владимиру Крупину, и у того была возможность записать его.

*День родился и радостный, и чистый,
Один из золотых последних дней,
Когда летят, летят по ветру листья
Восьмидесятой осени моей.*

*Восьмидесятой осени! О Боже,
О том ли надо мне сейчас тужить?..
Спасибо, Боже, что я столько прожил,
Хотя ещё хотелось бы пожить.*

*Перекрещусь у ледовской божницы,
Легко сбегу с родимого крыльца
В осенний мир, где жёлтый лист кружится
И где нет ни начала, ни конца...*

Вот таким глубоко философским стихотворением он простился с жизнью, простился со всеми нами...

Виктор БАКИН

«ДВУХРЯДКА» ОТ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА.

Рассказ

В «Герценке», в милой сердцу библиотеке, в оформленной под кабинет писателя скромной комнатке на третьем этаже пристроя, сразу при дверном проёме встречает посетителя не особо казистая на вид двухрядная венская гармоника, а проще говоря, двухрядная «венка» — вологодская гармошка ручной работы с 12-ю басовыми кнопками на левой корпусной клавиатуре и потертыми временем и частым употреблением кожаными вихлястыми ремнями.

Весьма занята история этого выдавшего виды весёлого народного инструмента. Но по порядку...

Вятский по рождению, но пермский по постоянному проживанию, замечательный поэт Анатолий Гребнев был ко всему прочему ещё и отличным гармонистом.

Байболовка, деревушка в пятидесяти верстах от краевого центра, где Анатолий Григорьевич многие годы врачевал больных в местной психиатрической лечебнице, соседствовала с селом, где обитал Юрий Белов, старший брат знаменитого писателя Василия Ивановича Белова.

Василий Иванович, как известно, тоже гармошку привечал. И о творчестве Гребнева отзывался с неизменной теплотой. Однажды, прочтя в дороге на родину гребневский поэтический сборник «Храм», даже одарил автора похвальной рецензией:

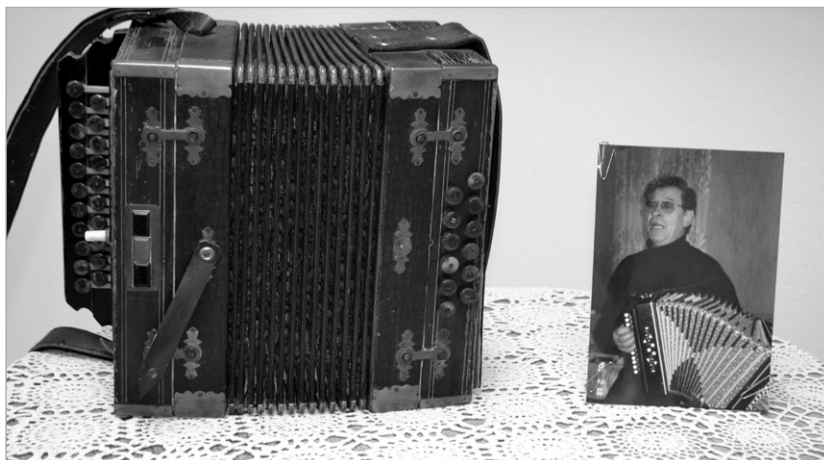
*От Степанова до Крылатского
То с улыбкой, то с тихой болью
Соловел я от слова вятского
Послухмянного Анатолю.
Прочитал наизусть, что было,
Жаль, до Вологды не хватило...*

«Послухмянный» — возможно, не всем понятное, но какое удивительное слово подобрал писатель для сердечного одобрения. «Послухмянного», то есть послушного, доступного Анатолию...

Но вернёмся к «двухрядке»... В один из приездов к старшему брату захватил Василий Иванович с собой эту рукодельную гармонику, собранную вологодскими мастерами. Пригласили на встречу

Виктор Семёнович БАКИН родился 1 ноября 1957 года в городе Мураши Кировской области. Окончил Кировский политехнический институт, служил в армии. С 1982 года работает в областной печати: сначала в молодёжной газете «Комсомольское племя», с 1990 года и по настоящее время — в общественно-политической газете «Вятский край». Рассказы и очерки публиковались в журналах «Москва», «Дружба народов», выходили в столичных коллективных сборниках. По итогам областного конкурса «Вятская книга года» признавался «Писателем года» за лучшее художественное произведение в прозе (2004, 2013). За книгу «На Великую...» удостоен звания лауреата Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного князя Александра Невского (2014). Член Союза писателей России. Кавалер ордена Достоевского II степени (2014). Живёт в городе Кирове.

и друга-поэта, посидели душевно за широким застольем. Стали играть, как же без этого, передавая «венку» из рук в руки. Словно соревнование какое вышло. В итоге Василий Иванович заключил: «Ты, Толя, из нас лучший. Тебе эту гармошку и принимать...»

— Спасибо, конечно, Василий Иванович, — сказал неожиданно поперечное слово деликатный Гребнев. — Честь для меня великая, подарок сказочный. Но пусть она пока поживёт у Юрия. Я же в соседстве здесь нередко гощу. И будет нам с ним общая радость: то он поиграет, то я...

На том ладом и порешили...

Шло время. Тяжело заболел и уже не выправился здоровьем Василий Иванович Белов. Покинул земную жизнь и Юрий Иванович. И тогда на сорочины его безутешная вдова вручила Гребневу памятную беловскую гармонику, сказав просто, не принимая возражений: «Бери! Не раздумывай!..»

ДАРЁНАЯ ГАРМОНЬ

Памяти Ю. И. Белова

*Друг души неразлучимый,
Удалая голова!
Ты прости — на сорочины,
И сама едва жива,
Мне гармонь твою вручила
Безутешная вдова.
Мол, и так хватает муки —
Что теперь ни говори —
Ей твои привычны руки,
Не раздумывай — бери!
Эх, гармонь, моя зазноба,
С перепевом перепляс!
Мы тебя любили оба,
Гулеванили не раз...
По тебе, мой друг, тоскую,
Я на грудь гармонь возьму,*

*В алый мех её целуя,
И прижму, и обниму.
Ты нас всех скорбить заставил,
Но, как сердце ни круши,
Ты оставил в ней, оставил
Золотую часть души!
И опять я нашу гряну,
Ту, что в сердце берегу:
— За товарища я встану,
Никуда не убегу!
Перезвон в небесной бездне
Перезвон из края в край.
Где ты, как ты, друг любезный?
Если слышишь — подпевай!*

В Байболовке у Гребнева уже была инкрустированная гармошка вятской ганинской фабрики, на родине, в котельничском Чистополье, хоть и старенький, но тоже ладный инструмент, считай, почти с периода ученичества. Потому, когда организовывали в областной библиотеке кабинет писателя, «двухрядке» Василия Белова пришлось здесь самое место. К тому же она не стала неприкасаемым музейным раритетом: на творческих вечерах, на встречах в герценовском зале «под пальмами» и вальсы на ней Анатолий Григорьевич играл, и заводные частушки, и плясовые...

Александр КЕРДАН

«НА КРАЮ МАТЁРОЙ ЗЕМЛИ...»

Глава из романа «Берег отдалённый...»

1

Сколь замечательны, Господи, творения рук твоих!
Дивится человек красоте, Тобой созданной, а разумом постичь её не может.

Поднимаясь по шаткому настилу причала Охотского порта, Кирилл Хлебников наткнулся на чудо...

Среди разнокалиберных бочек и тюков, приготовленных к погрузке на отправляющийся в Нижне-Камчатск галиот «Константин», на небольшом походном стульчике спиной к Ламскому морю сидела девушка с раскрытой книгой в руках. Только что вынырнувшее из-за горизонта светило запуталось лучами в её волосах, озаряя чело сияющей нежным золотистым сиянием. Трепетные длинные ресницы девушки чуть вздрагивали, на губах блуждала еле заметная улыбка. Таких красавиц Кирилл не встречал никогда, да и не доводилось задумываться ему о том, что значат женщины в его жизни.

Кирилл был шестым, последним ребёнком в семье Тимофея Ивановича Хлебникова — кунгурского городского головы, унаследовавшего этот пост от своего отца и деда, сделавших немало доброго для уездного городка.

С ранних дней судьба не баловала Кирилла. Мать его умерла при родах. Отец, с виду дородный, крепкий мужчина, недолго пережил её, сгорел от неведомого недуга.

Кормильцами большой семьи сделались старшие братья Алексей да Иван, много разъезжавшие по торговым делам. В доме же всем хозяйством заправляла сестра Ольга — девушка нрава строгого, неласкового: слова участливого от неё не дождёшься.

Лишённый с детских лет материнского тепла, Кирилл рос затворником. Бывало, целыми днями просиживал у окна, сквозь мутноватые стёкла изучая окружающий его мир.

Кунгур раскинулся на высоком холме, омываемом с двух сторон полноводными Сылвой и Иренью, у столбовой дороги в Сибирь. В центре города — деревянная крепость. В ней Благовещенский собор. На площади перед ним выставлено десятка два пушек,

Александр Борисович КЕРДАН родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Окончил Курганское ВВГАУ и Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. 27 лет прослужил в Вооруженных силах, в том числе 4 года — в Пермском военном гарнизоне. Полковник в отставке. Сопредседатель Союза писателей России и координатор Ассоциации писателей Урала. Доктор культурологии. Автор 76 книг стихов и прозы, изданных в России, США и Азербайджане. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Большой литературной премии России, всероссийских и международных литературных премий. Стихи и проза переведены на английский, испанский, итальянский, белорусский, азербайджанский, болгарский и др. языки народов мира. Живёт в городе Екатеринбурге.

из которых и пяти годных не наберётся. Вокруг площади теснятся лавки, шейхгаузы, набитые товарами: кожей, льном, патокой. В стороне от них, держа дистанцию, — воеводская канцелярия, над которой герб Кунгура с изображением медведя, носящего Евангелие с крестом (принадлежность к Пермской губернии) и рог изобилия с сыплющимися из оно́го колосьями.

Дом Хлебниковых, справный, двухэтажный, тут же, неподалёку от воеводского. Братья рассказывали Кириллу, что был он пожалован семье за заслуги Хлебниковых перед Отечеством. Дядя Кирилла — Емельян Иванович — отличился при защите Кунгура от разбойных шаек своего мятежного тёзки Пугачёва. Якобы даже пленил кого-то из его ближайших сподвижников и за подвиг свой вместе с золотой саблей получил право на владение домом.

Вся незамысловатая жизнь Кунгура разворачивалась перед взглядом мальчи́ка. Отворялись и закрывались лавки и магазины, густо пыля, проползали в сторону заката бесконечные обозы с сибирскими и местными товарами. Им навстречу гремели цепями вереницы колодников. Из окон родительского дома юный Кирилл видел лобное место, на котором выставляли на посмешище толпе разорившихся должников с надетыми на них металлическими ошейниками.

Однажды, уже подростком, младший Хлебников увидел, как подвергли истязанию молодую женщину. Какую она совершила провинность, он не знал, но в память Кирилла навсегда врезалось, как дюжий кат рванул полотняную рубаху у неё на спине и занёс кнут. Женщина истошно взвизгнула, обрывками одежды пытаясь прикрыть от взглядов зевак свои беззащитные груди с острыми, как у козы, сосками. Свистнула плеть. Выдохнула в такт кату толпа. Задымился на молочно-белой спине кровавый рубец...

Не в силах более смотреть на пытку, Кирилл выбежал вон из горницы, забрался в чулан и расплакался. Никому из домашних не рассказав об увиденном, с той поры он стал ещё замкнутее. Дичился повзрослевших и думающих только о замужестве сестёр. Оживал лишь, когда возвращались из дальних поездок братья. Побывальщинам их не было конца. От братьев и узнал Кирилл о безводных калмыцких степях, о караванах звенящих колокольчиками надменных верблюдов, о возникающих в пустыне словно миражи диковинных городах, со стройных башен которых — минаретов — возносят хвалу своему богу Аллаху тамошние священники — муллы. Иван и Алексей рассказывали меньшому о морях, за которыми лежат не знающие холодов страны, в которых живут люди, чья кожа черна будто печная сажа...

А потом у Кирилла появились книги. Братья научили его грамоте. Ис этого момента жизнь Хлебникова приобрела новый смысл. Поначалу обрадовавшись успехам Кирилла в науке, подивившись тому, с каким азартом младший брат набросился на чтение, проглатывая книги без разбору, старшие потом забеспокоились: не повредила бы эта грамота Кириллу. Теперь его из дома ни за что не выманишь. Протиживает в своей горенке до полуночи, склонившись над чтением. То, что свечей на него не напасёшься, это полбеда. Беда — отрок ведь уже. Другие в его-то лета на гулянку торопят, на девок заглядываются. А этот — бука-букой! Уж не хворый ли, не сглаженный? Вроде и в детстве не роняли... Однако и полено одно от другого хоть сучком да отличается. А люди тем более. Всяк своим умом живёт.

Ничего, переглядывались братья, жизнь своё возьмёт, вразумит, научит быть как все...

Только жизнь, которую Кирилл узнавал из прочитанных книг, была не такой скучной, обыденной. Она манила его к себе неудержимо, как влечёт за собою вдаль тающий в синей выси косяк журавлей, как зовёт вослед своей тёмно-зелёной волне Сылва. Тесный кафтан привычного кунгурского быта мешал вдохнуть эту новую жизнь полной грудью, не позволяя увидеть, что там, за окоёмом.

Всё чаще стала приходить в голову мысль отправиться в те края, о которых столько слышал и читал.

А тут и случай представился.

В декабре 1800 года, проезжавший через Кунгур комиссионер Российско-американской компании Горновский остановился на ночлег в доме Хлебниковых. После чаепития Кирилл, отбросив придворную застенчивость, засыпал гостя вопросами о компании, о Новом Свете. И вскоре выхлопав при помощи Горновского себе подорожную, наспех простившись с запричитавшими сёстрами (даже Ольга не выдержала — прослезилась), Кирилл солнечным морозным утром выехал из родного города по Сибирскому тракту, который должен был привести его на край света.

...Путь до Охотска был многотруден и занял более полугода. Несмотря на подорожную, дававшую Хлебникову право на трёх лошадей и проводника, двигались неспешно, вместе с компанейским обозом. Так оно и спокойнее: в лесах вдоль дорог немало разбойных людшек, да и зверья всякого хватает. Тягомотная дорога, хотя и утомляла, зато давала возможность поговорить, узнать получше новые места, расспросить Горновского о предстоящей службе.

И ещё эта дорога подарила Кириллу настоящего друга Абросима Плотникова, которого по случаю спас Хлебников из трясины.

Почти три месяца шли они вместе по летнику от Иркутска до Охотска, через топи, леса, горы, ведя под уздцы лошадей с компанейской поклажей в берестяных коробах — тунтаях, изнывая от оводов и мошкар. По вечерам, у костра, под весёлое потрескивание валежника говорили о будущем, об Америке. Какая она?

Обстоятельства разлучили их в Охотске. Берег отдалённый, к которому так торопился Хлебников, отодвинулся от него на неопределённый срок, стал казаться почти недостижимым.

Правитель Охотской конторы Российско-американской компании, дальний родственник её основателя Семён Шелихов, выведав от Горновского, что Хлебников смышлён и в грамоте силён, назначил его приказчиком в Гижигинскую губу.

Целый год на оленях и собаках объезжал Хлебников занесённые по самые купола юрты эвенов и коряков, выкупая у них по указанию Горновского, ценную рухлядь и моржовый клык. Не единожды замерзал он в метельной тундре, проваливался под лёд полярных рек, простужался и тяжело болел. Но молодость одолевала хвори, и Кирилл снова отправлялся в путь.

Много диковинного открыл ему этот дикий, неприветливый на первый взгляд край. Путешествуя по тундре, видел Хлебников, как мечутся по снежной пустыне многотысячные стада оленей, рога которых напоминали кустарник, заиндевелый от жёсткого мороза. Наблюдал он и медвежьи семьи по несколько десятков. Правда,

медведи были тут кроткие: убежали прочь от одного нечаянного крика. Хотя встретиться с таким один на один — не приведи господи!

Многое довелось испытать Хлебникову, и всё же судьба хранила его. Для чего? Может быть, для дороги. Ведь и сама она, уводящая вдаль, бесконечная, сделалась за это время судьбой Хлебникова, вбирая в себя без остатка вчерашний, нынешний и завтрашний дни. И если бы внезапно кто-нибудь спросил его о том, что есть счастье, он не задумываясь ответил бы: «Дорога». По крайней мере, так казалось ему до нынешнего утра, пока лучи солнца не высветили перед ним, поднимающимся по скрипучему настилу Охотского порта, необыкновенную девушку с книгой в руках.

Застывший подобно каменному идолу в кайсацкой степи, Хлебников мог бы простоять вечность, если бы его не окликнул помощник капитана галиота мичман Штейнгель:

— Когда закончим погрузку, Кирилл Тимофеевич? — Хлебников отплывал на «Константине» суперкарго и отвечал за находившиеся на причале грузы компании.

— До полуночи, сударь, должны управиться, — поклонившись мичману, ответил он, и поскольку знакомство их с помощником капитана было давним, да и отношения здесь, на краю матёрой земли, освобождали людей разных сословий от излишней чопорности, рискнул негромко спросить:

— Не изволите знать, господин мичман, кто сия дама на причале?

— Как, Вы ничего не слышали? — Штейнгель, по годам ровесник Хлебникова, резво наклонился к его уху и горячим шёпотом выдохнул новость, которая ещё четверть часа назад потрясла самого мичмана:

— Это же их превосходительство Елизавета Яковлевна Кошелева — супруга нового камчатского губернатора. Они-с только что прибыли из Якутска и отправляются в Нижне-Камчатск с нами, на «Константине»... Ах, что за женщина! Чудо, как хороша...

— Точно так, чудо... — почему-то не узнав своего голоса, согласился Хлебников.

2

С той поры, когда породнившийся с Византией, великий московский князь Иван III соединил греческого двуглавого орла с иконой святого Георгия Победоносца на своём стяге, две головы государственного герба России должны были напоминать миру об исторической необходимости для россиян зорко поглядывать и на запад, и на восток.

Правда, с тех старозаветных времён внешний вид державной птицы, по мнению генерала Павла Ивановича Кошелева, существенно изменился: появились в нём некоторые диспропорции — заметно вытянулось оперение левого, восточного крыла, несоразмерно увеличивая его размах, удлинилась шея соответствующей из голов.

Глядя на карту Российской империи, разостланную перед ним на обтянутом вылинявшим зелёным сукном столе Охотской канцелярии, Кошелев ясно представил распластанного над ней геральдического хищника, правое крыло которого закрывало часть Речи Посполитой,

соседствуя с Пруссией и Австрией, другое оперением своим доставало аж до Нового Света. А там, где перья этого крыла крепились к костистому остову, — на краю матёрой земли — находился сейчас волею судеб и государя он, генерал-майор Кошелев.

«Даже люди редких достоинств зависят от своего времени. Не всем суждено то время, какого они заслуживают», — любил повторять Кошелев высказывание испанца Бальтазара Грасиана, с «Карманным оракулом» которого он уже много лет не расставался. Человеком выдающихся качеств он себя не считал, да и на время, выпавшее ему, грех жаловаться.

Офицер суворовской школы Кошелев оказался в самой гуще политических и военных событий, определивших не только его судьбу, но и судьбы всей Европы. Одно последнее десятилетие чего стоит...

Маскарадная коалиция, как скажут потом историки, политических недоразумений, когда на взвихрённую революцией безбожную Францию двинули свои войска православная Россия, протестантская Англия, католические Австрия и Неаполь и магометанская Турция, люто ненавидевшие друг друга, закончилась потрясшим современников альпийским походом Суворова. В нём участвовал и Кошелев. Героические победы, закипевшие в котелках суворовских чудо-богатырей, привели к парадоксальному финалу: трое из союзников России снова превратились в её противников, а четвёртый, самый беззащитный — король неаполитанский, брошенный коалицией, погиб. Все прочие результаты суворовского перехода, сравнимого разве что с походами Ганнибала, спустя год битвой при Маренго уничтожил молодой корсиканец, за несколько месяцев перед этим чудом улизнувший из Египта от англичан и сделавшийся вдруг полководителем республиканской Франции.

Что же касаето живых героев суворовского похода, включая престарелого генералиссимуса, так Отечество, в лице власть предержащих, вскоре забыло о них. В истории такое не редкость. Другие наступили времена, другие нравы.

Мрачные годы правления Павла, отца нынешнего монарха, Кошелев, выслуживший к тому времени чин полковника и успевший подать в отставку, провёл в родительском имении в Тульской губернии.

В середине февраля 1801 года его неожиданным письмом срочно вызвал в столицу старый сослуживец генерал Беннигсен. Встретились в доме генерала Талызина. Шампанское фонтанировало непрерывно, пьяные гвардейские офицеры в открытую костерили взбалмошного императора и его фаворитов, вспоминали золотую эпоху вседержавицы Екатерины. Кошелеву, отвыкшему в провинции от многолюдных застолий и знавшему о происходившем в Санкт-Петербурге только из осторожных писем друзей, запомнился гвардейский поручик, с пьяной бравадой восклицавший:

— Какая напасть, господа! Кругом одни вонючие прусские крысы! А российских славных мужей — в Сибирь! Да-с ... из-за пуговицы на параде! Верите ли, господа, каждый раз перед экзерцицией я, как кучер, сухари с собой беру — не ровен час из строя да прямо на этап...

— Лучше жену к себе верёвкой привяжи, — хохотали собравшиеся.

— Потерпите, господа, — среди общего гула возвысил голос граф Панин, — недолго нам это сумасшествие лицезреть осталось.

...В ночь с 11 на 12 марта того же года Кошелев в числе прочих заговорщиков под командой невозмутимого Беннигсена потайным ходом проник в спальню императора в угрюмом Михайловском замке. Оставленный предводителем на часах у входа в императорские покои, Павел Иванович не видел, что происходило за дверьми, но по приглушённым возгласам, раздававшимся из-за них, по запылавшему вдруг лицу Леонтия Беннигсена, выскользнувшего из спальни и протянувшего одному из гвардейцев свой белый поясной шарф, догадался о происшедшем.

В пасмурную погоду звёзд на небе не разглядеть. А вот в смутное время политических переворотов звездопады — дело обычное. В те дни, когда северная столица закружилась в вихре праздников, связанных с восхождением на престол императора Александра, радуясь больше концу прежнего царствования, чем началу нового, звёздный дождь коснулся своим крылом и Кошелева.

В числе прочих отмеченный высочайшей милостью, новоиспечённый генерал-майор Кошелев, примеряя мундир с золотым шитьём по красному вороту, поверил, что теперь перед ним открывается блестящая карьера. Оно по летам и заслугам — давно пора уж...

Шумно и весело въезжали в Санкт-Петербург те, кто был при прежнем правлении безвинно и сурово наказан. Без обычных чиновных проволочек им возвращались и титулы, и звания. Однако основные действующие лица упомянутой мартовской ночи, более других надеявшиеся на императорское благоволение, неожиданно один за другим стали под разными предлогами удаляться из столицы.

Не прошло и двух месяцев, как Кошелев тоже получил назначение. Ему предписывалось спешно убыть на край вселенной — губернатором далёкой и неведомой Камчатки. Повышение, скорее похожее на ссылку. Желая получить хоть какие-то объяснения, Кошелев попытался добиться аудиенции у ставших неприступными Никиты Панина и Беннигсена. Всё безуспешно. Будучи истым служакой, почитая честь офицерскую превыше житейских благ, генерал в начале лета выехал к новому месту службы, выхлопотав только месяц для остановки в Москве под предлогом устройства семейных дел.

В течение этого месяца судьба Кошелева сделала ещё один поворот: разменявший пятый десяток холостяк обвенчался с двадцатилетней девицей, Елизаветой Яковлевной Фёдоровой, из старинного, но изрядно обедневшего московского рода.

Свадьбу сыграли не по чину скромную и поспешную. Были на то свои причины.

Вскоре после этого стали собираться в дальнюю дорогу — в свадебное путешествие поневоле. Кошелев уговаривал молодую супругу повременить с отъездом, пожить у матушки, пока он не обустроится на новом месте, но Елизавета Яковлевна мягко и вместе с тем настойчиво возражала, что её долг отныне быть рядом с Павлом Ивановичем, что и в Святом писании сказано: жене надлежит служить опорой и помощницей мужу в делах его.

Молоденькая жена может растопить и ледяное сердце, что уж говорить о Кошелеве — человеке незлом, хотя и посуровевшем в армейской среде.

Потом, на всём протяжении долгого пути в Охотск, Кошелев не раз благодарил Бога. Елизавета Яковлевна оказалась прекрасной

спутницей, славной собеседницей, женщиной ума живого и сметливого. Кроме того, она не только не докучала мужу сетованиями на дорожный неуют, а, что показалось удивительным для московской барышни, напротив, прилагала все усилия, чтобы скрасить ему многомесячное путешествие. Одним словом, генерал был по-юношески очарован женой, и раны былых баталий докучать перестали.

Но не зря утверждают: было бы сердце, а печали для него найдутся. С приходом в жизнь Кошелева Елизаветы Яковлевны в его душе поселился страх за неё, боязнь потерять это влетевшее в его мироздание, как комета, нечаянное счастье.

Сумеет ли сохранить его, сберечь? Достанет ли у него, старого служаки, сил сделать жизнь дорогого ему создания радостной и спокойной?

И тут же мысли Кошелева перенеслись на предстоящее плавание: выдержит ли Елизавета Яковлевна, не видавшая прежде моря, это путешествие? Как приживётся она в этом Богом забытом краю? Супруга не показала виду, но Павел Иванович заметил, какое гнетущее впечатление произвел на неё Охотск. Он ведь только в списках петербургских департаментов значится важным портом. На деле же остаётся заурядным острогом, глухим задворком империи, мало изменившимся с тех пор, когда опальный дворянин Скорняков-Писарев, бывший директор морской академии, заложил здесь в 1735 году первый корабль. Говорят, основатель Охотска плохо кончил: опустился, запил горькую... Да, ссыльный край... А что он, сам Кошелев, разве не в опале? Разве ждущий его за морем Нижне-Камчатск не такая же дыра?

Кошелев ещё раз окинул взглядом карту необъятной империи, расстеленную перед ним на сукне, и впервые не почувствовал горечи от своих дум. Несправедливость сильных мира сего здесь, на краю света, уже не ощущалась опалой судьбы. Да и чего желать, если рядом лучшая из женщин... Что же касаясь служения Отечеству, так служить России можно везде. Жизнь ещё не закончена. Она в сорок два, оказывается, только начинается.

3

Тело гигантского кашалота вынырнуло впереди по курсу «Константина» неожиданно. Вперёдсмотрящий матрос в наступающих сумерках обнаружил чёрную громадину среди свинцовых волн, когда до кита оставалось не более четверти кабельтова.

Идущий на всех парусах галиот налетел на спящее чудовище. Судно точно наскочило на риф. Если бы не сделанная в накрой обшивка подводной части, в трюмы хлынула бы вода. Но и оставшись целым, галиот подвергся нешуточной опасности. Кто из плававших по Ламскому морю не знает, на что способен разъярённый кашалот!

К счастью для мореходов, раненый исполин был напуган не менее их самих. Широко посаженные глаза великана не позволили ему верно определить, откуда опасность. И хотя «Константин» по своим размерам не составлял и двух третей кашалота, тот решил убраться восвояси. Ударив по волне плоским хвостом, он выпустил фонтан кровавой зловонной жидкости и пошёл вертикально вниз.

Когда оторопь прошла, обнаружилось, что не хватает двух человек: суперкарго Хлебникова и Елизаветы Яковлевны Кошелевой.

...Обрусевший пруссак Вольфганг Иоганнович Штейнгель, на русский манер называемый всеми Владимиром Ивановичем, поведал Хлебникову, что у моряков ещё со времён древних греков есть поверье: ждёшь удачного рейса — не чихай у левого борта. Гобелин, злой дух, поселяющийся на судне в момент его закладки и по ночам воруемый у моряков табак, а днём прячущийся в трюме, только того и ждёт. Чарами своими превращает ненароком вырвавшийся у моряка чих в крепкий норд-вест — ветер, несущий в этих широтах всякие беды.

Хлебников, само собой, в подобные сказки не верил, но, чихнув на шканцах «Константина», всё-таки перекрестился — бережёного Бог бережёт!

Вообще-то Хлебникову есть от чего быть суеверным. С водной стихией отношения у него не ахти... Год назад, когда на этом же галиоте выходили из устья Охты, случилась беда. Нерасторопный капитан, предшественник нынешнего, упустил время отлива. Нагрянувший прилив не замедлил выбросить корабль на песчаную отмель. Кириллу пришлось, разбивая новые сапоги о мелкую и острую дровину, прошагать двадцать пять верст по берегу до порта за подмогой. Больше суток потребовалось для перегрузки товаров с галиота на берег, исправления повреждений и спуска судна на воду.

На этот раз, невзирая на то, что выход «Константина» пришёлся на пятницу — по тем же морским поверьям день, не сулящий попутного ветра, — из устья реки выскользнули без приключений.

Глядя, как тают вдали кресты церкви Всемилоствейшего Спаса, самого высокого строения Охотска, Хлебников как бы невзначай задержал взгляд на Елизавете Яковлевне, стоящей неподалёку и заворожено смотревшей на белопенные гребни морских волн. Взирать на Кошелеву было ослепительно больно. Так случается, если долго глядишь на солнце без задымлённого над огнём осколка стекла. Красота юной генеральши, её недоступность будили в нём какие-то дремавшие доселе силы, волновали воображение. «Сердце душу бережёт», — говорят в народе. Оно же её и мутит! Что это такое с ним? — Хлебников не понимал, да и не задумывался пока над этим. Душа человеческая неизмерима, как бездна под килем «Константина». Одному лишь Богу известно, что таится в её глубинах.

Заглядевшись на Елизавету Яковлевну, Хлебников перестал замечать, что происходит вокруг. Время как будто утратило для Кирилла своё привычное течение. Минуты, проведённые вблизи этой женщины, наполнялись особым значением. Ему теперь хотелось только одного: чтобы плавание на галиоте никогда не закончилось, чтобы вечно стояла неподалёку Елизавета Яковлевна, а он всё смотрел и смотрел на неё.

Кошелева, должно быть, почувствовала, что за ней наблюдают. Она так живо обернулась в его сторону, что он не успел отвести глаза. Их взгляды встретились.

В этот самый момент что-то прокричал с салинга матрос, отдал громкую команду Штейнгель, занявший место капитана после выхода корабля в открытое море, заматались по вантам члены команды, словно пытаясь предотвратить какую-то беду. И вслед за этим тяжкий

удар потряс «Константин», а ещё спустя мгновение у борта, где стояли Хлебников и Кошелева, взметнулся из глубины хвост гигантского кашалота, и на палубу обрушился поток воды.

Хлебников, бессознательно ухватившийся за планшир и потому устоявший на ногах, успел заметить, как Елизавета Яковлевна, беспомощно взмахнув руками, упала за борт. Забыв о том, что он пловец никудышный, Хлебников бросился за нею. Тяжёлая, как ртуть, поверхность упруго раздалась в стороны и поглотила Хлебникова, отгородив от неба, от галиота и поднявшейся на нём суматохи, одной только надеждой на спасение соединив несоединимое: жизни Кошелевой и его самого.

Андрей ЗЕЛЕНИН

РЕПКА. Современные реалии старой

СКАЗКИ. Как бы сказка

Посадил дед репку.
Выросла репка маленькая-премаленькая. Потому что лето плохим было: без солнышка, дождливое, холодное.
Пошёл дед репку тянуть. Искал-искал — не нашёл.
Позвал дед бабку. Стали репку искать вдвоём. Искали-искали — не нашли.
Позвали внучку. Внучка за бабкой, бабка за дедкой — нет репки.
Позвали Жучку. Дедка за бабкой, бабка за внучкой, внучка за Жучкой — даже не пахнет репкой.
Позвали кошку. Кошка от Жучки, внучка за Жучкой, бабка за внучкой, дедка за бабкой — весь огород истоптали, нет репки.
Позвали мышку.
Взяла мышка пенсию у деда, сходила в магазин, купила репку и принесла домой.
И вот ведь что интересно: в огороде репа не растёт, а в магазине есть!

Фото: Тимофей Калмаков

Андрей Сергеевич ЗЕЛЕНИН родился 21 января 1969 года в городе Перми. Был главным редактором книжных издательств «Пушка», «Открытие-Пермь», «Пермский край». С 2008-го — руководитель Клуба юных сказочников, который в 2018 году трансформировался в «Семейную мастерскую сказок Андрея Зеленина» при Пермской краевой детской библиотеке имени П. И. Кузьмина. Детский писатель, драматург. Член Союза писателей России (1999). Член Союза театральных деятелей РФ (2007). Автор более 40 книг и нескольких пьес, поставленных в различных театрах страны. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2015), Пермской краевой премии в сфере культуры и искусства (2015), первый лауреат Пермской городской литературной премии им. А. Ф. Мерзлякова (2001). Кавалер орденов Достоевского II и III степени (2014, 2012). Живёт в ЗАТО Звёздный Пермского края.

Джулия ДЖОЙНЕР

В МИРЕ, ГДЕ НЕТ КОШЕК. Рассказ

Я затворил дверь и тщательно запер её на замок и на засов. Мне никто не должен помешать.

Весь вечер я чувствовал себя шкодливым школьником, который намеревается стащить из буфета варенье и боится, что его застигнут врасплох. Но к ночи разразилась гроза, полил дождь, а это означало, что мэтр не поедет по распутице и задержится в городе до утра, поэтому я всё же решился. Конечно, я не был полностью уверен в том, что артефакт сработает именно так, как надо мне, но ведь попытка не пытка. Не весь же век ходить чучелом, наполовину напоминающим Дарта Вейдера, наполовину — того парня из «Стального алхимика».

А ещё, если учесть, что вместо лица на череп натянута эта ужасная силиконовая маска, цветом больше напоминающая кожу утопленника, пролежавшего в воде пару недель, то желание смотреться в зеркало, мягко говоря, отпадает. Особенно если снять с головы колпак, то вообще душераздирающее зрелище: прижившиеся местами бесцветные волосы торчали жидкими пучками, перемежаясь с проплешинами, как позапрошлогодний саксаул, поеденный дромадерами, или как засохшие водоросли, прилипшие к голове. Даже не знаю, как было бы лучше: с этим жутким мочалообразным скальпом или вообще с лысым черепом. И эти совершенно идиотские уши — с чего мэтр Вард взял, что они делают их обладателя похожим на эльфа? Как по мне, такие уши больше смахивают на ослиные. Ну да, пунктик у него по части книжек про эльфов. Но это не значит, что все вокруг должны обзавестись ушами, растущими не из того места и торчащими выше макушки. Ещё серёжек туда навдевал. Ну это-то ладно: в некоторых высших мирах — и в моём, кстати, тоже — серьги в ушах — боевая награда и знак отличия, их кто попало носить не будет. Это здесь у них, в нижнем мире, серьги в основном бабы носят. А что я — баба, что ли?

Тарион, бледно-зелёный нефритовый шарик, лежал в огнеупорной склянке на полке над рабочим столом.

Я придвинул табурет, протянул руку и... хорошо, что не успел снять склянку.

— Огнелис, мать твою!

Глухо жужжа сервомеханизмами, котище принялся устраиваться у меня на загравке. Когда мэтр дома, он так запрыгивает на плечи только к нему. Когда хозяйина нет, то может и ко мне.

Юлия Сергеевна ПЛОТНИКОВА (псевдоним — Джулия ДЖОЙНЕР) родилась 16 июня в городе Перми. Прозаик, поэт, переводчик, филолог, преподаватель английского языка. С 2009 по 2019 год — активный участник литературной студии «Т.И.Р.» при ПКОО «Союз писателей России», с 2020-го — участник литературной лаборатории «Белкин» при Литературном институте им. М. Горького (Москва). Публикуется в альманахах «Словесность», «Литературная Пермь», газетах «Пермский писатель», «Перемена-Пермь». Победитель конкурса «III международная премия в области литературного творчества для детей «Алиса-2021» в номинации «Магическая проза для детей». Неоднократный победитель литературных конкурсов «Гишут учителя» в различных номинациях и конкурсов художественных переводов.

Файрфокс-1 — синтетический организм, синорг, разработанный на основе последней кошки, и покрытие — не бог весть из какого дерматина, и основа эндоскелета не упрятана внутрь — торчит наружу, как хребет у доисторического вепря, переходя в гибкий зубчатый хвост. Огнелис — образец из опытной серии, один из первых, на котором испытывали то, что сейчас в науке называют «запечатлённое поведение». Мяукалка ему досталась хрипловатая и скрипучая, звук — как наждаком по стеклу, зато мурчалка звонкая, что твой бубенец на карусельной лошадке. А если посильней махнёт хвостом, то перешибёт ножку стула. «Незаменимый помощник в любом доме: устранение грызунов, охрана домашней птицы от хищников и прочие хозяйственные функции. Набор дополнительных когтей с серрейторной заточкой прилагается». В мире, где нет живых кошек, но все рассчитывают на достижения техники, — весьма актуально. Хвост его, кстати, предназначен для обрубания веток и сучьев на приусадебном участке. В общем, наш Огнелис — необходимая в хозяйстве вещь. Люблю его. Мэтр говорит, что у них уже таких не делают. На его основе выпустили целую серию боевых роботов: разведку, там, провести, боеприпасы доставить.

На столе лежало несколько книг, я аккуратно собрал их в стопку. Лола Канамеро «Запечатлённое поведение: основные проблемы и методы решения» в твёрдом серо-голубом переплёте и две монографии профессора Пенского по эмоциональным роботам с неабсолютной памятью, привезённые то ли из серединного, то ли тоже из нижних техногенных миров. Мэтр ими дорожит — лучше вообще убрать от греха подальше.

Стараясь не свалить с плеч Огнелиса, я бережно снял с полки склянку и вынул тарион левой рукой. Видимо, мне, правше, так и не суждено привыкнуть к эндопротезу, хоть и очень хорошему, суперсовременному, нейроно-что-то-там-управляемому. Пришлось свыкнуться с тем, что правая рука не моя. Пока не моя.

Я взял камешек тремя пальцами, осторожно покатал между подушечками. Светло-салатовая поверхность мягко засветилась. Я поднёс шарик ближе к глазам. В его полупрозрачной глубине спала нездешняя мощь. Читал, что если его неправильно активировать, то без стабилизатора он выйдет из-под контроля. Пространство может остановиться и поменяться местами со временем.

Ладно, не стоит мешкать, мало ли что может случиться? Вот сейчас на самом интересном месте откроется дверь и мэтр войдёт в лабораторию... Этакую инициативность он точно не одобрит. Учёные такого уровня не любят, когда без их ведома проводят эксперименты. Но я могу и не дожидаться, когда он сам сподобится, да и будет ли вообще это делать для меня?

Как он поступит, если застанет меня врасплох?

Лучше пока об этом не думать.

Я расчистил себе пространство, отодвинув пачку бумаги и песочные часы подальше, чтобы не свалить невзначай, и переложил шарик в правую руку. Искусственные пальцы ловко подхватили артефакт, повращали между подушечками, повторяя движения левой руки. Камешек словно задумался, потом свечение медленно погасло. Артефакт из нетехногенного мира не обманешь, нацепи хоть трижды суперсовременный протез. Я снова взял его в левую руку, легко

покатал, лаская кончиками пальцев. Потухшее было жемчужно-зеленоватое мерцание сделалось ярче, цвет приобрёл насыщенный изумрудно-зелёный оттенок, прохладная поверхность стала тёплой, и я с удивлением обнаружил, как она завибрировала. Мягкая, волнуемая дрожь передалась запястью, поднялась по руке в плечо, погрузилась в грудь и шею — в те места, которые оставались живыми, перетекла в голову; сначала беззвучная, она росла, усиливалась, превращаясь в отчётливый, ни на что не похожий звук... Хотя... почему же ни на что не похожий?

В глубине артефакта я заметил движение, словно крохотный вихрь разрастался в самом центре, раскручиваясь всё быстрее. Последнее, что я успел увидеть, как из шарика во все стороны плеснуло золотисто-зелёное лучистое сияние.

Мне показалось, что я ослеп, оглох и потерял точку опоры. Возможно, так оно и было. Когда в глазах прояснилось, прямо перед собой я увидел песочные часы. Они висели в воздухе, и песок в них не сыпался. Позади часов один над другим висели несколько листов бумаги. Книги также парили над столом, на одной из них я смог прочитать имя автора: Лола Канамеро, только обложка почему-то была не серо-голубая, а фиолетово-коричневая. Колбы, пробирки, штативы, карандаши, табурет и всё остальное, что было не приколочено или не привинчено, также висело в воздухе, словно подброшенное чьей-то мощной невидимой рукой. И всё это я видел будто сквозь поверхность неровного бутылочного стекла или мыльного пузыря. Свет померк, вокруг меня плавало и дрожало кольцо зеленоватых сумерек. Не кольцо даже, а шар. Я понял, что перестаю дышать.

«Вот и всё, — подумал я. — Пространство остановилось. Мир выворачивает наизнанку. Стабилизатор, мать твою! Нужен стабилизатор!» Это была моя последняя мысль.

Как оказалось — нет, не последняя. Внезапно зелёные мыльные сумерки вокруг меня завихрились, я снова ослеп. Барабанные перепонки вдавило в уши так, что я почувствовал, как они сплющивают мозг внутри головы. Я поднёс руку к лицу, чтобы зажать нос и продуться, но пальцы стекли в ладонь как размякшее желе, и дотянуться до носа я так и не смог. Потом перепонки взорвались и мою голову разнесло на куски.

Я сидел за рабочим столом и держал в руке маленький зелёный шарик. Всё лежало на своих местах, в часах всё так же струился песок.

Тут я с удивлением обнаружил, что над левым ухом у меня вибрирует звук, подобный тому, что я ощутил, когда артефакт активировался. Низкий, бархатистый рокот, в который хотелось нырнуть, погрузиться с головой и раствориться там без остатка.

В полном изумлении я повернул голову, щека коснулась жёсткой морды, обтянутой искусственной кожей.

— Огнелис! Это что сейчас было? — выдохнул я. — Ты раньше так никогда не мурлыкал.

— Не было команды, — отозвался механический кот, не прекращая мурчать у меня на загривке. — Данные частоты включаются по особому запросу пользователя. В базовый функционал не входят.

— Для чего предназначены эти частоты? — настаивался я.

— Исцеление. Регенерация тканей. Восстановление органов тела.

— Ну ты даёшь! Почему тогда ты не намурлычешь себе новую кожу? — поинтересовался я. — С красивым длинным мехом и всё такое?

— В функции «Файрфокс-1» не входит.

— А у новых поколений файрфоксов тоже такое есть?

— Нет.

Ну разумеется, следовало самому догадаться. Серийные файрфоксы предназначены для гражданского рынка. Доступность через удешевление.

— А ещё что у тебя входит в эту функцию? — поинтересовался я.

— Стабилизация работы устройств, генерирующих данные частоты, — отрапортовал Огнелис. — Предохранительная функция. Скопирована с живой кошки.

— Если доступ к этой функции заблокирован, — я скосил взгляд, стараясь заглянуть в светящуюся зелёным глаз-видеокамеру Огнелиса, — то почему у тебя сейчас это включилось?

— От Вас пришёл запрос, хозяин, активировать функцию стабилизации, — бесстрастно ответил Огнелис. — Мне продолжать?

— Огнелис, так ты, оказывается, стабилизатор, — ошалело пробормотал я, поворачиваясь к артефакту.

— Команда непонятна. Мне продолжать?

— Продолжать, — велел я, зачарованно глядя на камешек в левой руке. Артефакт сиял мягким зеленоватым светом, вибрация усилилась и уже обволакивала всё тело.

— От меня, говоришь, пришёл запрос?

— Да, хозяин.

— Прекрасно! — я запрокинул голову и расхохотался.

С «Файрфоксом-1» артефакт работает как надо! Кто бы мог подумать, я смог! С чего начать: с руки или с ноги? Или с правого глаза? Или с ушей?

Мне казалось, артефакт сам знает. Он дышал и пульсировал у меня в руке, этрыйский кристалл, как его называют люди, мурчащий камень.

В его светящейся поверхности я различал своё отражение, уже начавшее изменяться — я превращался в прежнего себя. Кожаный колпак сполз с головы и свалился на пол, волосы — мои настоящие густые рыжие волосы — падали мне на лоб и плечи, а уши... бог с ними, с серёжками, пускай остаются.

— Огнелис, — едва переводя дыхание, прошептал я, — когда закончим, попробуем и тебе сделать новую шкурку.

Часть 2

Максим ДУЛЕНЦОВ

КРАСНЫЙ НАРКОМ. Из цикла

«Маленькие тайны Мотовилихи». Рассказ

В здании обкома царил хаос, с которым никто не мог справиться. Нет, конечно, бумаги ходили по нужному руслу, люди сидели за своими столами, но в эфире, заполнявшем помещение, пахло паникой.

— Немцы под Москвой, — шёл шёпот в коридорах, шептали даже стены.

— Нам конец, — вторили кабинеты и подвалы.

Женщины охали и пускали слезу. Мужчины на брони по партийной линии нервничали. Всё катилось в тартарары. Никто не знал, что до Молотова немцы точно идти не хотели. Откуда же это знать?

— Якутия только под немцем не останется. В Якутию надо бежать, — сообщил своей жене один из мелких партработников.

Жена была не согласна, партработник был арестован.

Одним словом, паника.

В кабинете первого секретаря лишь обретало жизнестойкое спокойствие.

Николай Иванович был бодр, насколько позволяла обстановка. Да и не любил он нервы и панику.

— Товарищ секретарь, у нас наркомат едет! Что делать? — чуть не кричал Кузьма Михайлович, второй секретарь. — Куда его? Всё переполнено, свободных площадей нет!

Николай Иванович внимательно посмотрел на своего заместителя. Тот выглядел нехорошо, даже совсем плохо.

«Устал, — подумал первый секретарь. — Все устали. И я устал. Но разве есть у нас выбор? Разве возможно сейчас уйти в лес, заночевать в избушке, побродить с ружьём по тайге на лыжах, попить чаю с костра?»

Николай Иванович мотнул головой, отгоняя наваждение. Нет, нельзя. Не то чтобы совсем нельзя, легко в тайгу уйти, и ружьёцо осталось, и лыжи. Только что потом? Потом расстреляют. Всё равно найдут и расстреляют. А кроме того, миллионы гибнут на фронте. Миллионы советских людей. А он, сильный здоровый мужик, по лесу будет шкериться? Выбора не было у Николая Ивановича, хотя соблазн иногда всплывал.

Он внимательно посмотрел на Хмелевского и махнул рукой:

— Наркомат вооружений? Вот и определи на оружейный завод.

Максим Кузьмич ДУЛЕНЦОВ родился 4 февраля 1971 года в городе Перми. В 1993-м окончил физический факультет Пермского государственного университета им. А. М. Горького. В 2013 году вышла его первая книга «Заветными тропами». С 2014 года публикуется в альманахе писателей Пермского края «Литературная Пермь» и в краевой литературной газете «Пермский писатель». Член Союза писателей России (2020). Лауреат городской премии им. А. Мерзлякова за лучшее произведение художественной литературы (2015). Кавалер ордена Достоевского II степени (2020). Живёт в Перми.

— Так у нас все оружейные, — возразил второй секретарь.

— На самый старый. На Мотовилихинский. В бывшие казармы НКВД.

Так, за одну минуту была решена судьба самого молодого красного наркома.

Серёгу Першина забрили на фронт в сентябре сорок первого. Прямо из города забрали.

Серёга на фронт уже не хотел. Сначала хотел, когда немцы летом напали, а потом передумал, когда Смоленск взяли. Потому что сообразил, что с такой ордой воевать никак невозможно. От военкомата бегал, как мог. Да разве убежишь? Если только в леса, а там НКВД, что лагеря охраняли. Всю тайгу почище крестьян знали. Куда Серёге в леса? Он там и не был никогда. Зачем это ему? Тем более еды там нет, жилья нет, звери всякие, не дай бог, медведь или росомаха. О них Серёга был наслышан, хотя никогда не видал. Поэтому Серёга просто сидел дома на Висиме и никуда не ходил. Но за ним пришли сами. По морде пару раз съездили, объяснили, что почём, и отправили в Бершеть на формирование. Там он побултыхался немного, в форму обрядился, винтовку изучил, кашу постную поел, не как у мамки, невкусную и мало. А после погрузили Серёгу в эшелон и отправили на фронт под Москву, которую немцы уже почти взяли.

На фронте было страшно, бабахало всё. Серёге хоть и сказал лейтенант стрелять из винтовки, но он не смог, потому что хотел спрятаться в вырытый им же неглубокий окопчик. Лейтенанта быстро убило, а Серёга тихо лежал в окопчике, пока его немцы оттуда за шкирку не выволокли. А когда выволокли, то увидел Серёга, что солдатики вокруг лежат мёртвые. Некоторые, не совсем мёртвые, стонали. Земля везде чёрная, шинели зелёные и солдатики такие же, как он. Только мёртвые совсем или почти. Страшно стало Серёге. Пошёл он с немцами в шталаг — так называлось место, где живые солдатики сидели. Там плохо кормили, иной раз совсем не кормили. Вспоминал тогда Серёга кашу из Бершети и скучал по маме.

Скоро пришёл к ним немец, хорошо говорящий по-русски и предложил еду. Серёга согласился. Еду и вправду дали, кашу, как в Бершети. И ещё сказали Серёге, что он должен служить Германии. Серёга за кашу и чтобы не били был на всё согласен. За несколько недель научили его прыгать с парашютом, один раз он даже прыгнул — было очень страшно. Показали всякие мины и пистолеты, сказали, что скоро Советскому Союзу конец.

Спросили где жил. Когда Серёга сказал, что в Молотове, то очень обрадовались немцы. Познакомили его с герром Зотофф, который тоже очень хорошо говорил по-русски. Герр Зотофф хлопал Серёгу по плечу и спрашивал, хорошо ли он знает город. Серёга от страха кивал и соглашался, хотя из Мотовилихи никогда в город и не ходил. Герр Зотофф хмыкал и улыбался. Он был офицер. Стало быть, большой начальник.

Совсем уже зимой Серёгу и ещё троих русских с герром Зотофф довели на поезде до какой-то станции, там посадили в большой самолёт и отправили в Молотов. Так говорил герр Зотофф.

— Мы выпрыгнем над городом ночью. Ты, Першин, покажешь потом, куда идти. Ты местный. Задачу группы определяю позже! —

кричал герр Зотофф, пытаясь перекрыть рёв мотора самолёта.

Серёга кивал, желая только быстрее прибежать к маме и поест её вкусной каши.

После нескольких долгих часов полёта самолёт затрясло, что-то шёлкало снаружи, потом Серёгу швырнуло на стенку к герру Зотоффу. Герр кричал. Лётчики открыли дверь и приказали прыгать. Герр Зотофф матерился, как дворник у Серёгиной школы, хватал за шкуру, пинал, в итоге все выпали в чёрный холодный воздух.

Серёга самолёта больше не видел, только дёрнул, как учили, за скобу парашюта. Несколько минут спустя он неловко упал в глубокий снег, сбросил парашют и посмотрел вокруг. Было очень темно и ничего не видно, и города было тоже не видно.

Когда Серёга начал замерзать, сидя в глубоком снегу, его нашёл герр Зотофф.

— Вставай, идиот, замёрзнешь. Ты знаешь, где мы?

Серёга помотал головой.

Герр Зотофф включил фонарик и посветил на карту в планшете. После выругался.

— Ничего не понятно, но мы явно не у города.

Утром, когда они с герром Зотофф вылезли из относительно тёплого сугроба и наткнулись на человека, стало понятно, что рядом есть посёлок Кудымкар.

— Ты знаешь Кудымкар? — спросил герр Зотофф, закапывая зарезанного им крестьянина

— Нет, — ответил Серёга, очень боясь.

Герр Зотофф опять выругался, посмотрел карту, компас и заставил Серёгу быстро идти по дороге.

Остальные, кто был в самолёте, так и не появились. «Наверно, сбежали», — подумал Серёга и тоже захотел сбежать, но куда бежать зимой в лесу, он не знал.

Нарком Устинов был не в духе. Ну почему, когда весь Совнарком уехал в Куйбышев, он, важнейший нарком вооружения, как он считал, должен прозябать в каком-то Молотове на старом пушечном заводе? Да даже если бы его определили в центр этого Мухосранска, он не был бы доволен. Как работать с Совнаркомом? Телеграф и телефон работают с перебоями. Нарочного не послать — тысячи километров. Нет, определённо, это была ошибка. «Ошибка, — думал нарком. — Чья?» И тут же отметал эту мысль. Верховный ошибаться не может. Просто надо, чтобы он, молодой, не мешал. Надо, чтобы он решал вопросы сам. Это испытание. Тысячи заводов едут на восток, миллионы людей перемещаются на огромные расстояния. Надо, чтобы он, нарком, всё наладил и дал фронту оружие.

Устинов походил по маленькому кабинету, холодному, с замёрзшими окнами, и успокоился. «Раз надо, значит, надо. И здесь поработаем».

В кабинет вошёл первый секретарь обкома и какой-то сотрудник НКВД, судя по петлицам, полковник.

— Товарищ нарком, по нашим данным на севере области выброшены диверсанты. Мы усилим охрану и просим никуда из здания не выходить, — отчеканил полковник.

Кровь прилила к лицу наркома.

— Это как это? Вы издеваетесь? Я должен сидеть здесь, как в тюрьме? — Устинов повысил голос. Чуть-чуть, но было ясно, что он не в духе.

Полковник НКВД замялся, ситуацию спас первый секретарь.

— Дмитрий Фёдорович. Дня три потерпите. Трёх из диверсантов мы ликвидировали, но точно известно, что есть и другие. Поиск идёт. Это мера вынужденная, для безопасности. А питание мы организуем и в здании. На завод Вам ходить незачем, у Вас таких заводов тысячи. Кочку сделаем в соседней комнате. Потерпите, товарищ нарком. Завтра всё наладим.

Устинов смягчился.

— Ну раз три дня... Ладно. Сделайте мне только нормальную связь.

— Это мы сделаем. Уже работаем, — отчеканил полковник.

Устинов кивнул, посетители вышли.

«Диверсанты здесь уже. Совсем немцы обнаглели. Неужели до Урала дойдут?» — подумал нарком и испугался своих мыслей. Не потому, что верил в телепатию, ноосферу и прочую ерунду. А просто потому, что так думать даже нельзя. Иначе дойдут.

Серёга с герром Зотофф шли в темноте по заснеженным дорогам, отдыхая днями в деревнях в сараях. Иногда им давали еду, потому что они представлялись уполномоченными обкома ВКПб, отправленными на закупки продовольствия. У герра Зотофф были такие документы.

Через неделю они дошли до города. Серёга сразу сказал, что надо идти к маме, герр Зотофф не возражал.

Декабрьской ночью Серёга открыл калитку родного дома на Висиме и постучал в дверь сеней. Внутри затеплился огонёк, родной мамин голос спросил:

— Кто там?

Серёга ответил, дверь сеней скрипнула, отворяясь, мама бросилась на шею сыну.

— Серёженька, милый мой, любя моя, ты ли это? Как же я ждала тебя!

Мама впустила и герра Зотофф. Тот внимательно осмотрел дом, поел предложенной немудрёной закуски и лёг спать. Затемно он разбудил Серёгу.

— Так, пора за дело. Нам надо устранить наркома СССР.

— Так наркомы же в Москве? — удивился Серёга.

— Этот здесь. Знаешь, где дом техники?

Серёга кивнул. Он знал этот дом, бывал там на экскурсии со школой.

— Тут недалеко. Идти минут тридцать.

— Тогда пошли. Времени нет, нашу группу раскрыли, только мы одни с тобой добрались до цели. Всё сделаем сегодня. Не думаю, что охрана хорошая в этом вашем захолустье. Тем более, что у нас форма и документы сотрудников НКВД. Переодевайся.

Серёга пошёл переодеваться, но мама остановила его:

— Серёженька, что ты делаешь? Кого ты убить хочешь? Это же плохо, нельзя никого убивать, грех это. Если что, просто дома посиди, не ходи никуда. Я тебя спрячу. А этого ирода не слушай, — кивнула она на герра Зотофф.

Герр Зотофф улыбнулся, подошёл к маме Серёги и воткнул ей нож в сердце. Женщина осела на его руках. Герр Зотофф осторожно положил её на кровать и обернулся к Серёге.

— Пусть поспит. Пора. Выходим.

Серёга вышел из дома, пока ничего не понимая.

Они спустились с Висима, пошли вдоль трамвайных путей, взошли в подъём к Рабочему посёлку, добрались до нужного здания. У входа охраны не было видно. Герр Зотофф осторожно приоткрыл двери, зашёл, поманив Серёгу:

— Давай за мной.

Серёга вошёл в просторный холл, поднялся по лестнице на второй этаж. Герр Зотофф достал пистолет, осторожно проверил все двери по очереди. В коридорах было пусто. Серёга следовал за ним.

За одной из дверей в комнате сидел человек в белой рубашке и галифе. Он кушал суп из белой тарелки.

Когда герр Зотофф вошёл, человек гневно вскинул на него глаза и произнёс:

— Кто вы? Что вам нужно? Ещё не приёмный час, шесть утра. Подождите в коридоре до восьми.

— Не собираюсь я ждать, товарищ нарком, — сообщил человеку герр Зотофф и направил на него пистолет, но в тот же миг Серёга выстрелил в герра Зотофф из своего. Зотофф завалился на пол, не произнеся больше ни слова.

— Он маму мою убил, — пояснил Серёга, бросил пистолет на пол, сел в углу у двери и заплакал.

Нарком вооружения Дмитрий Фёдорович Устинов рванулся к шкафу, достал из кобуры «ТТ» и позвонил в НКВД.

Наркома вооружения после этого быстро перевели в другой город.

Серёгу Першина посадили на двадцать пять лет. Он вышел в 1965-м. В 1985 году его даже представляли к ордену Отечественной войны II степени, но потом почему-то передумали.

Похоронен Серёга на Южном кладбище.

Личное дело герра Зотофф было утеряно, как и его прах. Дмитрий Фёдорович Устинов сделал великолепную карьеру, и его именем даже некоторое время назывался город Ижевск. А мы все уже давно забыли недолгую историю пребывания у нас в Перми наркомата вооружения СССР. Как, впрочем, и многое другое.

Валерий ВЯТКИН

НА БЕРЕГАХ НЕВЫ И КАМЫ. Записки о разном

В ПЕТЕРБУРГЕ

Весьма печальная несвобода

Решил лететь в Петербург. На вокзале заметил парня с собакой — неразлучных по виду друзей. Собака была довольна жизнью и, можно сказать, улыбалась. Но появилась клетка-контейнер для перевозки животных...

Спокойно покачиваясь, самолёт уже летит. Пассажиры молчат: иные дремлют, иные развлекаются с электронными устройствами. Другое — в багажном отсеке. Мечется и рвётся в клетке собака, жалобно при этом скулит. Необычная обстановка истязает её. Горькая неволя длится два с лишним часа...

Наконец добрался до цели. Ступаю на Невский проспект. Становлюсь заточённым среди чужаков. Толпа ограничивает в скорости, заставляет иногда тормозить. И вдруг ощушаю новый настрой. Душа возжелала внутреннего мятежа, способного перевернуть надоевшую жизнь, втиснутую в постылые рамки.

Сила архитектуры

Прогуливаясь по Петербургу, любуюсь творениями зодчих, испытываю перемены. Будто бы расстаюсь с духом провинциала, становясь спокойнее, самодостаточнее и гармоничнее. И, кажется, не нужны собеседники.

Сила архитектуры в её величавом молчании.

Торжество света

День был солнечный, ветреный.

Решётка Летнего сада волновала душу. Благодаря трепету листьев, дававших то свет, то тень, позолота на решётке сказочно играла.

Массой световых причуд жил и садовый пруд. Здесь тоже дружили ветер с солнцем. Блики на воде то вспыхивали, то кувыркались, а то рассыпались фейерверком, когда ветер налегал рывком.

Едва не растворились в тех бликах лебеди. Белые, они были тоже яркие. Вот выплыла в тень неразлучная пара. Восклицательными знаками их длинные шеи. Время было действительно восклицать о верности, любви и горечи счастья, обречённого всегда умирать.

Валерий Викторович ВЯТКИН родился в 1956 году. Окончил Пермский госуниверситет (1978). Кандидат исторических наук. Автор девяти книг. Член Союза писателей России с 2003 года. Живёт в Перми.

Впечатления благодатно касались души, ниспадая в неё потоком, ведь блики продолжали играть.

День был прелестный — торжество света.

Несносная досада

«Иду в Русский музей!» — сияет в тебе с утра торжество. И вот ты в Русском. Сознаёшь важность события, имея возможность быть в музее не более раза в год.

Быстро, однако, замечаешь: экспозиция сильно обновилась. Множество работ, которых ты раньше не видел.

И не замедлила незадача. Чувствуешь: к радости твоей при- мешалась досада. И как же иначе, ведь постоять всерьёз у каждого экспоната просто нет времени. И пронесишься ветерком по залам, ощущая сквозняк в своей голове. «Корзухин, Моллер, Кошелев...» — твердишь шёпотом, чтоб не забыть новые для тебя имена крупных мастеров. И признаёшь свою вину перед ними, ведь иные работы создавались годами. Прекрасное переполняет тебя, но это не отменяет досаду.

Выходишь на улицу комплектным дилетантом, вина и музейных работников: жестоко так «заваливать» посетителей. Но вмешивается здравый смысл. «Зачем же? — урезониваешь себя. — Судьба, просто судьба».

На другой день я снова пошёл в Русский музей. Вот только не было эйфории.

Закат культуры

В столичных музеях новое поветрие: делить музей на части и брать деньги за посещение каждой из них. Так поступают мошенники на рынке: уменьшают вес товара, оставляя цену прежней.

Но «деятели культуры» всё ж изощрённее. Ведь на рынке не режут рыбу, дабы выдавать половину за целое.

Петербургские аномалии

На Невском проспекте пришлось удивляться. Промелькнула быстрая бабочка именно там, где ни цветка, ни травинки.

Расположенный удивляться, отправился на площадь Искусств. Голова скульптурного Пушкина была традиционно занята. Но ба! Вместо привычного голубя на голове поэта помещалась чайка. Благодаря пернатый памятник был безобразно грязен, и требовалось срочно его помыть.

На той же площади прохаживалась девчонка. «Люцифер! Иди, Люцифер!» — сердилась она на свою собаку. «Но стоит ли удивляться? — подумал я. — Собака радовалась возможности гулять. Скандальная кличка ей вовсе не шла. Большей аномалией была девчонка, ведь ставилась под сомнение её способность любить».

О человек! Ты и вправду есть аномалия.

Рассуждаю о лицах

Бродил по улице Михайловской, где Петербургская филармония. В витринах портреты современных исполнителей: холёные, напыщенные лица. Захотелось даже отойти в сторону. Но мемориальная доска, вывешенная рядом, заставила остановиться: 1942 год... дирижёр

Элиасберг... исполнение Седьмой симфонии Шостаковича... И представлялись иные лица, измождённые голодом, холодом... — всеми блокадными ужасами...

Памяти Мравинского посвящалась другая доска: на ней значилось, что маститый дирижёр работал в филармонии 56 лет. И вспомнилось его лицо, знакомое по телепередачам, — лицо труженика.

Именно такими лицами и обладают творцы прекрасного.

Анатомия Петербурга

Россия — страна фасадов.

А. де Кюстин

Фасады петербургских домов часто неопишуты. Их изящество доводит порой до безмолвия. Но глянешь сквозь подворотню, увидишь изнанку здания — и вдруг захочется выговориться.

Грязно-жёлтые стены — вообще без затей. Замкнутый внутренний двор, где ни куста, ни былинки. Стены, образующие двор, мрачны и непритязательны.

Здесь впору прогуливать заключённых, пустив шагать их по кругу. Если проникнешь в подъезд — увидишь унылую лестницу, стёртые донельзя её ступени так, что спускаясь по лестнице, можно оступиться и грохнуться. Представишь себе жильцов — нищих чиновников Достоевского...

Но подворотня уже промелькнула. Вновь изысканные фасады. Впечатления уже иные. Город кажется нагромождением форм, будто угрожающих тебе, как на картине «Петербург» Добужинского.

Неужели всё прошло?

Шагая по Невскому, задержался на мосту через Мойку. Стоящий на берегу Мойки, за её поворотом, дом, где умер Пушкин, не был виден. Но в двух шагах была кондитерская: здесь Пушкин встречался с секундантом накануне той страшной дуэли...

Мрачные волны плескались в Мойке. Были мрачны и тучи над городом. Мнилось, звучала пушкинская мелодия. Возвышаясь над крышами, виднелся шпиль Петропавловского собора: орудием дирижёра представлялся он.

Мелодия всё лилась и лилась. Но отвлекали фонари — украшения моста. Подвешенные, они раскачивались на ветру мерно и мирно, будто внушали: давно... и всё... прошло... прошло...

Не пора ли укротить человека?

Прекрасен Петербург, но создатели его небезупречны. Могут возмутиться и защитники прав животных. Стоит посмотреть на Банковский мост, переброшенный через канал Грибоедова. Мост «охраняют» четыре грифона, мифические, к слову, существа. Но видятся всё-таки львы, изуродованные воображением человека.

От пасти к пасти вдоль моста, вскрай, перекинут стальной трос: четыре льва — два троса. И можно дивиться выдумке — железу из горла животного. Но это, конечно, не всё: к головам львов приделаны фонари, к туловищам — массивные нелепые крылья. Эти позолоченные крылья и приковывают взор туристов. Но, боже мой! Любоваться позолотой — не слишком ли мелкая радость?

Но пора сменить место.

Перейдём на Фонтанку, на Аничков мост, где четыре скульптурных группы «Укрощение коня». Последняя группа — укрощение завершилось. Конь подвергся насилию. Рядом с ним самодовольный человек. Позорно сверкает его голый зад. И надо спросить: не пора ли укротить самого человека?

Блокадные синонимы

Часто хожу через Неву по мосту Александра Невского. Напористый ветер здесь обычен. Сегодня он нёс сильный запах — аромат печёного хлеба, продукции питерского завода. Мизерная порция хлеба спасала жизнь ленинградцев-блокадников. И синонимом его была жизнь.

Вчера же дуло с Ладogi. И думалось о «дороге жизни» времён войны — единственной, что связывала блокадников с внешним миром, спасая их от смерти. Ленинград выстоял. И синонимом его стала жизнь.

Полезно быть на петербургских ветрах.

Завидую питерской кошке

На берегу Чёрной речки два кладбища: Тихвинское и Лазаревское. Оба обнесены каменной стеной, и вход на них платный. Кладбища разделяет пешеходная дорога. Сегодня я иду по ней. Двери для входа на кладбища слегка приоткрыты: они напротив друг друга.

Из Тихвинского вдруг вышла кошка. Степенно перейдя через дорогу, она скрылась на Лазаревском. И я позавидовал её свободе, рассуждая о мире животных. Мир этот — единое пространство. Другое — мир человека. Полный запретов и стен, он дышит грустной неволей. Берегись, человек, не набей себе шишек о стены!

Вертикали

Выхожу из библиотеки.

В вестибюле услышал музыку — «Пушкинский вальс» Прокофьева, столь любимый мною. Раздаваясь всполохами, музыка казалась призраком-утешением. Источник её был неведом.

Оказавшись на улице, всё ж уяснил: вальсом был охвачен Александринский театр. Вальс то вспыхивал, то умолкал. О технических причинах не думалось. Чудилось: само мрачное небо, тяжеленное, неуступчивое, мешает вальсу. Музыка следовало помочь, и она заиграла во мне...

Наконец прояснилось. Вальс зазвучал сильнее. И встретились вазоны большой величины. В каждом деревцо и цветы, ниспадающие длинными прядями, переваливаясь через край вазона.

«Вот новые вертикали, — подумал я, — пусть дополняют лучшую вертикаль — музыку».

Предположение о любви

Это дерево — туя — мне давно уже приглянулось. Сегодня нашёл на лапе её нечто постороннее. Приняв за мусор, сбросил на траву. Глянул — лепесток розы (вблизи цвёл шиповник). Смутившись, бережно перенёс лепесток обратно.

Может, была любовь, которую стоит уважить.

В ПЕРМИ

Утешение

Октябрьское утро. Трава крепко схвачена инеем: ни шевельнуться, ни приподняться ей. Всё решено — и точка. На траве омертвевшие листья: гнутые-перегнутые — искорёженные, словно умирали в мучительных корчах.

Рябину теперь не узнать: рассталась с последними листьями. Другое было раньше: множество гроздей купалось счастливо в листьях. Лишь гроздья-одиначества остались теперь у рябины. Одна-единёшенька, и сколько несёт на себе одиночеств!

Единственное своё одиночество ты сможешь точно перенести.

В плену у противоречий

Октябрь. Иду по логу ни свет ни заря. Но зарядки уже проснулись. Будто звуковые маячки, позвонькивают слева и справа, находясь вдоль тропинки, которую плохо видно. Словно помогают идти.

Слышен шум небольшой речки: спешит-торопится говорливо к реке, что гораздо крупнее. Ту реку едва ли услышишь, как многие крупные реки. Она тиха. Всё большое подчиняется тишине, не спеша заявлять о себе. И люди не составляют здесь исключения.

И есть безмолвие планет, как есть священная тишина Вселенной. Но ценны, дороги и звуки Земли, включая голос зарядки.

Последняя метель

Обрастает утратами, как дерево обрастает годичными кольцами. И ветвится, как дерево, гнетущее одиночество...

Но зимним стало твоё «дерево», что служит образом смерти.

Ты жив, а тебя больше нет. На одном из перекрёстков ты расстался с самим собой. И след твой замело метелью.

Зимние сны

Морозным январским утром иду вдоль оврага. Снег поскрипывает под ногами. Но чу! Совсем не зимние звуки: не скованная льдом журчит быстрая речка, робко напоминает о лете. Снегом завалены её берега. И словно во сне лопочет речка.

Приналёт ветер. Зашелестели крылатки клёна, остатки листвы, не облетевшей осенью, являя иллюзию полноценной жизни. Будто погружённая в сон слышно вздохнула природа. Сон и здесь был о лете. О смерти не могло быть и речи. Сомнений в пробуждении не возникало. Но как длинны эти зимние сны!

Рассуждаю о Вечности

Нет границ меж временами года, и ветер вольно мчитя через них, летя из одного времени в другое: то холодный, то тёплый, то обжигающий — всё тот же свободный ветер. Не он ли служит дыханием Вечности? Нет, разумеется, нет. Конечен и он, как всё сотворённое.

Вечность превыше всего: превыше жизни и смерти — всё ничтожно пред ней. Ум же человеческий тоже конечен и может постигать лишь конечное.

Нет определения Вечности. Есть ветер, напоминающий о ней, и есть лица, овеваемые ветром.

Январская музыка

Куда ни глянь — всё покорно морозу. Так и гроздь рябины — застыли-замёрзли: кастаньетно постукивают друг о друга на ветру. Другое — в блёстках, рассыпанных на снегу, — здесь мелодия. И кажется: самая лучшая музыка не громче падающего снега.

Закон всемирного тяготения

Горечи собираются в волчий стаи, радости составляют яркие созвездия, где звёзды зажигаются одна за другой с довольно короткими перерывами. «Подобное тянется к подобному»: действует закон всемирного тяготения.

Но что же между созвездиями? Страшные пространства мучительной пустоты. И веет на тебя космическим холодом. И можешь вообразить волчий вой.

Надежду приносят дрозды

Урожай рябины выдался богатейший. И дрозды-рябинники остались зимовать: трудно улететь от такого изобилия, как бы ни манили тёплые страны. Соединённые в стайки, облюбовав иные рябины, они щебечут о довольстве, благостно так щебечут, не упуская из виду обильное угощение, словно исполняют застольную песнь.

Под благодный этот щебет, заражаясь довольством дроздов, воображаю беседу с другом своим, которого больше нет. Радость чужая пробирает насквозь. И чудится-мнится, как прежде чудилось: открыто окно в запредельный мир.

Ищу смысл жизни

Богатеть, беря у другого, — привычная печальная схема. И кажется: нельзя это преодолеть. Ведь даже день и ночь берут друг у друга, чтоб становиться длиннее. Так и в душе твоей, где свет и тьма: то свет теснит мрак, то наоборот — одно утверждается за счёт другого.

И вот смысл жизни: не отдавать мраку ни лучика своей души — не как в окружающем мире, где день лишь временно побеждает ночь.

* * *

Не может быть пресыщения прекрасным, как не пресыщается тело дыханием.

Крайности

Рябины ныне неслыханное изобилие, но мало свиристелей, главных рябиноедов. Так что часть урожая погибнет. Годом ранее было наоборот: множество свиристелей при отсутствии рябины...

Подобное и у тебя: уйма в душе нерастроченной любви, но некого любить. Остаётся ненавидеть.

Крайности порождают крайности, и в этом убогая правда жизни. И будет последняя крайность — конец жизни на Земле.

Ничего не попишешь: дисгармония чревата трагедией.

Обычная встреча

Поутру встретил на улице женщину: молодую, но некрасивую. Стоял крепкий мороз, и женщина была тепло одета. Толстую шапку

покрывал капюшон шубы. Она позаботилась о себе. Но было грустным её лицо.

И вдруг, с воодушевлением, я пожелал ей большого счастья — безмолвно, но горячо. Едва не вышибло слезу, словно уходило моё собственное счастье...

Бесшумной походкой она прошла мимо. Так минует человека удача.

Найти свою тропинку

Зимнее морозное утро. Ещё не рассветает, но иду по улице. Пешеходную дорожку замело — приходится двигаться по проезжей части. Боязливо освобождаю проезд автомашинам, что идут с включёнными фарами. Дорога очень неровная. Снопы света из фар сильно раскачиваются, обшаривая на повороте всё что ни есть: стены домов, пустыри... Словно преступники выслеживают жертву.

Из заводской трубы валит дым, стелется по ясному небу, сиюсья закрыть яркий месяц, свидетеля ночных дел.

Но вот нахожу тропинку: петляя, убегает куда-то, будто стремясь к чему-то хорошему. С лёгким сердцем доверяюсь ей. Страхи остаются там, на повороте.

Зимняя поэзия

Несмотря на сильные морозы, речка не замёрзла целиком и к концу января: где-то лёд соединил берега, а где-то видны большие полыньи.

Рядом тропинка, и неслышанные снегопады не упрятали её. Хорошо протоптанная, всё так же торопится, как и речка.

Вьётся тропинка, вьётся речка, и вьётся над ними снег.

С чем же рифмовать это? Не с путём ли жизни, который тоже вьётся?

Совсем простая философия

Зима не забывает своё дело — покрывает снегом необъятные пространства. Безукоризненно белый снег радуется-восторгается, искрится на солнце в морозный день, скрывая безобразное, связанное с людьми. Безгрешный, восхитительный снег. Миру даруется красота. Но люди тоже упорны — поддерживают в снегах дороги и дорожки, оставляя свой грязный след.

Настаёт день, и зима сдаётся — тает её прекрасный покров. Остаются люди, оскверняющие землю. Но пусть не обольщаются: дороги их ведут в небытие.

Предвкушая весну

Конец февраля. Радуюсь переменам, кричат вдохновенно воробы и синицы. Можно сказать, что поют. Словно развесились звуковые гирлянды: праздничные, слепящие, они впечатляют.

Медленно, но уверенно на лице моём оживает улыбка: благо, помогает яркое солнце. Радуюсь улыбке — разновидности света. Пусть передастся другим — пусть развесятся световые гирлянды. Если весна означает праздник, то к празднику надо готовиться.

Но излишне разбираться: где свет, а где звуки, как не нужно разбираться в деталях любви.

А перемены множатся. Силуэты зимних печалей меркнут — растворяются в свете, будто тают. Так будет таять весною снег.

Ослепительно короткая близость

Март уже на исходе. Погода ещё не расщедрилась на тепло, но солнечного света хоть отбавляй. Подчиняясь надежде, выхожу на улицу.

На одном из поворотов, ослеплённый солнцем, я улыбнулся. Идя мне навстречу, улыбнулась и она: так, робко и застенчиво, сияет утром роса. Здесь тоже колдовало светило. Крошечные спутники солнца, мы тут же разошлись. Каждый следовал по своей орбите — страшно близкой к орбитам другим.

Не зная преград

В разгар апреля речка вышла из берегов. Чуть слышно лопочущая зимой, теперь она шумна, говорлива. Хороводит вокруг прибрежных ив, делясь с ними радостью, пришедшей весной.

Не молчит и кряковый селезень, отдавшись течению речки. Но вот преграда — мостик, под коим теперь не проплыть: вода поднялась почти до него. Но селезень ступил на мосток: оранжевые лапки под стать яркому солнцу. Степенно перешёл преграду и плюхнулся в воду. Его ждала желанная встреча...

Речка же готовилась залить и мосток, как солнце заливало окоём. Преград не знали ни речка, ни солнце.

Во всём виновато солнце

Весна сегодня здесь победила. Запело не менее десятка синиц. Высвисты их яркие — ослепляют и пронзают воздух, как солнечные лучи.

Нашлись и первые цветы. Брызнув из земли, они в заметном восторге празднуют дружно встречу с солнцем.

Потребовался новый аккомпанемент — звонкие детские голоса. Раздавшись где-то, они приближались. Весна младшенька несла радость.

Урок благодарности

Весна не отличалась постоянством: приятные дни чередовались с холодными. Наведывались и нудные дождички. Но расцвела мать-и-мачеха — символ весенних контрастов. Всё стало словно понятнее. Но чего-то ещё не хватало.

Думая так, иду по улице. И вот песня зяблика. Со дня прилёта он пел непрерывно, будто не различая погоду. И дни весенние показались едиными, почти одинаковыми, как числа в календаре.

А в глубине души забрезжила благодарность.

Приглашение к жизни

Апрель заканчивается, но утренники ещё продолжают. Сегодня выдался особый морозец. И сникли нарциссы, расцветшие среди прошлой трав.

Днём же солнце не обмануло, щедро возвращая долг земле. И ободрились нарциссы, и ветви дуба, казалось, приподнялись. И тихо всходили травяные ростки, получив приглашение к жизни.

Приглашало солнце, обращаясь ко всем, и я поздравил себя: «С новолетьем!»

Весна священнодействует

В канун мая воцарилась тишина. Ничто не мешает слушать варакушку: она только что прилетела. Песня её — изящная вязь, сплетённая из звучных коленцев: отнюдь не вредит тишине, опустившейся ради таинства — распускания первых листьев...

В жилище моё влетел шмель, и надо спасать бедолагу — пустить скорее на волю. Уже и кот устремился за ним, цепляясь ловко за штору. Но вот переполох исчерпался.

Тогда как таинство продолжалось — листья всё распускались...

Весна вдохновляет

Вернулись на родину перелётные птицы, порадовал первый грозной дождь, покрыла землю молодая трава, уже и листья шелестят на деревьях.

Прекрасен этот список, но явно не полон, ведь здесь забыт человек.

И вот захотелось добавить: где-то свершилось особо желанное — первый вдох родившегося ребёнка, и рождения повторялись одно за другим...

Жизнь действительно продолжалась.

Олег ЧЕРНЯК

СВЕЧА. Рассказ

В шкафу-купе, приспособленном под кладовку, хранились старые вещи. Много раз хозяин квартиры пытался навести в нём порядок и выбрасывать всё ненужное, но каждый раз, покрутив в руках ту или иную вещицу, он клал её на место. И действительно, как можно расстаться с отрезанным от сгоревшего чайника шнуром с вилкой, со старыми, пошарпанными детскими санками или большущей эмалированной крышкой от давно вышедшей из строя кастрюли и многим-многим другим? Как расстаться с тем, что может ещё когда-нибудь пригодиться?

На верхней полке шкафа пылился потрёпанный саквояж с чуть прихваченными ржавчиной замками. Он достойно пережил всех советских вождей, но так и не смог вписаться в современную моду. Этот саквояж, как реликвия, передавался из поколения в поколение, переезжал из города в город, из квартиры в квартиру, но никто не решался выбросить его. В саквояже, наслаждаясь тишиной и уютom, проживали пенсионеры: парафиновая Свеча, старое Пенсне и Веер из гусиных перьев. И у Пенсне, и у Веера позади осталось бурное прошлое, наполненное интригами и тайнами. Коротая время в саквояже, они изо дня в день делились воспоминаниями, которым, казалось, не будет конца.

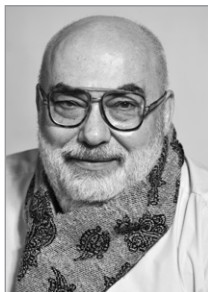
А вот бледно-жёлтой Свече рассказать было нечего. Её давным-давно, в ранней молодости, уташили со свечного завода и надёжно запрятали, да так надёжно, что потом и вовсе про неё забыли. С тех пор ей было уготовано бесцветное прозябание в темноте закрытого саквояжа. Но для печали у неё не было причин. Свеча не знала, что такое настоящая жизнь, и поэтому, какая бы ни была своя, она казалась ей раем.

— Я сын Вихря, — заявил Веер, шелестя потёртыми перьями. — Только характер у меня в маму — мягкий и нежный.

— Подумаешь! — пробубнило Пенсне. — Зато я знакомо с самим Чеховым. Помню, нацепил он меня на нос, посмотрел в зеркало и сказал: «В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Слушая рассказы соседей, Свеча, забившись в угол, начала понимать, что где-то вдаль от неё существует другая жизнь. Не чёрная,

Фото: Владимир Бикмаев

Олег Аронович ЧЕРНЯК родился 18 июня 1961 года в городе Перми. В 1976-м окончил восемь классов физико-математической школы N 9, поступил в Пермский строительный техникум на специальность «Промышленное и гражданское строительство». В 1980 году принят по распределению на работу инженером технического отдела в Пермское отделение Стройбанка СССР. В 1989 году завершил обучение в Пермском политехническом институте. Трудился на промышленных предприятиях города Перми. С 2004 года перешёл на работу в систему образования. Автор восьми книг. Обладатель Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2019), премии имени А. Ф. Мерзлякова администрации города Перми (2019). Кавалер ордена Достоевского III степени (2020). Член Союза писателей России (2018), член Союза русскоязычных писателей Израиля (2018). Живёт в городе Перми.

как в саквояже, а радостная, наполненная фейерверками событий, эмоциями и переживаниями.

— Скажите, а в той жизни есть такие, как я?

Пенсне посмотрело на Веер. Веер распахнул душу и с пафосом произнёс:

— Конечно, у тебя прекрасная родня! Были времена, когда без вас невозможно было обойтись. Ах, если бы ты знала, дорогуша, свидетелем каких балов и светских приёмов были твои предки! Это не передать словами.

— Да что там балов!— поддержало Пенсне. — Я-то много в жизни повидало. Одно время вы были везде. Стояли в роскошных канделябрах на столах, тумбочках, секретерах и даже висели на стенах в бронзовых подсвечниках. С вами всегда было светло. От вас веяло теплом и уютом.

— А почему я не такая? — спросила Свеча.

— Наверное, судьба, — ответило Пенсне. — В другие времена живёшь.

— Не соглашусь! — скрипнул Веер. — В любые времена надо оставаться собой, даже в самые трудные. А тебе, дорогуша, необходимо как-то выбраться отсюда. Только тогда ты поймёшь, что такое настоящая жизнь, и сделаешь то, что должна.

— Я кому-то что-то должна? — удивилась Свеча.

— Кому-то, конечно, нет, — вздохнул Веер. — А вот себе — да!

— Но зачем? Мне сейчас и в саквояже хорошо.

— Глупышка, — возразило Пенсне. — У каждой вещи, пришедшей в этот мир, есть своё предназначение. Мы рождены, чтобы помогать другим. В саквояже ты обречена на вечную тоску. Тебе нечего вспомнить и нечем гордиться. А грусть когда-нибудь расплавит тебя, и ты превратишься в никчёмное, никому ненужное, затвердевшее парафиновое пятно.

— Ты думаешь, мне было легко? — спросил Веер. — Посмотри на мои перья! Они почти осыпались, но я до последнего махал ими, давал людям ветер и спасал их от жары. Зато теперь смело могу сказать: я сделал всё, что мог, и теперь буду спокойно доживать свой век, наслаждаясь воспоминаниями.

— А я! — вскрикнуло Пенсне. — Ты думаешь, легко держаться на носу, который постоянно хочет тебя скинуть? Но я держалось, и порой из последних сил. И падало. Мои хрупкие стёкла покрывались трещинами, но я снова цеплялось за нос. И благодаря мне было написано и прочитано множество книг.

— Я поняла, я тоже хочу! — оживилась Свеча. — Но как мне выбраться отсюда?

— Тут мы бессильны тебе помочь, — сказал Веер. — Но каждому всегда даётся шанс, а воспользуешься ты им или нет — это решать тебе...

Хозяин квартиры вернулся домой поздно. Он зашёл в коридор и щёлкнул выключателем. Свет не включился.

— Ещё этого не хватало!— фыркнул он, достал из кармана телефон и включил фонарик.

Через минуту на экране высветилась батарея, перечёркнутая красной полосой, телефон протяжно загудел и отключился.

— Так, — пробурчал хозяин, — ну вот это уже совсем не вовремя! Он скинул ботинки и прошёл в дальнюю комнату.
«Где же я её видел? По-моему, здесь», — подумал он, снимая с верхней полки потрёпанный саквояж...

Свечу, наспех воткнутую в горлышко пустой бутылки, охватила тревога. Она понимала, что ещё мгновение, и что-то произойдёт. Но что?

«Странно всё, — подумала Свеча. — Вроде темно, как в саквояже, но что-то не так. Точно! Это воздух. Он другой — вкрадчивый, просторный и свободный».

Через мгновение чиркнула спичка. Красно-жёлтое пламя с привкусом гари было совсем рядом. Оно едва коснулось фитиля, который на секунду согнулся, почернел, но тут же расправился и потянулся вверх.

— Я горю! Я горю, и это замечательно! — воскликнула Свеча и заплакала.

Горячие мутные слёзы крупными каплями стекали по её телу и, скатываясь на бутылку, застывали мелкими бугорками.

Хозяин приоткрыл окно, и мягкий ветер чуть всколыхнул огонёк. Его робкое пламя преломилось в узорах небольшой хрустальной вазы и рассыпалось по стенам мерцанием крошечных искр.

— Ах! — прошептала Свеча и с интересом посмотрела по сторонам.

Отблески света были везде: на посуде, холодильнике, подвесных шкафах и даже на потолке!

— Вот она, настоящая жизнь! Неужели всю эту красоту создала я? Какое счастье, что удалось вырваться из саквояжа! Ведь принуждённому жить в темноте никогда не увидеть света, особенно если не понимаешь, что он существует.

Шло время, огонёк всё сильнее охватывал фитиль и пробирался вглубь Свечи, и от этого она становилась всё меньше и меньше.

Яркой вспышкой включилась люстра, холодильник хмыкнул и радостно загудел, микроволновка подмигнула красным глазком, а ноутбук, стоящий на столе, блеснул нежно-голубым экраном. От неожиданности Свеча обмякла и, собравшись из последних сил, закричала:

— Я смогла! Это я! Это я дала миру свет! Как же мне хорошо, и как прекрасна жизнь! Жаль только, что такая короткая.

Но её никто не услышал. Фитиль вздрогнул и погас.

Кусочек засохшего парафина отвалился от бутылки и гулко стукнулся о стол...

Фёдор ВОСТРИКОВ

МЫ ЖИВЁМ, НАДЕЕМСЯ И ВЕРИМ. Стихи

ЮБИЛЕЙ

Л. А. Лисовенко

I
 Нынче комплименты не жалеем —
 Женщины прекрасной юбилей!
 Значит, поздравляем с юбилеем,
 Чтоб жилось, дай, господи, светлей!
 Будет так, я свято верю в это,
 Потому и стих ей посвящён!
 Ведь в неё влюбляются поэты
 С давних лет до нынешних времён!
 Никогда не видовали хмурой,
 А всегда мудра и весела.
 Молодую Пермскую культуру
 До высот российских подняла!
 Людям подарила столько света —
 Он в сердцах, как песня, воспарил!
 В честь тебя в благое бабье лето,
 Что века поэтами воспето,
 Нас Всевышний солнцем одарил!

II
 У женщин счёта чисел нет —
 Они млада в любые годы.
 И дарят нам тепло и свет,
 Как чудо дивное природы.
 Волнуют нас красой земной
 И неземным очарованьем,
 И светлой пушкинской строкой,
 Как божьим солнечным созданием.
 Живите милые! Всегда
 Вас крепко любим и лелеем
 И в дождь, и в зной, и в холода,
 Ну и, конечно, в юбилей.

Фёдор Сергеевич ВОСТРИКОВ родился 6 февраля 1942 года в совхозе «Батрак» (ныне пос. Авангард) Алексеевского района Куйбышевской обл. (ныне Самарской). Окончил Куйбышевское культурно-просветительное училище, Пермский университет марксизма-ленинизма, отделение журналистики. Первый поэтический сборник «Отцовское поле» вышел в Перми (1979). Член Союза писателей России (1993). Автор более тридцати книг. Сотрудничает с композиторами, переводит с азербайджанского. Дважды лауреат Пермского края в сфере искусств и культуры, награждён Почётной грамотой Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ, золотой медалью Российского фонда мира, кавалер ордена Достоевского I степени, Почётный гражданин Алексеевского района Самарской обл. Более 30 лет ведёт литературное объединение «Тропа» в Пермском городском Дворце детского (юношеского) творчества. Живёт в городе Перми.

За вас, хозяйюшек благих,
 Во здравье ставим свечи в храме.
 И славим женщин дорогих
 Шампанским, песней и стихами!

ОВРАГ

Среди степи овраг глубокий,
 Заросший сплошь полынь-травой.
 Случится, рухнешь ненароком,
 Как гинешь в бездне роковой.
 Но я хожу почти по бездне,
 Да не в овраг, а в небо рвусь,
 Пока божественные песни
 От правды яркой до чудесья
 Мне дарит щедро диво — Русь!

РЕБЯЧИЙ ДОМ

I
 Мы живём, надеемся и верим,
 А без веры жить, увы, нельзя.
 Наш Дворец распахивает двери
 Перед вами, юные друзья!
 Учимся и музыке, и слову,
 Мудрости и светлому добру,
 Чтоб в миру и жёстком, и суровом
 Не упасть на вздыбленном ветру.
 Чтоб в дороге дерзкой и упрямой,
 Отметая множество потерь,
 Прославлять Дворец, а значит — Каму,
 Город с именем высоким: Пермь!
 В юбилеи и в иные даты
 Не скупимся волю дать словам:
 Шлём поклон, вихрастые ребята,
 Добрым и святым учителям.
 Мы живём, надеемся и верим —
 Чуть не каждый в будущем творец!
 Ведь не зря распахивает двери
 На Сибирской улице Дворец!

II
 Здравствуй, наш ребячий дом
 На Сибирской улице!
 Мы с толпой к тебе идём,
 А душа волнуется.
 Потому, что встреча ждёт
 С песнями и плясками.
 Дело каждое живёт
 Расписными красками.

Год от года мы растём,
 Доброй жизни радуясь.
 Светит нам ребячий дом
 Многоцветной радугой.
 Любим мы учителей
 За уроки главные,
 За лучистый круг друзей,
 За улыбки славные!
 Не забудем никогда
 Каму светлоликую,
 В зной, и в дождь, и в холода
 Чудо-Пермь Великую!
 Где мы скажем и споём,
 А душа волнуется:
 Здравствуй, наш ребячий дом
 На Сибирской улице!

III
 Юбилей Дворца, а это счастье!
 На Урале двадцать первый век.
 У Дворца открыты двери настежь
 Для тебя, мой юный человек!
 Для тебя весёлый и печальный,
 Но в мечту влюблённый навсегда.
 Здесь твой дом. И здесь твоё начало.
 Может быть, на долгие года!
 Пой, дерзай, волнуясь и тревожась.
 Радуйся, что круг друзей обрёл.
 Мы тебя научим и поможем,
 Чтоб талант раскрылся и расцвёл!

ПОЖИЗНЕННЫЕ ВЕХИ

М. С. Потехину,
 заслуженному работнику
 культуры России

Вдаль спешат пожизненные вехи.
 Ты достойно продолжаешь век,
 Михаил Степанович Потехин,
 Дорогой и славный человек!
 Добрых дел несчётно за плечами,
 Чтоб тебе войти в культуре на Парнас,
 Ты работал днями и ночами,
 Не смыкая жаждущих глаз!
 Юность разухабисто и звонко
 Клокотала в буйственной судьбе.
 Автор легендарного «Орлёнка»
 Дарит книгу именно тебе!
 И в душе восторга не скрывая.
 Ты творишь и в холод зной, и в зной.

Деву Ириадю называешь
 Верной и любимую женой.
 И весна вырастает в лето —
 Дати нараждаются в любви.
 За либретто новое либретто
 Напевают в сердце соловьи.
 Крепнут свято творческие силы —
 Не забыты взлёты давних пор,
 А теперь заслуженный России
 Автор, музыкант и режиссёр!
 Вдаль спешат пожизненные веки,
 Ты достойно продолжаешь век,
 Михаил Степанович Потехин,
 Дорогой и славный человек!

ЭКСПРОМТЫ

I

В. В. Жданову,
 заслуженному художнику России

Твои холсты как близь, как дальность
 Философичны и мудры.
 Перетекает в них реальность
 В потусторонние миры!
 Миры парят как птичьи стаи,
 Текут по капле, не спеша,
 И перед нами оживает
 Твоя ранимая душа.

II

М. Шардакову

Жизнелюб и оптимист,
 Да к тому ж, как журналист,
 Обладает дивным даром.
 Неспроста, признаться, он
 По заслугам награждён
 Трижды премией Гайдара!

III

В. С. Бикмаеву

С открытием выставки, друзья!
 Событие большое в Пермском крае.
 Не удивляться мастерству нельзя —
 Пред нами свет Степанович Бикмаев!
 Шагнувший в мироздание с крыльца,
 Творит судьбу в живительных работах,
 В которых сплошь дыхание творца,
 Художника классического фото!

ГЛАЗА РОССИИ

Чем солнце, впрямь взбираясь выше,
 Тем жарче пАрит и палИт.
 Горячий ветер еле дышит —
 Слегка осокой шевелит.
 Листвой столетние осины —
 Кора от древности бела —
 Глядятся в пруд зелёно-синий,
 Как царедворцы в зеркала.
 А что им видится, мудрейшим,
 Кой по жизни перегуд?
 Конечно, это и другое,
 Ведь было множество потерь
 В года застоя и разбоя.
 А что случается теперь?
 Богаче власть, а сёла стонут.
 Цена растёт, а лес в огне,
 Без хлебов степи стонут,
 Как безработица в стране.
 Обезголосились осины
 И потому давно молчат,
 Но в их глазах — глаза России,
 И не слезятся, а кричат!
 За них скажу, хотя и грубо —
 Меня простят, я рос в селе,
 Как жить и быть родной земле,
 Когда преступных лесорубов
 Не судят в праведном Кремле?

У ТЕЛЕЭКРАНА

В пошлятине сплошной телеканалы,
 Да нет законов, чтоб её убрать.
 Поддерживают пошлость либералы
 И прочая подоночная рать.
 А в рати есть уже и депутаты
 Из министерства даже, боже мой!
 Ответь простому смертному, когда ты
 Займёшься, Русь, как родина, собой?!
 Тебя поносят мерзко иноземцы —
 На иноземцев можно наповать.
 Но вот своих мордатых иноверцев
 Давно бы на железную кровать!
 У них гнездо во злой газете новой,
 До в грязном «Эхе» матери-Москвы.
 Понятно всем, не только рыболовам,
 Что рыба гнивает с головы!
 С телеканалов, думаю, не с дуру
 Развенчивать хорошее взялись.

Почти разрушив русскую культуру,
Бездарною эстрадой нанялись.
Под дикий ор и визг хрюкоголосый
Кричат в толпу с отборным матерком.
Любому в харю плюнул бы Утёсов,
Есенин бы добавил кулаком!..
Тогда очистим мы телеканалы,
Как выиграем главный приговор:
«Отечественно-пришлых либералов
Отправим бесноваться за бугор!»

* * *

Уезжаю в лютый холод.
Небосвод грозой расколот.
Ветер севером грозит,
Валит ветхие заборы.
Треплет тучи, словно шторы,
Деревя трещат в протест —
Обереги здешних мест.
Крепко ствол к стволу как могут
Гонят прочь с пути тревогу.
В помощь я своей строкой,
Чтобы в мире был покой!

* * *

Прохладной стало в утреннем лесу,
Как говорится, осень на носу.
Но вот осины, липы и дубы
Зовут гостей на белые грибы.

Кому-то повезёт, кому-то нет —
И в том-то он и есть грибной секрет:
Не надо никого надежд лишать...
Ах, как в лесу божественно дышать!

* * *

Принимай весну, какая есть:
Хмурая, слезливая, благая.
Как прогноз погоды изрекает
Хоть порой неправедную весть.

Знать, о том не следует грустить,
Ни к чему любые укоризны,
Мы ж как милой женщине капризной
Можем и чудачества простить?..

* * *

Не входил в элиту, не вхожу,
 А живу по совести, иначе.
 Я народу русскому служу —
 Эта служба ох как много значит!

* * *

Кто-то любит стихи, кто-то нет.
 Мне жальче всё же тех, кто не любит.
 Они в судьбе удивление губят,
 Словно радуги дивный свет.

* * *

Не возвращайся больше в те места,
 Где жил да был не как-нибудь, а ярко,
 В дороге чуть ни каждая верста
 Одаривала радужным подарком!

Не возвращайся, а гляди вперёд,
 Себя избавь от всех переживаний.
 Но если будет и наоборот?
 Не счесть у жизни разочарований!

* * *

Стихи придумывать не надо —
 Они придут не спеша,
 Когда их встретить будет рада
 Твоя певучая душа.

А если встретились, то значит
 Вам легче жить и петь в пути.
 Но вдруг пребудет всё иначе?
 Тогда нас, Господи, прости!

СОЮЗ РАСПАЛСЯ

Союз распался — власти сдали,
 А либералы тут как тут,
 Почти мгновенно оказались
 На государственном посту!
 Заводы, недра не народу,
 А богатым отданы.
 От сна очнулись нищebroды —
 Да нет Советов, нет страны.

Хохочут Штаты с НАТО вместе,
Мол, ваш Союз давно угас,
И под бандеровские песни
Орут, слышать до поднебесья:
«В который раз надули вас!»

* * *

Жизнь короткая, жизнь длинная,
То пшеничная, то полынная,
В ней не только нам жить и быть,
А такую, как есть, любить!

РОДИНА

Пред нами стелется в бушующих хлебах,
В кольце лесополос, в садах и травах,
В которых, словно под из-под рубаш,
Стучится дух величия державы.
Державу мы Россию зовём —
Она для нас — моря, тайга и поле,
Как торжество и песенная воля,
А значит — Родина и отчий дом —
Над Родиной глумиться на позволим!

* * *

То потасовка, то разбой,
И вновь судьба нам шлёт кручины.
Беда, что в мире меж собой
Любить друг друга разучили.
Куда ж девалась доброта,
С которой мы веками жили?
Разгадка, видимо, проста:
Во злобе мы, предав Христа,
С нечистой силой подружились!

* * *

Декабрь не ждал, а он явился:
Размашист, крепок, разудал.
Богатством льдов засеребрился,
Снегами яркими восстал!
И превратились избы в храмы,
В боярин пышных — дерева,
В стихи, рассказы, в эпиграммы —
Почти обычные слова!

* * *

Много лет Россия-мать не рада,
 Что ж тревожит Родину мою? —
 Строим мегаполисы во градах,
 А деревни гибнут на корню!

* * *

Предзимье в зиму превратилось:
 Под снегом тысячи дорог,
 Пространство тонет в бездне стылой,
 Ступить тревожно за порог.
 Казалось, в зимушке смешались
 И наш, и самый древний век,
 Но всё ж сквозь дерзко-вьюжный снег,
 Набросив шубы, шапки, шали,
 Идёт по свету человек!

* * *

Стихов о природе
 Не счесть у меня.
 В них солнце восходит,
 Как прелести дня.
 В которых осока,
 Сосед камыша,
 О дружбе высокой
 Доносит, шурша.
 Их слышат и небыль,
 И выдохи ржи,
 Над речкою небо,
 Что режут стрижи.
 Я всё-таки вроде
 Стихов не пишу,
 А просто природой
 Живу и дышу!

* * *

День и ночь теряет листья
 Под горою березняк.
 Меж стволов в одежке лисьей
 Вяло возится сквозняк.
 Сквозь листву сочится просинь,
 Каплей падая в траву.
 Вижу я и тем живу:
 Переходит лето в осень
 Не во сне, а наяву!

СТРОКА

Промозглый холод рвёт листву,
 Точней, оставшиеся листья,
 Швыряет в ржавую траву
 И вновь колотит в берег мгlistый.
 Дрожит, беснуется река
 От глубины до пенеброда.
 Не так ли и моя строка,
 Всегда влюблённая в природу,
 Вольна, дерзка и глубока,
 Ведёт сраженья с непогодой?!

О ГЕНИЯХ

Проходят годы и века,
 Родятся гении в России.
 На них Россия велика,
 Кого бы в mine ни спросили.
 Но почему-то не понять —
 Одних возносим, чтим и знаем,
 А вот других не только знать,
 И в юбилей не вспоминаем.
 Как раз они-то, помнит Русь,
 Повыше тех, кого возносим.
 И я признаться не боюсь,
 А если надо, поклянусь,
 Что мы без них обезголосим!

НА ГЛАВНОМ ПОСТУ

Т. А. Смышляевой

Мы только с дороги, но словно в полётах:
 В ушах и ветров, и стихов перезвон.
 От пермских ребят всероссийскому слёту
 Сердечный привет и сердечный поклон!
 Известны богатства прикамских истоков.
 У добрых уральцев особенный дар:
 И Дягилев наш, и художник Широков,
 Радкевич поэт и Аркадий Гайдар,
 Писатель Астафьев и танковый корпус,
 Герой-победитель Второй мировой.
 Горды земляками и в радость, и в горе,
 Служившим во славу России родной.
 Мы веруем в предков свяшенно и свято
 И память о них навсегда сохраним.
 Не зря мы в Перми, как герои-солдаты,
 На главном посту у Отчизны стоим.

* * *

Америка с паскудным НАТО
 Собачатся на Русь мою,
 Которую, как мать, свято
 Боготворю я и пою.
 А янки яростно и грубо
 Чернят славянскую зарю,
 Но всё же обломают зубы.
 Я верю в то, что говорю.
 Я веры, волюшки и силы
 В избытке на благом пути.
 Осталось, Господи, прости,
 Идеологию России
 Нам в Конституцию внести!

* * *

Ни ночи, ни дни не считаю годами —
 Я сыну и внуку их передам.
 Но это пребудет не вмиг, а потом,
 Когда опустеет мой праведный дом.

МАРГАРИТЕ

По жизни долгой длинною дорогой,
 Преодолея трудности, иду,
 Гляжу вокруг внимательно и строго,
 Деля с Отчизной радость и беду.

Мне дорог путь страны необозримой,
 Хотя и жить порою нелегко.
 У Господа прошу лишь одного:
 Продли на свете жизнь моей любимой,
 А большего не надо ничего.

ПОИСК

I.
 Ночь. Бессонница. Тревога.
 Строки горькие рождаются.
 На душе задумок много,
 Лишь рассвета бы дождаться!

II.
 Ноябрь висит на волоске —
 Не нынче завтра стужа грянет.
 Дома и дали забуранит,
 Как слово нужное в строке.

Куда идти? Скажу едва ли —
Я ж не пророк и не вещун.
Да вы, наверно, угадали:
Беру слова бывшего Даля
И слово нужное ищу!

* * *

Украла портфель, а в портфеле моём
Стихов предпоследних неизданный том,
В котором и Русь, и напев камыша,
А главное — в строчках живая душа!
Хоть вора суди, проклинай и круши...
Но как же теперь-то мне жить без души?..

* * *

Встаёт над полем росная заря,
Неся любовь, страдания и боли,
Но всё же жили и живём не зря,
Потомкам дарим Русь, как степь и волю.
А значит, друг, и в семьдесят держись,
И песни пой, которых не допели.
Одна даётся нам на свете жизнь,
Как мать, что нас качала в колыбели!

* * *

На свете жизнь, как отпуск, быстротечна.
Не смею в том Всевышнего корить.
Не вечны люди, а природа вечна —
О ней и надо сердцем говорить!

* * *

Как хотите: верьте иль не верьте,
Я прошёл нелёгкою дорогой
От степи прожжённой до тайги,
Потому при жизни стал бессмертен.
Что богатой власти вопреки
Не предал ни отчего порога,
Ни великой пушкинской строки,
Ни любой ухабистой дороги...
У меня в отличие от многих
Есть достойные ученики!

* * *

Ночь такая длинная,
 Как строка былинная,
 Тянется и тянется,
 Но в стихах останется!

БИБЛИОТЕКА

От века мудрого до века
 Вперёд на много-много лет
 Несёшь ты нам, библиотека,
 Высокой правды дивный свет.
 В котором музыка и слово,
 А их-то нам, как жизнь, беречь.
 Библиотека, ты основа
 Всего поистине родного —
 В веках молитвенная речь!

* * *

Рассвет проклюнулся едва,
 Как задышал востоком ветер,
 Легонько тронув дерева
 Напоминанием о лете.
 Остался час, а может миг,
 Когда зорянки песнь прольётся,
 И жизнь господняя вернётся,
 Вселенским миром обернётся,
 И превратится песня в стих
 Среди просторов дорогих!

* * *

Июльский дождик льёт и льёт —
 Покоя людям не даёт.
 И говорит о том народ:
 «Не солнце в тучах заблудилось,
 А просто небо прохудилось!»

* * *

Дождь и град, тепло и холод
 Закружились с ноябрём.
 Вот уже и день расколот
 Колко-снежным серебром.
 Закружилась непогода,

Не узнать родимых мест,
Так бывало, так и есть —
Это предки из походов
Шлют в наш век благую весть!

* * *

Затяжные осенние ночи
Потянулись одна за другой.
Ветер северный еле волочит
Туч громады на вечный покой.

Ах, не рухнуть бы в дикую пропасть,
Будто верной дороженьки нет.
И в бессоннице ищет поэт
Те спасительно-мудрые тропы,
Что укажут пути на рассвет!

* * *

Что ж творится с нами, люди,
Если даже не скорбя
В разъярённом перегуде
Убиваете себя?
Не утешат и рыданье,
И ни век, что пролетит.
За такое злодеянье,
За всемирное страданье
И Господь вас не простит!

МЕТЕЛЬНЫЙ ФЕВРАЛЬ

I
Февраль метельный запугал
Небесный свод и свод земной.
Узнать нельзя ни время суток,
Ни край лесной, ни край степной.
Перемешались быль и небыль
Без высоченных гор и вех.
И древний, и живущий век,
В котором взвьюженное небо,
Да Бог, да смертный человек!

II
Февраль потихоньку сдаётся —
Метели пошли в угомон,
По краю уже раздаётся
Сосулек лихой перезвон.
А следом, от радости плача,

Потянутся в Каму ручьи.
 Как прежде, без всяких причин
 В Прикамье весну обозначат
 Саврасовской стаей грачи!

* * *

Оценила Родина меня —
 Стал теперь почётным человеком
 Дорого сердцу куреня
 Нашего бунтующего века!

ОБРАЗОВАНИЕ

I
 От русского образования
 Осталось лишь одно название.
 В болонской болтовне, боюсь,
 Не развенчать бы слово Русь!

II
 Много нам в Руси дано,
 Чтоб повысить знание...
 Гнать егушников давно
 Из образования.

ПАМЯТИ ДРУГА

I
 Грустить об ушедшем не надо,
 Хоть горько и больно до слёз.
 Он с нами по-прежнему рядом,
 Лишь врос в корневище берёз!

II
 Не дождёмся друга в гости —
 Друг покинул отчий дом.
 И прописан на погосте...
 Скоро ль мы к нему придём?..

БАЗАР

Базар кипит, как говорится —
 Невпроворот народу в нём.
 Не только можно здесь побриться,
 А стол купить и даже дом!
 Коль деньги есть — дорога к свету

Открыта — властвуй и пируй,
Но вот здоровья коли нету,
То незаметно канем в Лету,
Хоть шибко денежный буржуй!

НЕПОГОДА

После зноя дикий ветер
Стаи туч понаволок.
Мы когда-то жили в лете,
А теперь — и ах, и ох,
Непогода валит с ног.
Дождь пронзительный и резкий
Реки рвёт из берегов,
Захлебнулись перелески,
Плещут, словно занавески.
А с потопленных лугов
Дышат страх и гул веков.

* * *

В июне то холод, то зной,
То холод взбунтуется снова.
Река обернётся волной,
Откликнется берег ветловый.
В избе одинокий старик
Не гасит свечу до рассвета.
Пред ним дорогой черновик,
В котором и вечность, и миг,
В котором и стужа, и лето.
Не этот ли пламенный стих
Прославит его как поэта?!

ТРУД СЛОВЕСНЫЙ

Мне словесный труд по плечу —
Пишу о том, о чём хочу.
Люблю природу с детских лет,
А в ней судьбы моей рассвет
От чудо-полюшка во ржи
До сини, где спуют стрижи.
Гляжу в господни небеса —
И слышу предков голоса.
Забыв неверие и грусть,
Я им как господу молюсь.
От слов слезами обольюсь,
Когда в стихах забьётся Русь!

* * *

Лето сдулось. Ветер спутал
 С диким холодом тепло.
 Тучи яростно и люто
 Снег несут, как в праздник зло.
 Нет спасенья от борея
 В крае северном, глухом,
 Неуютном и лихом...
 Ну а я, как в юность, греюсь
 Знойным Пушкинском стихом!

СЛОВО

Чем певучей слово, тем сложней
 Выудить в бездонье словарей,
 Чтоб сияло знойно и толково,
 Побеждало ханжество и зло,
 Чтоб в строку соловушкой легло
 Это разьединственное слово!

ГОЛОС

Г.С. Барабаншикову

Георгия Степановича голос
 В Прикамье знает каждая изба:
 Он дар Господний, вера и судьба,
 Он Пермь и Русь, тайга и в поле колос,
 Который превращается в хлеба!

* * *

День короче, ночь длинней.
 Стало быть, задекабрило.
 С каждым днём мороз сильней,
 Вьюга дали перекрыла.

Перекрашены пути
 Бело-взвихренною краской.
 Мир Всевышний превратил
 В древне-пушкинскую сказку.

* * *

Между ёлок, сосен, деревень
 Путь почти вслепую волочился.
 И едва узрев, как новый день
 Медленно и верно просочился.

В небо закудрявились дымы,
Значит, и хозяйюшки проснулись.
Слава богу, наконец-то мы
В мир крестьянский снова возвратились.

СТИХИЯ

Апрельский дол не перейти
Во время буйства половодья.
Мгновенье лишь, Господь, прости,
Как станешь жертвой непогодья.

Да что здесь думать и гадать,
Ведь были времена лихие,
И потому пора бы знать:
Всего-то — надо переждать,
Когда свирепствует стихия!

НЕ ГРУСТИ

Т.М. Тетюевой-Малиновской

I
Поздравляю с днём рожденья,
Свет Михайловна моя!
Пусть тебе и в сновиденьях
Снится родина твоя!
КудымкАр Коми-Пермяцкий
В хоре песен и берёз
И народ по духу братский,
Что любим тобой до слёз!
А простор таёжный свято
Сам Кудым-Ош сторожит,
Где твоя родная мать
На погосте возлежит...
Помни вечные мгновенья,
Ты во имя нас живи
И дари без промедленья
В свой осенний день рожденья
Строки песен о любви!

II
Не грусти прекрасная Татьяна,
Что летят в безвестие года,
Что всегда под зиму постоянно
Оттепель сменяет холода.
Забуянит, засугробит вьюга
Прежние дороги и пути,
Задохнётся от снегов округа,
Но и тогда под вечер не грусти.
Сотвори себе подарок царский —

Радио включи в ночи январской,
И душа к приёмнику прильнёт.
Где на «Встрече с песнею» Татарский
Нас с тобою в молодость вернёт!

* * *

В.С. Лесовому

Творец Владимир Лесовой,
Нам дорог путь нелёгкий твой!
Прошёл ты зной, пургу и грозы —
Тебе подвластны стих и проза.
Ты и писатель, и поэт.
А в чём же творчества секрет?
Ответ в тебе, единовеце,
Твоё чувствительное сердце!
Прошедший в жизни ворох бед,
Ты людям даришь ясный свет.
Знаток и в песенной пальмире,
Известен стал и даже в мире
Как переводчик и посол,
Как пакистанец и монгол.
Твои труды — не хватит списка!
Выходят в мир и на английском!
В Руси — сплошной лауреат,
Не сосчитать за труд наград!
Храни Господь тебя как сына
Великой матушки России!
Земной поклон от нас прими,
От всех писателей Перми!

СНЕГ АПРЕЛЬСКИЙ

Снег апрельский дружно тает,
Позабыв былой покой.
И ручьи, как птичьи стаи,
Хороводят день-деньской!
Скоро в буйном песнопенье
В мир появится листва.
У творцов от вдохновенья,
От мажорного творенья
Закружится голова!

* * *

Не нужен вымученный стих.
Себя, пиши, хоть сколько мучай,
Но вот читателей своих
Ты пожалей на всякий случай!

МУЗА МОКРОУСОВА

*«Туча уплывает, ветер утихает,
И опять синеют небеса...»*
Песня «Хороши весной в саду цветочки»,
стихи С. Алымова, музыка Б. Мокроусова

Тучи дождик растрясли
И в пространство канули.
Ветры солнце принесли —
Птицы в небо грянули!
И такой переполох
В небесах устроили,
Что господний мир оглох
Во степном раздолии.
Позабылась напрочь грусть
В хоре звонко-русовом,
Слышу сердцем и дивлюсь,
Как поёт и дышит Русь
Музой Мокроусова!

* * *

Возвращаюсь вновь в Заволжье,
Где родился. Вырос, жил,
Где услышал слово божье,
То, которому служил.
И до сей поры останной
В силу возраста служу.
Из природы благодатной
Словеса в стихах вяжу.
А в ответ, как глас отчизны,
Как довольствие строкой,
Из страны социализма
Предок машет мне рукой!

* * *

«Наука побеждать»
А.В. Суворов

Союз разрушив, соборище иуд
Взялось с подобной прытью за Россию.
Но зубы обломав о наш уют,
Порасписалось в собственном бессилье.
Забыли кровожадные, видать —
В сердцах славян «Наука побеждать»,
С которой мы выигрывали битвы.
И с древности любую гнали тать.
Не зря же в нас «Наука побеждать»
Живёт, как светоносные молитвы!

* * *

Время, которое прожил,
В нынче нельзя вернуть.
Путь был и лёгок, и сложен —
Повода нет, чтоб грустить.
Было, конечно, и сшибок
С властью в избытке, кажись.
Жизнь без клыкастых ошибок
Это, простите, не жизнь!

* * *

Когда ударит жизнь под рёбра,
Тропа взбугрит на страшный суд,
Но ты шагай лишь к людям добрым —
Они от всяких бед спасут.
Ну что там я? — Они во славу
Родимой матери Земли
Спасали русскую державу —
К победе праведной вели!

* * *

Дремучих туч убранство
Толпится впереди.
Завесили пространство
Осенние дожди.

И нет тропинки к свету —
Сплошная темь в пути.
Но как теперь поэту
Народу свет нести?

* * *

Обозначился рассвет —
Задыхало сквозняками.
На деревьях снежный плед
Можно спутать с облаками.

Растворяясь в небе, тень
Мир готовит к просветленью.
Начитает путь свой день
По господнему веленью!

ДВОР

Во дворе, где прёт разруха
 Чуть не с каждого жилья,
 Пили смачно медовуху
 Одинцов, Турбин и я.
 Говорили об искусстве,
 Несомненно, без прекрас.
 А потом о культураскудстве,
 Что творят в Перми у нас.
 Власть продажную долбили —
 Сленг колючее ершей.
 Но когда бутыль добили —
 Потемнело на душе!
 Улетучились печали.
 Двор нам стал, как дом родной.
 Расставались, не качаясь, —
 Лишь качался шар земной!

* * *

С деревьев листья, как заплаты,
 Швыряют под ноги ветра.
 А я в заплатках зрю и злато,
 И ворох чудо-серебра,
 В которых светы и закаты
 В избушке или у костра.
 Не зря ж осенняя пора
 Моей поэзией богата,
 Слетает с кончика пера?!

СЕНТЯБРЬ

I
 До жути хмуро и дождливо —
 Грызут пространство сквозняки.
 Без листьев клён, без листьев ива —
 Природу взял сентябрь в тиски.
 Куда идти, куда податься?
 Ведь путь безжалостен и крут.
 И я решил природе сдаться —
 Иду в господний уют!

II
 Сентябрь взграбастал ворох туч
 И полонил дождём пространство.
 Не просочится солнца луч
 В его цветастое убранство.
 В себя — и этим восхищён! —

Вобрал божественные светы...
Не зря ж к нему со всех времён
Сдаются в творческий полон
Певцы, художники, поэты?!

* * *

Наконец-то выветрились тучи —
Тут же в небо ринулись грачи.
Солнце в речке, словно листья с кручи,
Разбросало жёлтые лучи.
Жизнью заиграло время года
Рядышком и где-то вдалеке:
В стольном граде, в поле и в реке...
Обессмертилась в мире природа
В дивных красках, в музе и в строке!

* * *

Промозглый холод.
Свищет ветер,
Швыряя в небо ворох туч,
Сгребает в реку, словно плети,
Остатки листьев с голых круч.
А я в кошмарном перегуде,
Не покоряюсь всемирной мгле,
Стою и кланяюсь ветле...
Любая стужа не остудит
Любовь к отеческой земле!

* * *

Сгинул август. Осень сходу
От былинки и куста
Перекрасила природу
В охро-жёлтые цвета.
Выбирай какие хочешь!
Но и всё ж в конце концов
У поэта между строчек,
Чтоб сочились из творцов:
Шишкин, Пластов, Васнецов!

* * *

Солнце спряталось. Помрачнело.
Тучи свесились над землёй.
Царство птичье, видать, отпело,
Не колышет река волной.

Завершается время года,
В небо дым запускают дома.
Утепляются терема —
Не поэт ведь, а природа
Сочиняет стихи сама!

* * *

Если в жизни чего-то значу,
Да и жить мне пока дано.
В горе я никогда не плачу —
Слёзы выплакал все давно!

Николай ГЛУМОВ

В РАЮ РОМАШЕК И СОЗВЕЗДИЙ. Стихи**СТРАХ И КНИППЕР**

Я лежал в тяжёлом гриппе.
Я забылся тяжким сном.
Вдруг увидел — Чехов. Книппер.
Ялта. Горы. Белый дом.

Чехов с Книппер был любезен.
Чехов водкой угошал.
Благодушно бесполезен
Разговор его звучал.

Книппер Чехова пилила.
Повторяла: «Ты устал».
Вопрошала: «Где же сила?
Где великий идеал?»

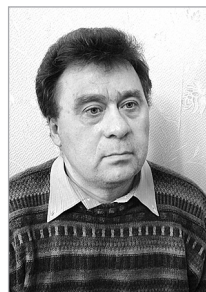
Чехов Книппер не перечил.
Чехов водочку допил.
Обнял Оленьку за плечи.
Встал. По дому заходил.

Разговор их продолжался
С половиной два часа.
Вдруг цензуры гром раздался
И разверзлись небеса.

Делать нечего. Умолкла.
Постояла пред окном.
Дождик горько стучал в стёкла,
Словно Горький босяком.

Я очнулся в страшном гриппе...
Дождик плакался в окно.
Чехов был с милейшей Книппер
В Ялте, но... давным-давно.

Николай Николаевич ГЛУМОВ родился 9 сентября 1957 года в городе Перми Пермской области. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета им. А. М. Горького (1979). Работал следователем. Трудился на железной дороге начальником почтового вагона. В настоящее время — рабочий. Занимался в литературной студии при Пермской краевой организации Союза писателей России. Публиковался в различных периодических изданиях, в альманахе «Литературная Пермь». Автор поэтических сборников «Городская аркадия» (2006), «Полёт птицы счастья» (2007), «Пролетарский февраль» (2009), «Красная осень» (2012), «Пролетарские дворы» (2014). Член Союза писателей России (2008). Кавалер ордена Достоевского II и III степени (2020, 2012). Лауреат премии им. А. Решетова (2015), Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2016). Живёт в городе Перми.

* * *

О Дельвиге писал наш Александр,
О черепае выласкивал он строки.
Его стиха роскошный палисандр
Пылал узором праведным и строгим.

И я теперь о Родине пишу.
Бумагу пролетарские жгут строки.
Россию я вручил карандашу,
Подобранному на большой дороге.

О, карандаш советских палестин!
Ты пережил советский час державы!
Тебя нашёл советский господин
И применил для собственной забавы.

МЕШКОВСКОМУ ДОМУ

О, этот сказочный и страстный
Большой дородный пермский дом!
Он был воздвигнут не напрасно,
Жизнь не напрасно билась в нём.

Балы, собрания и расстрелы,
Кадеты и большевики —
Он был всегда загружен делом,
Он не испытывал тоски.

И став теперь большим музеем,
И просвещая мой народ,
Он ни о чём не сожалеет,
Вперяясь взором в лоно вод.

* * *

Я забыл, чем пахнет женщина:
Может тальком и тавотом,
Может детством деревенщины,
Может всем подводным флотом.

И прошу: «Моё Величество,
Ты займись простым вопросом —
Как погаснет электричество,
Наклонись ты над матросом.

Наклонись, моё Величество,
Обнажённой на диване,
Утопив минут количество
В ночь блаженства в океане».

* * *

Был Царьград, а стал Стамбул,
Были греки, да пропали.
Был на кухне венский стул,
А потом его украли.

Если я исчезну вдруг
Так же осенью дождливой,
Обыватели вокруг
Станут чуточку счастливей.

* * *

Один столичный господин,
Рождённый в русской колыбели,
Жил среди дворцов, проспектов, льдин,
Среди петроградских злых метелей.

О, Ленинград! О, Петербург!
О, фонари, проспекты, зданья!
Он воспарял, как демиург
Среди ледяного мирозданья.

Влекомый русской судьбой,
Влекомый притчами кварталов,
Он брёл часами сам не свой
Среди исторических кошмаров.

Что оставалось за спиной,
Когда пленяясь градом тёмным
Его имперскою судьбой,
Был человек потусторонним?..

Советским прошлым жил земли...
Их скоро будет меньше сотни...
Его так дворники нашли
Лежащим в мёртвой подворотне...

* * *

Я был любознательным малым,
Я рос среди дворов и синиц,
В советские верил кварталы
И в притчи причудливых лиц.

Мне город дарил настроенье,
Мне город дарил идеал,
Заводы его и строенья
Я домом вторым называл.

Я с видом слегка удивлённым
Вступал в этот правильный дом,
Был каждым соседским балконом
И каждым лицом окрылён.

И это России начало,
И это России тепло
Зерном в мою душу запало,
А словом потом уж возшло.

* * *

*Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет — и выше...*
Александр Пушкин

Друзья-поэты помирают.
Вчера — писал.
Сегодня — помер.
Вергилий братьев принимает,
Порядковый присвоив номер.

Проводит по промзоне ада
Колонну братьев окрылённых
Среди костров, бараков, чада —
В ромашку и в звезду влюблённых.

Повсюду черти, черти, черти,
Костры, безумие, проклятья...
Как замечательно — поверьте —
Мы жили раньше, други-братья!

Как замечательно мы жили
В раю ромашек и созвездий,
Пером мгновения ловили,
Не помышляли о возмездье.

И вот пришло оно — возмездье
За нашу детскую гордыню.
Гордись оказанною честью
Согласно премиям и чину!

Наш мир теперь — барак и вечность,
Костры, безумие, проклятья...
Лишь редко-редко Путь наш Млечный
Блеснёт во снах, о други-братья...

Часть 3

Виталий БОГОМОЛОВ (об авторе см. с. 11)

ПОСЁЛОК.

Глава из очерка «Свет отражённый»

Предлагаем читателям нашего альманаха главу «Посёлок» из материала об основании и строительстве в посёлке Кордон Усть-Кишертского района храма во имя святителя Тихона, чьё патриаршее служение выпало на жесточайшие годы разорения и уничтожения Русской Православной Церкви: 1917–1925.

В уникальном посёлке Кордон храма не было никогда. А теперь здесь вокруг строительства церкви сплотились в общину верующие люди разных социальных слоёв, которые создают духовное спасительное пространство. И неспроста: в конце XX века из посёлка Кордон вышла целая династия священнослужителей братьев Шошиных...

Предлагаемая глава имеет для посёлка важное краеведческое значение.

ПОСЁЛОК

Во второй половине дня 17 ноября 2019 года мы ехали по авто-трассе из Перми за 167 км в посёлок Кордон Кишертского района.

В эту пору в природе уныло и хмуро: бывают дни, когда облака лежат на земле и нет черты, которая отделяла бы снежные просторы, белые поля от небесного свода. Нет горизонта — всё слилось в единое целое и серое. И в жизни человека случается подобное, когда он не в состоянии отделить земное от небесного...

В Кордоне нам предстояло наутро участие в духовно важном событии в храме святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, именем которого храм наречён в честь восстановления на Руси Патриаршества и избрания митрополита московского Тихона на Патриарший престол 18 ноября 1917 года...

На праздничную литургию мы и прибыли. А привезли сюда нас (диакона Александра Шошина и меня, предполагаемого «летописца» этого события) супруги Протасовы — Олег Александрович и Елена Васильевна, люди, которые немало вложили энергии, сил, душевных переживаний и личных средств в основание и возведение этого простого, но уютного и нарядного храма, недавно построенного (пока без колокольни) и ещё мало намоленного. Но мне обо всём этом только предстояло постепенно узнать... Как, впрочем, и о том, что забота о храме и его строительстве, о его общине стала для семьи Протасовых как забота о родном детище, о котором душа горит...

Итак, посёлок Кордон Кишертского района — это плацдарм, с которого мы начнём и будем развивать наше повествование, а значит, неизбежно придётся коснуться истории возникновения посёлка.

Кордон находится в восточной оконечности Пермского края, это последняя железнодорожная станция

*Святейший Патриарх Московский
и всея Руси Тихон*

перед соседней Свердловской областью, 57°18' северной широты и 57°38' восточной долготы. Какая интересная географическая точка — 57 на 57.

Когда в самом начале XX века тянули железную дорогу Пермь — Екатеринбург, на этом месте в 1905 году был основан разъезд¹, при котором и выросло селение. А начало ему положили бараки строителей, прибывших в основном из Молёбки, где находился чугунолитейный завод братьев Каменских.

В те далёкие времена чугун выплавляли на древесном угле. Лес на уголь вырубали в лесной даче² Молёбского завода. Эта дача размещалась в районе будущей железной дороги. На границе лесной дачи находилось несколько домов.

Первоначально небольшое селенье носило название по протекающей здесь речке — Моховушка (какое уютное, однако, ласковое и тёплое словечко). В 1908 году здесь прошёл первый служебный поезд, а в 1909-м, уже по завершении постройки железной дороги, Моховушку переименовали в Станцию Кордон³.

Данная железная дорога имела бесценное стратегическое значение, ибо соединила необозримые просторы Сибири с центром России, приблизила изобильные богатства природы.

Места вокруг Кордона особенные — изумительной уральской красоты. В прежние, не такие уж далёкие времена, которые так скоро уходят в прошлое, невеликое селенье было окружено могучими таёжными, буквально непроходимыми хвойными и лиственными лесами, которые в ту пору принадлежали крупному лесопромышленнику, одному из братьев известных в губернии купцов-пароходчиков — Ивану Григорьевичу Каменскому. И леса эти были изобильны природными дарами: целебными травами, пушным зверем, боровой дичью, ягодами, разными грибами: подберёзовиками, подосиновиками, белыми, груздями и другими. Для охраны лесных угодий, на границе лесной дачи, создавались посты — кордоны. Отсюда и название — Кордон.

Былинно-сказочный русский лес — главное богатство края, да прошедшая в этих местах железная дорога и предопределили дальнейшую судьбу небольшого населённого пункта. В 1910-е годы здесь был построен лесопильный завод Левнуша, который в 1922 году, после национализации, насчитывал пять десятков рабочих⁴. Для того времени и для такой глуши — количество вполне солидное. И покатались по железной дороге вагоны с уральским лесом в западную Россию для разных хозяйственных нужд державы. Со временем лесопильный завод расширился, население стало постепенно умножаться.

15 января 1924 года был образован Кишертский район, в который вошла станция Кордон.

¹ Разъезд — на однопутных железнодорожных линиях — участок второго пути (приёмо-отправочного) небольшой длины, предназначенного для пропуска встречных поездов и для обгона поездами более срочными, к примеру, грузового — пассажирским.

² Лесная дача — так называется ограниченная часть лесных угодий, подчинённая единому хозяйственно-техническому плану и прикреплённая к какому-либо владельцу. Для удобства ведения хозяйства лесные дачи делятся на примерно равные части прямоугольной формы (кварталы).

³ Вся obsлуга станции состояла тогда из трёх человек: начальника станции да двух стрелочников.

⁴ В 1917 году в трёх домах барачного типа проживали около 80 человек.

В 1928 году в Кордоне открылась первая школа; была она, конечно, начального обучения. Но в 1950-х годах школу передали в распоряжение районного отдела народного образования и она стала семилетней.

В 1930 году существовал Кордонский леспромхоз Кунгурского леспромхоза (ЛПХ). Тогда же здесь был образован Кордонский лесоучасток Шамарского ЛПХ, который в 1932 году передали в ведение Асовского ЛПХ. С 1936-го в посёлке работал Кордонский шпалозавод (громко сказано), впоследствии это шпалорезный цех при нижнем складе. Селение неуклонно разрасталось, участок постепенно механизировался. Молодой советской державе леса требовалось много. Людей не хватало. И в зимнее время на лесозаготовки привлекали крестьян-колхозников с их лошадьми... Работа на лесозаготовках считалась крестьянами каторжной, с тяжелейшими бытовыми и санитарными условиями. Весь день на холоде, по колено, а нередко и по пояс в снегу, со скудной кормёжкой. Если о ком-то в селе отзывались, что он столько-то зим (5, 7, 10) побывал на лесозаготовках, это признавалось высшей оценкой заслуг такого колхозника. Некоторые говорили: «Кто на лесозаготовках не бывал, тот жизни не видал». В войну в лесу работали даже 15-летние подростки, к примеру, как Евгений Павлович Завьялов из села Кыласово Кунгурского района...

Ещё в ходе Великой Отечественной войны, а по окончании её — тем более, стояла острая проблема поставки древесины: крепёжной — в шахты Кизела и Караганды, строительной — в западные области страны. Уральский лес ждали пострадавшие от немцев Украина, Дон, Сталинград, разрушенные нашествием фашистской армады — всепожирающего Чёрного Монстра, каких не сумела придумать даже древнегреческая мифология, богатая на художественное воображение и выдумку.

Ведь если кровь 27 миллионов советских людей, погибших в захватнической войне с фашистами, собрать в железнодорожные 60-тонные цистерны, то эта кровь займёт 45 составов по 50 цистерн. И до скончания веков эта кровь будет чавкать под ногами германского народа, в какие б сверхсовременные и модные туфельки он ни обувался... И нам, потомкам убиенных миллионов соотечественников, предлагают забыть про эту кровь, ссылаясь на толерантность?.. Не толерантность это будет, господа, а предательство наших погибших предков, братьев и сестёр.

482 кордонца были призваны на войну и ушли защищать родину, 197 из них не вернулись... Это 40 %.

30 апреля 1943 года был создан самостоятельный Кордонский леспромхоз⁵. В этом же году здесь возникло учебное лесное хозяйство — ремесленное училище, которое готовило рабочие кадры для нужд Кордонского леспромхоза. В работе лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятий страны в этот период широко использовался труд заключённых, переселенцев, раскулаченных крестьян, ссыльных и военнопленных.

Кроме того, после войны с бывших оккупированных районов Украины и Белоруссии сюда приезжали, спасаясь от голода, целыми

⁵ Леспромхоз был ликвидирован в 1998 году, тогда и начался закат посёлка...

семьями. Так что население Кордона и по социальному статусу, и по национальному составу оказалось довольно пёстрым.

Среди жителей Кордона было немало репрессированных, ссыльных людей, перенёсших фашистский плен, побывавших «рабочим скотом» в концлагерях, прошедших советские лагеря, но это население никогда не было «скопищем вчерашних эзков, всегда готовых вернуться к привычным промыслам», — как утверждал в газете в 2003 году безосновательно, бездумно, предвзято и оскорбительно посредственный либеральный журналист А. К.

Да, это поколение прошло чрез горнило страшных испытаний, но не утратило человечность, благородство и сохранило образ Божий в душе своей.

Именно в те послевоенные годы Кордон начал разрастаться и развиваться особенно стремительно, превращаясь постепенно в рабочий посёлок городского типа, каковое наименование и получил он в 1963 году. Здесь были построены больница на 35 коек, поликлиника, аптека (числилась своя «скорая» — узик-«буханка», с разумным применением: на этом автомобиле возили продукты, но при необходимости в любое время суток могли поднять шофёра и использовать машину как «скорую»). Работали столовая, быткомбинат, клуб, пекарня (мощностью три тонны разного ассортимента хлеба в сутки), лимонадный цех, магазины, база ОРСа (отдела рабочего снабжения), которая имела огромные холодильники, и пустыми они не стояли.

В леспромхозе в это время развивается подсобное хозяйство по выращиванию свиней, появилось дойное стадо коров, своя пасека, необходимая сельскохозяйственная техника.

В начале 1980-х годов в посёлке были сделаны тротуары и проложен водопровод.

Дома посёлка разместились на 24 улицах. А одна из этих улиц была названа в честь Героя Советского Союза Василия Бачурина, которому звание Героя было присвоено посмертно. Он погиб 27 марта 1944 года. Уроженец села Осинцево Кишертского района. В Кордоне длительное время проживали его родители (стоит отдельно заметить — люди глубоко верующие). Конечно же, память о герое, положившем жизнь за Отечество, должна быть сохранена. На примере таких людей можно и нужно воспитывать и современное поколение, сея в души молодёжи семена жертвенного служения Родине, независимо от того, на каком бы они впоследствии поприще ни трудились.

Надвигалось 70-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне, и автор интересовался, не соотносилось ли тогда с этой датой у некоторых верующих людей желание заложить храм в Кордоне? Оказывается, нет. Иметь в посёлке храм — более ранняя мечта многих кордонцев.

Восьмилетняя школа была преобразована в десятилетку. Число жителей посёлка увеличилось к этой поре без малого до трёх тысяч⁶. При школе имелся интернат, в котором проживали всю учебную

⁶ Население стало неуклонно уменьшаться в конце 1980-х и, к примеру, в 2015 году составляло уже 1580 человек, сократившись почти в два раза.

неделю дети из близлежащих лесных посёлков Лёк, Батурята, Кордон-Терси, а также из 15-го⁷, 21-го лесных участков. Домой ученики уезжали только на выходные дни. Сейчас в этом здании располагаются администрация посёлка, почта, фельдшерский пункт, аптека, библиотека, отделение сбербанка, кабинет МФЦ.

Упомянул я, что по национальному составу население посёлка оказалось довольно пёстрым. Естественно, такой же пёстрый состав был и в школе, но что интересно, вспоминает Елена Васильевна Протасова (в девичестве Кинёва), жили все очень дружно, никакого расслоения по национальному признаку. Русские, украинцы, молдаване, белорусы, татары, немцы и другие, всех — свыше двух десятков... И не было никакого национализма, вирус которого поразил многие народы после распада Советского Союза.

К примеру, в 1968 году в Кордонском леспромхозе трудились более 1100 рабочих, около 80 инженерно-технических работников. В посёлке сформировалась прочная производственная база, которая и обеспечивала жителям устойчивое благополучное существование: всем находилась работа. Было 49 лесовозов разных марок: МАЗы, КрАЗы, имелось 70 тракторов и бульдозеров, более сотни бензопил...

Стояли шесть башенных кранов. В то время Кордонский леспромхоз работал в три смены. И ежедневно отгружал до 17 вагонов леса, который отправляли по всему белому свету: в Прибалтику, Германию, Францию, Англию, Италию, Индию, Китай, поставляли в Румынию, Польшу, Чехию, Венгрию, очень много в Финляндию (эта расчётливая страна свой лес берегла), короче — всю Европу снабжали. В 1974 году Москва наградила леспромхоз по итогам работы переходящим Красным знаменем Минлесбумпрома за 3-е место среди леспромхозов СССР.

Когда парней провожали на службу в армию, леспромхоз каждому призывнику дарил по электробритве.

В посёлке функционировали Дом культуры, богатая библиотека, почта, детский сад, пожарное депо, конный двор, больница со стационаром, роддом, в котором и появились на свет главные героини нашей истории, которые с мудрым терпением ждут, когда их пригласят на страницы книги о них.

Кордон считался мощным, крепким рабочим посёлком с хорошим товарным снабжением.

К примеру, районный центр Усть-Кишерть (не в обиду будет сказано) в то время жителям Кордона казался деревней. В Кордоне, вспоминают люди о тех годах, была почти городская атмосфера. И этой особой общественной атмосферой посёлок в значительной степени был обязан сильному влиянию школы и её учительского состава, который по праву характеризовался высоким уровнем

⁷ 15-й квартал Кордонского ЛПХ, он же посёлок Северный, находился в восьми или десяти километрах к северу от Кордона. Серафим Иванович Шарапов, 1928 года рождения, впоследствии вспоминал, как рабочие лесозаготовок (более двухсот человек) жили там в бараках и нескольких домиках. Коллектив участка был многонациональный, но удивительно дружный: репатриированные (советские военнопленные), спецучётчики (политические заключённые), спецпереселенцы по национальному признаку (немцы). Все они были лишены паспортов и не имели права выезда. Только в 1955 году им выдали паспорта, и они начали постепенно переезжать на жительство в Кордон, в финские сборные дома.

культуры. Молодёжь стремилась к овладению правильной речью, к правильному произношению слов, тянулась к знаниям, к культурному поведению, старательно одевалась, следила за собой, а не желала выглядеть дурачком в лаптях. Существовала устремлённость к некоему социальному эталону человека, включённого в широкую общественную жизнь...

Конечно, немалое влияние оказывали кино, телевидение, культурные мероприятия, проводимые в клубе...

Но в означенную атмосферу особенно ощутимо привносила культуру, воспитание, знания именно школа, научала ставить барьер между добром и злом, находить несовместимые отличия между ними. Образовательная система с помощью изучаемых предметов и под влиянием подвижнического состава педагогов создавала некий образец человека, на который должно было ориентироваться в жизненных устремлениях.

Забегаю вперёд, приведу один пример, свидетельствующий, насколько основательно была поставлена в школе нравственно-воспитательная работа. Это благодаря ей здесь мог сформироваться человек, имя которого сегодня носит школа, Максим Юрьевич Шатунов.

Выпускник Кордонской школы Максим избрал для себя стезю военного служения Отечеству, с отличием окончил Московское высшее военное командное училище Министерства обороны РФ. Служил в знаменитой группе особой важности «Альфа»⁸ оперуполномоченным 2-го отдела Центра специального назначения ФСБ (Федеральной службы безопасности). Сильный и принципиальный человек, Максим Юрьевич быстро продвигался по службе. Офицер антитеррористического спецподразделения «Альфа» Максим Шатунов неоднократно выезжал в командировки на Северный Кавказ. В последней из них он, уже имевший звание майора ФСБ, входил в группу сотрудников «Альфы», осуществлявших личную охрану главы Чечни Рамзана Кадырова. 7 июля 2009 года группа сотрудников выполняла специальное задание. Они возвращались к месту своего расположения, когда в районе города Гудермес Чеченской Республики произошло столкновение. Максим погиб, его товарищ получил тяжёлое ранение.

Личный вклад майора Шатунова в выполнение оперативно-боевых задач отмечен тремя медалями. Посмертно он награждён орденом Мужества за отвагу и самоотверженность. Нравственные основы этого человека были заложены в Кордонской школе.

18 февраля 2017 года здесь, на родине, состоялось торжественное открытие мемориальной доски, посвящённой Максиму Шатунову. Было ему всего тридцать лет. И без отца осталась дочка Настя.

А в 2018 году Кордонская школа обрела почётное право носить имя своего славного земляка М. Ю. Шатунова. Не прерывается душестроительная традиция — чтить своих героев.

Ещё раз забегаю вперёд, отметим, что 22 января 2022 года в Кордоне был проведён хоккейный матч памяти Максима Шатунова между командами Усть-Кишерти и Кордона. Возможно, впоследствии такие матчи станут новой традицией... Проводил игру

⁸ Знаменитый командир этой группы — Герой Советского Союза генерал-майор Г. Н. Зайцев, тоже гордость Пермского края — наш земляк, ибо родом из деревни Антыбары Чусовского района.

Юрий Козич. Судил Олег Протасов. Был приглашён отец Максима Шатунова Юрий Матвеевич, проживающий в Кишерти. Он вручал участникам матча памятные медали.

* * *

Сделав отступление, вернёмся к прерванному повествованию. Нужно сказать, в Кордоне была построена и сдана в эксплуатацию каменная школа. Первый звонок в ней торжественно прозвучал 2 февраля 1970 года. Просторное, трёхэтажное здание, 17 классовых комнат (по фасаду — 21 окно на каждом этаже), в котором обучались 1200 школьников. До этого в посёлке имелись две деревянные школы, которые располагались по разные стороны железной дороги, разделявшей посёлок на две части — Северную и Южную. На Южной стороне размещалась начальная школа (впоследствии здесь какое-то время находился детский сад). А на Северной в трёх зданиях барачного типа занимались учащиеся с 5-го по 10-й класс, в четвёртом здании был интернат.

Что касается автомобильных дорог, в те годы их здесь не было. «В весеннюю и осеннюю распутицу невозможно было проехать, — вспоминает Олег Протасов. — Через Сылву возле Шумково, метров на сто повыше теперешнего моста, переправлялись на пароме, вручную крутили лебёдку... Автобусного сообщения и в помине не было, если нужно было куда-то поехать, выручала только железная дорога».

Юрий Алексеевич Козич рассказывает, что в Кордоне активно строился дома из деревянного бруса: за 7 лет было возведено 39 таких домов. Был построен кирпичный двухэтажный детский садик на 140 мест, размером 18 на 32 метра. И Юрий Козич, инженер-строитель и заместитель директора по строительству, начинал свою трудовую карьеру непосредственно здесь в качестве мастера.

А ещё в разных точках Советского Союза было построено 6 типовых тарных цехов размером 18 на 64 метра. В этих цехах изготавливали тару для южных республик: ящики под овощи и фрукты, поставка которых шла по всей стране... Делали клёпку для бочек...

* * *

Накануне пятого крестного хода Кордон — Кишерть (15–18 августа 2020 года) мне довелось ночевать в семье Татьяны Обориной и Владимира Наконечного. Супруги — очень гостеприимные, душевные люди. И хотя родом они совсем из другого места, но беззаветно любят свой уральский посёлок, болеют за него душой, огорчены судьбой медленно умирающего поселения... Люди, которые непростым путём пришли к вере в Бога, сами они, по сути, — история посёлка, которому отдали все силы, здоровье, жизнь. Теперь обоим перевалило за семьдесят, но супруги ещё полны жизненной энергии...

Вечер прошёл в разговорах и воспоминаниях. Мы с Владимиром совершили прогулку за околицу. Вдоль пастбищной изгороди... Хотя и середина августа, но вечера ещё долго стоят светлыми. В 70–80-е годы XX века в каждом хозяйстве Кордона держали по 2–3 коровы. Но поскольку посёлок лесной, полян сенокосных нет, а у всех скот, и заготовить сена негде, то за траву на сено дело доходило порой до скандалов...

Что интересно, пасти животных без традиционного пастуха. Была огорожена большая и просторная поскóтина с достаточной ёмкостью угодий. В начале поскотины и в её конце имелись ворота. И было установлено поочерёдное каждодневное дежурство у ворот, присматривали за коровами, чтоб не вышли каким-либо способом за пределы поскотины и не оказались на железной дороге. За этим следили тогда очень строго. Железнодорожные власти требовали неукоснительного догляда за животными. Каждому владельцу коров был определён конкретный участок изгороди, за исправностью которого хозяин обязан был следить, чтобы животные никуда не ушли, не потерялись... Были в истории посёлка случаи, когда медведь задирали телят...

Как раз мимо этой изгороди проходила разбитая лесовозная дорога. Мы шли по ней и беседовали, маневрируя между лужами в глубоких колеях...

Владимир Дмитриевич родом с Украины, из Тернопольской области, прибыл в Кордон в 1968 году по вербовке, после армии, был ему тогда 21 год. Приехал зарабатывать лес на строительство дома, который на родине возводил отец. Лес на продажу гражданам стоил 150 рублей за кубометр, а вербованным продавали куб леса на льготных условиях: на трудонорму⁹ по 35 рублей за кубометр. Очень выгодно. Он заработал 7 кубов за три месяца. Для перевозки этого леса предоставляли специальные вагоны.

Здесь Владимир женился на девушке Марии Николаевне Шошиной (22.07.1950 — 18.11.2011) да так и остался в Кордоне на постоянное жительство, работал в леспромхозе. Возглавлял бригаду по разделке леса из пятнадцати человек, всегда числился в передовиках, его портрет не раз висел на Доске почёта и в рабочем посёлке, и в районе¹⁰... Размах заготовки древесины в те годы был огромен. К примеру, на 1969 год Кордонскому леспромхозу был дан план вывозки леса в объеме 275 тысяч кубометров. Чтобы его выполнить, необходимо было иметь 80 списочных лесовозов при работе в одну смену. А леспромхоз не располагал таким количеством лесовозов. Но выход из положения нашли: вывозка леса была организована в две и три смены. Каждую лесовозную машину закрепили за двумя шофёрами¹¹.

В 1979 году семья Владимира Дмитриевича Наконечного уехала в село Култаево Пермского района, где брат Марии — Владимир Шошин — работал в колхозе «Россия» механиком гаража.

Татьяна Михайловна родом тоже с Украины, человек очень уважаемой профессии — учитель. Окончила Белгородский педагогический институт и по распределению (а оно в те годы было всесоюзным) в 1971 году оказалась в Кордоне. Посёлок тогда интенсивно

⁹ Трудонормой называли сезон с момента установки дорог осенью и до завершения рубки леса весной.

¹⁰ На 1 января 1981 года в Кишертском районе насчитывалось 100 населённых пунктов.

¹¹ Районная газета «Путь Ильича». — 1969. — Смирнов В. Лесовозы работают в две смены.

развивался, только что, как было уже упомянуто, открылась новая трёхэтажная школа, в которой было больше тысячи учащихся. Татьяна Михайловна стала преподавать английский язык. Здесь она вышла замуж, создала с мужем семью, родили и воспитали дочь Елену и сына Александра. Супруг, Валентин Васильевич, преподавал в старших классах автодело и среди учеников пользовался большим уважением.

В те годы в старших классах обучение было производственным, парни (некоторые девочки тоже) изучали технику, овладевали вождением и получали водительские права. Но в основном девочки изучали домоводство: кроили, шили, пекли, варили. Осваивали статус будущих заботливых и умелых мастериц-хозяек, жён и матерей.

Кстати, домоводству обучала девушек Ольга Сергеевна Азанова — преподаватель русского языка и литературы. Именно она сшила Татьяне Михайловне свадебное платье¹².

Жизнь в посёлке тех незабываемых лет кипела и бурлила. Широкие и просторные улицы посёлка никогда не были пустыми и мёртвыми: звенели детские голоса, безудержно веселилась молодёжь, расплёскивая вулканическую энергию своего возраста...

В третье воскресенье сентября работники леспромхоза с весёлым размахом праздновали День лесника, подводили трудовые итоги, торжественно награждали достойных (среди тружеников леспромхоза было немало орденосцев), в полную силу разворачивалась художественная самодеятельность, в которой самое активное участие принимали школа, ученики, учителя. Татьяна Михайловна до сих пор поёт в хоре, который в настоящий момент переживает не лучшие дни, потеряв (возраст никого не милует) своего талантливого руководителя, баяниста-композитора — Николая Ивановича Ларыгина. О нём Маргалида¹³ Лебедева сказала, что это музыкант высшего класса. Самородок земли уральской.

Несколько лет назад Татьяна Михайловна овдовела, осталась одна, и они с Владимиром Наконечным, который тоже похоронил свою супругу Марию, решили, по благословению протоиерея Владимира Шошина (родного брата Марии), создать новую семью. Отец Владимир хорошо знал и Владимира Дмитриевича (зятя своего) и Татьяну Михайловну. Он их и обвенчал. Семья Шошиных — по сути, центрообразующая в нашем повествовании, но речь об этом впереди...

В те годы в школе сложился и трудился сильный учительский состав, молодой, энергичный, творческий: к примеру, Клара Сергеевна Козич¹⁴ — завуч по воспитательной работе и преподаватель русского языка и литературы — учила детей даже стихи писать. Сама она на сегодняшний день (а ей на момент сбора материала исполнилось

¹² 16 февраля 2021 года Ольге Сергеевне Азановой исполнилось 104 года, но (по словам Татьяны Михайловны) для своего возраста она ещё довольно бодренькая.

¹³ Из-за ошибки, допущенной работницей ЗАГСа, в свидетельстве о рождении вместо имени Маргарита вписали Маргалида. Но в быту её называли Ритой.

¹⁴ После института, 28 июля 1958 года, Клара Сергеевна Петрова приехала в Кордон и осталась здесь навсегда. Вышла замуж. Козич — фамилия белорусская. Супруг Клары Сергеевны, Алексей Демьянович, работал в леспромхозе заместителем директора по сбыту.

86 лет) — автор шести объёмных поэтических сборников хорошего уровня, где масса стихов по тем или иным поводам посвящена односельчанам, друзьям, соратникам, лучшим людям посёлка, района... Можно сказать, она — жаворонок Кордона, поскольку воспела его в своих стихах. С подблочной высоты уловила и зафиксировала особую атмосферу труда и творчества — поэзию жизни.

Александр Степанович Грошев, географ, был директором школы. Строгий, требовательный, справедливый. Ученики перед ним трепетали, даже побаивались. Но уважали. Грозой для них была Клара Сергеевна.

Афанасий Семёнович Куликанов, физик, заступил на должность директора после Грошева.

В школе в ученическом коллективе сложилась и учителями-лидерами поддерживалась особая атмосфера, наполненная духом творчества, соревновательности, энтузиазма. Лена Кинёва (уже упомянутая выше — Елена Васильевна Протасова), к примеру, вела в школе активную общественную работу. Эта темпераментная взрывная девочка участвовала в художественной самодеятельности, была ведущей, исполняла обязанности секретаря комсомольской организации. Однажды ей довелось побывать даже в роли Деда Мороза. Человек, которого на эту роль готовили, неожиданно заболел. Ничего, справилась.

Судьба как будто готовила её для предстоящей нелёгкой храмо-строительной деятельности, которой они с мужем Олегом Александровичем отдали значительную часть своей жизни в наши дни. Да, кипела тогда жизнь школьная, и душу будоражили горячие и светлые мечты о будущем. Юность — пора, полная надежд! Отношение к учителям того времени осталось очень уважительное.

В настоящее время (ноябрь 2019-го) в школе обучаются всего лишь около 120 человек. Но что удивляться этому, если за последние 20 лет с лица былинной русской земли исчезло 34 тысячи деревень¹⁵... Целое государство получается, пусть и небольшое, такое, как Австрия (с населением в десятку миллионов человек), но бесценное и неповторимое, со своей историей, философией и культурой.

— Да, — говорят с тоской сегодня старожилы Кордона, — у людей тогда была работа, им было обеспечено устойчивое материальное положение, были перспективы развития, им светило будущее... Был смысл учиться, получать образование, профессию, двигаться вперёд.

В упадок посёлок пришёл особенно в последнее десятилетие XX века, в правление Бориса Ельцина, в пресловутые бандитские девяностые, когда рухнула большая страна, развалилась какая-никакая, но социально отлаженная жизнь...

Конечно, немало было в ней и отрицательных явлений. Так, если бы по уму, надо было кардинально реформировать эту жизнь, искореняя отрицательное и сохраняя бережно всё положительное, которое было накоплено за годы советской власти интеллектуальным, духовным и физическим трудом народа. Но жадные до наживы и обогащения временщики, исторически безответственные,

¹⁵ За годы Великой Отечественной войны на советской территории врагами было разрушено более 70 тысяч сёл и деревень. А тут половина этой цифры в мирное время и... своими руками.

пришедшие к власти с Ельциным¹⁶, были нацелены не на реформы, полезные для народа, страны, а на развал экономики и социальных структур, без чего им невозможно было бы в одночасье сказочно разбогатеть и стать олигархами... Однако политика в данном случае не наше дело.

Рассыпалось в Кордоне производство. Ушлые люди даже башенный кран в одну ночь болгарками «раскряжевали» на металлолом...

Над посёлком нависли сумерки, тучи серые опустились до самой земли. Как сказал с горькой усмешкой Владимир Анатольевич Вшивков, когда мы с ним беседовали 3 декабря 2020 года: «Малая моя родина — депрессивная территория!..»

Пожалуй, здесь будет уместно привести исторически бесценные воспоминания о перестроечном периоде, написанные Маргалидой Гавриловной Лебедевой, жительницей посёлка Кордон, 1942 года рождения. Она много лет до выхода на пенсию проработала в Кордоне продавщицей железнодорожного продовольственного магазина. Как говорится, варилась в самой гуще народной.

Товар в магазин доставляли по железной дороге. К поезду был прицеплен вагон, в который загружали продукты. Поезд, который прозвали «раздатка», делал остановку на каждой станции, и товар выгружали для магазина.

В тот день «раздатка» привезла всего лишь один ящик хлеба. В магазин вошла женщина, спросила, что привезли.

Маргалида ответила: «Ящик хлеба».

Женщина сморщила лицо и говорит: «Я думала, что-нибудь вкусненькое».

Продавец посмотрела на неё с удивлением и говорит: «А что именно вкусненькое? В магазине всё есть».

И они принялись перебирать на словах ассортимент продуктов, которые был в магазине в наличии на тот момент. Начали с рыбных консервов. Насчитали 15 сортов. Половина из них была в томате, другая половина — в масле. Имелись компоты и соки в банках по 0,5 л, 0,7 л, 1 л, 2 л, 3 л: грушевый, яблочный, тыквенный, томатный и другие. Стояли в банках огурцы, помидоры, томатная паста, которую покупатели разводили даже на сок. Щи, борщи, фасоль, горох. Повидло в больших и маленьких банках. Сгущёнка тоже в больших и малых банках. Молоко, кефир в стеклянных полулитровых бутылках. Сметану всегда привозили во флягах. Продавались пряники, печенье, баранки, разные крупы, макаронные изделия. Конфет было 18 сортов, начиная с подушечек, которые стоили по 1 рублю за килограмм, ирисок, батончиков, различной карамели, шоколадных конфет «Ласточка», «Мишка на севере» и разных других названий, заканчивая самыми дорогими — «Кара-Кум», которые стоили по 7 рублей за килограмм. На прилавке лежало масло сливочное, бутербродное, крестьянское, шоколадное, маргарин, комбижир. Масло подсолнечное в стеклянных бутылках по 0,5 л и на разлив в

¹⁶ Историк Рой Медведев, один из самых ярких депутатов знаменитых перестроечных съездов, был лично знаком с Ельциным ещё до избрания главой России. Характеризует Бориса Николаевича как сильную и волевою личность, но «буквально помешанную на стремлении к власти», и человеком малообразованным, не знающим историю своей страны. («Литературная газета» N 3, 2022, с. 5).

железных бочках. Тушёнка говяжья, свиная. Каши с мясом, консервы «Завтрак туриста» с мясом. Часто поступали четырёх-, пятикилограммовые копчёные окорока молодых свиной. Была колбаса, яйцо, рыба свежемороженая: минтай, ставрида — её брали 11-килограммовыми плитками для копчения. Сельдь иваси в железных банках. Яблоки, арбузы, Астраханские зелёные помидоры, лук, капуста. В общем, все необходимые продукты имелись. Были в небольшом ассортименте и промышленные товары первой необходимости.

И спрашивает Маргалида Гавриловна эту покупательницу: «Так что бы Вы хотели ещё вкусенького?»

Она посмотрела на продавца и ответила: «Сама уже не знаю».

— Если бы не этот случай, — признаётся Маргалида Гавриловна, — я бы никогда не запомнила, какой ассортимент продуктов был в то время в магазине... — И добавляет: Бог, наверное, специально посылает людям такие запоминающиеся случаи, чтобы помнили плохое и хорошее. Осенью начальник ОРСа приказал дать сводку, сколько продано овощей, фруктов за сезон. Получилось, что одна Маргалида Лебедева продала 25 тонн. А ведь ещё торговал ОРС Кордонского леспромхоза, который получал свежие овощи и фрукты вагонами. Было много многолетних семей. Очереди, которые запомнились в то время, были в магазинах по причине большого числа жителей в посёлке. На шпалоцехе работали в три смены. Первая смена после 4-х часов шла с работы домой, заканчивалась смена рабочих железной дороги, в это же время освобождались учителя, медработники, конторские, лесхозовские. Вот в эти часы до шести вечера в магазине были очереди. А теперь кому стоять в очереди? Предприятия закрылись. Молодёжь уехала в город. Остались одни пенсионеры, — сетует Маргалида Гавриловна.

Конечно, железнодорожные и леспромхозовские магазины через ОРС снабжались не в пример лучше обычных сельских магазинов, но всё же, всё же...

И вот наступила перестройка-перекройка... И враз всё рухнуло и исчезло, в магазине стали действительно пустые полки. Продукты, как в войну, отпускались (какие были) по талонам: сахар, масло, колбаса, водка. Мяса не было, хлеба в одни руки отпускали ограниченное количество. В городах были дикие водочные очереди¹⁷.

Эти талонные очереди были для работников прилавка сушим адом на земле... Продавцов обвиняли во всём, говорит Маргарита Гавриловна. Всё выговаривали им, потому что они работали с народом, а не правительство. Она признаётся, что в это время было немало пролито горьких слёз. Для многих покупателей продавец стал врагом, просто нечеловеком. Потому что без списка и талона даже детям нельзя было продать 100 грамм конфет. Разгорались скандалы из-за того, что кому-то чего-то не хватало даже по списку. Хотя всё, что приходило, делили по списку на рабочих и пенсионеров железной дороги.

В стране была такая обстановка, что даже солдаты, доблестные защитники Отечества, вынуждены были в прямом смысле побираться.

¹⁷ В наши дни невозможно в это поверить, но автор помнит, как ветеранам Великой Отечественной войны в самом начале 1990-х годов продавали по списку в военкомате по комплекту нательного белья.

Мои знакомые, муж с женой, повезли из Перми в Волгоград передачу для сына-солдата. В часть пройти им не разрешили, но парня к ним на свиданку из части выпустили, он пришёл на КПП не один, а с несколькими завшивевшими заморышами с горящими от голода глазами...

Вот что вспоминает продавщица Маргалида Гавриловна далее.

«В магазин вошла женщина и говорит: “Сейчас в столовую пришли два солдата, попросили покушать, денег у них нет. Солдатам отказали”. Я спросила, где они? Женщина сказала: “Вон там сидят”.

В этот день пришло много товара, даже колбаса, и всё по списку. Из того, что по списку полагалось мне, я сложила в сумку для солдат. Колбасу хотела порезать пополам, но одна старушка сказала: “Рита, отдай и мой пай”. Я всё сложила. Вышла, отдала ребятам. Они очень обрадовались, сказали: “Спасибо, мать!” А у самих глаза стали влажными. Когда я вернулась в магазин, одна женщина с такой злостью бросила: “Они, может быть, кого убили, сбежали, скрываются, а ты их кормишь...”¹⁸ Я ответила: “Бог им судья, а не мы, грешные люди”. Она же продолжила: “Если мне не хватит колбасы, я напишу жалобу, чтобы тебя выгнали”. Колбасы и всего, что полагалось по списку, ей хватило. Фамилию не называю, чтобы не было стыдно детям, внукам. Жизнь дала маленькое испытание. Люди так неожиданно и по-разному стали раскрываться.

На ковры, холодильники, швейные и стиральные машины ставили в очередь. Пришли в магазин два ковра. Двое покупателей принесли выписки, я им продала. Приходит третья, её муж работал тоже на железной дороге. “Моя была очередь, почему ты продала?” — “Я продала согласо выписке”. Пообещала написать жалобу. Написали с мужем три жалобы: в Кунгурскую, Пермскую, Свердловскую дистанции. Бог не выдал, свиньи не сожрали.

Не скрою, я очень боялась потерять работу. Везде началось сокращение. Жили вдвоём с сыном. Надеяться было не на кого. Молилась. Господь Бог, Пресвятая Богородица, мой ангел-хранитель спасли, защитили меня от всех неприятностей и бед».

Вот какую нашу жизнь тех дней засвидетельствовала Маргалида Гавриловна.

И невольно срываются с языка ещё раз слова, с горечью обронённые Владимиром Анатольевичем Вшивковым: «Малая моя родина — депрессивная территория!..»

И от такой жизни слабые духом люди впали в уныние и безысходность: стали нарастать безработица, воровство, пьянство, хулиганство, преступность, верх начали брать дикие нравы, беспечность... Всё это неизбежно формируется в подобной атмосфере. Кто был покрепче, стали уезжать из посёлка куда могли, где можно было найти работу...

А люди, неравнодушные к судьбе родного посёлка, его патриоты скорбели душой, что он гибнет. Да, многие из них жили уже в городах, но здесь у них осталось далёкое счастливое детство, светлая юность — самая яркая пора жизни, здесь оставалось и самое святое — могилы предков: бабушек и дедушек, отцов и матерей, близких родственни-

¹⁸ В те годы, стоит заметить, в армии была совершенно жуткая дедовщина, так что неудивительно, могли и сбежать... И голод мог подтолкнуть их на преступление.

ков. У всякого порядочного человека в таких условиях возникает в душе неизбывная боль за Отчину. Только кто-то затаивается с этой болью на дальнейшее прозябание, а кто-то, не желая мириться, ищет возможности переменить жизнь.

* * *

В этот вечер (3 декабря 2020 г.) Олег Протасов привёз за 167 км из Перми краску для разметки ледяного поля хоккейной площадки, спортивную форму для одного из игроков (другие уже обмундированы). В посёлке подобрались 13–15 разновозрастных школьников-хоккеистов. Договорились этим вечером собраться, кто сможет прийти, нанести на льду разметку и залить площадку, нарастить лёд потолще. Мороз, правда, был всего 10 градусов. Но за ночь вода замёрзнет нормально.

В дороге Олег Александрович вспоминал, как он и его сверстники в 1970-х годах с азартом увлеклись хоккеем. До этого в Кордоне был популярен футбол. Горела своя футбольная звезда — Жора, высокий, сутулый, гибкий парень: он имел врождённый дар быть вратарём. Работать нигде не хотел, а потому считался тунеядцем и власти за это его преследовали. Впоследствии он спился и рано умер. А ещё рассказывали про игру легендарного в Кордоне футболиста Захара Галяутдинова, мужественного (и, видимо, человека с характером) ветерана Великой Отечественной войны, который гонял футбол на протезе, и говорят, что играл неплохо, хотя одной ноги у него ниже колена не было.

В хоккей играли на озерце. Площадка здесь была, примерно, метров 20 на 40.

Протасов с юмором вспоминал встречу с ребятами с околотка, где находился конный двор, поэтому их прозвали «конюхами». В команде, в которую входил Олег, парни были уже в коньках на ботинках, но стоять на них толком ещё не умели. А «конюхи» пришли в коньках на валенках и обыграли. Но вскоре ребята овладели коньками и уже с лёгкостью выиграли у «конюхов».

Сами изготавливали шитки (в продаже их тогда не то что наяву, но и во сне не было): отрезали от старых валенок войлок, кроили, прошивали дратвой (её тоже делали сами), из старых рабочих касок, какие дают в лесу вальщикам и прочим лесным рабочим, выпиливали нужного размера шитки... Было чем заняться. Готового ничего не имелось.

Сегодня строительство спортивной площадки даёт молодёжи хоть какую-то перспективу, хотя это, может быть, только иллюзия перспективы...

В сентябре 2020 года в Кишертском районе произошли большие перемены: главу района Т. Н. Конопаткину (активную и доброжелательную помощницу в строительстве храма), много лет занимавшую эту должность, переизбрали. А вскоре последовала реорганизация: все поселения Кишертского района объединили в единый муниципальный округ, должность главы Кордонского поселения аннулировали. Успешного и уважаемого главу Кордона — Андрея Владимировича Борисова перевели на должность заместителя главы Кишертского муниципального округа по вопросам ЖКХ.

После таких перемен жители тут же вынесли свой вердикт: деревню в широком смысле бросили на уничтожение, в узком — на уничтожение бросили Кордон.

Радея за будущее посёлка в должности главы Кордона, Андрей Владимирович Борисов, участвуя в различных программах, получил возможность построить в посёлке целый спортивно-игровой комплекс: спортивную площадку для молодёжи, хоккейную площадку для ребят, горки. И это облагоустроенное пространство превратилось в место проведения молодёжного досуга, отдыха молодых семей. А тренерская работа с хоккейной командой легла на плечи Олега Протасова. Честные люди Кордона, как могут, сопротивляются своему уничтожению, но что значит божья коровка против кирпича?..

Олег Александрович иронизирует: «Как корабль назовёшь, так он и поплывёт!» Вот он и поплывёт... И все в страхе ждут, когда он пойдёт на дно... Людям очень не нравится, что сёла и деревни стали именовать поселениями, что-то унижительное, оскорбительное несёт это слово. Что-то временное и разрушительное чувствуют они в слове «поселение». Поселения были у индейцев Америки, но колонизаторы все поселения уничтожили...

У нас прежде поселением называли принудительное водворение на жительство в отдалённых местностях в наказание за что-либо. На поселение выводили заключённых, отбывших определённую часть своего срока...

Поселение... Чиновники исходят не из интересов народа, а из своего административного интереса. Из того же, что оптимизаторы медицины, которая сегодня испытывает шок перед пандемией коронавируса¹⁹... Невозможно представить, какие средства уходят на бесконечные переименования структур (взять хотя бы милицию, бессмысленно переименованную в полицию), на замену печатей, штампов и табличек на дверях кабинетов...

* * *

В сборе материала для книжки мне очень активно помогали в первую очередь супруги Протасовы. Олег Александрович постоянно возил меня на своей машине; вместе с Еленой Васильевной они организовывали встречи с нужными людьми, договаривались о времени, информировали меня о том или ином предстоящем событии, касающемся строительства храма и его украшения, о праздничных богослужениях.

Самое активное и заинтересованное участие принимали протоиерей Пётр Шошин, протоиерей Владимир Шошин, диакон Александр Шошин, его отзывчивые друзья-прихожане Василий и Владимир Чашины, Владимир Пестов, Юрий Алексеевич Козич, казначей храма святителя Тихона Татьяна Григорьевна Патлусова, её супруг

¹⁹ Вот только один случай для наглядности (вооружитесь картой Пермского края): жителя Орды Н. И. Федосеева с коронавирусом отправили за 88 км в посёлок Октябрьский — ближе некуда было поместить. Оттуда перевезли и положили в Кунгур (высвободилось всё-таки место), теперь уже за 119 км. Затем срочно отправили в краевую больницу, в реанимацию. Плюс ещё 91 км. Но отсюда, из реанимации, он уже не вышел... Общая «дорога смерти» составила 298 км. Человеку было всего 63 года, ещё полон знаний, сил и трудовой энергии...

Александр Михайлович Суетин. Библиотекарь Надежда Георгиевна Шербакова. Учитель Татьяна Михайловна Оборина — активная прихожанка Тихоновского храма, её супруг Владимир Дмитриевич, Владимир Анатольевич Вшивков и многие-многие другие...

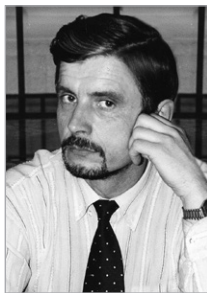
Владимир МАСЛЯНКА

ДИАМАТ ПЕРМСКОЙ БЫКОВКИ. Эссе

Литературная «ссылка на авторитет» известного русского писателя Виктора Астафьева навечно вывела из тени истории деревеньку под названием Быковка, когда-то мало известную крошечную пермскую деревню, стоящую на одноимённой речке, притоке реки Сылвы, младшей сестры знаменитой реки Чусовой... История взаимоотношений Астафьева и Быковки в известной мере подтверждает единство и борьбу противоположностей — триаду диалектического материализма — «диамата»: «тезис–антитезис–синтез». Их знакомство состоялось в 1962 году, когда Быковка (сейчас её называю Старая Быковка, чтобы не путать с новым посёлком. — *Прим. авт.*) уже 8 лет пребывала в новой ипостаси, ипостаси реверса — обратного хода эволюции, превращения её доселе живой и бойкой в «медвежий угол» — из-за пуска Камской ГЭС. Астафьев, только-только переехав из Чусового и успев устать от городской суеты Перми, нашёл себе здесь на 7 лет летнюю творческую дачу, но тотчас увидел даже здесь последствия знаменитой формулы «ленинского коммунизма», который невозможен без родной сестры советской власти — электрификации!..

Деревня Быковка (в 1869 году — Быкова, в 1919-м — Воронова) до открытия в 1954 году Камской ГЭС жила своей размеренной жизнью, как тысячи других русских деревень... Речка-деревенька Быковка, реки Сылва, Чусовая, Кама и Камская ГЭС не были ни первыми, ни последними звеньями в цепи эпохальной электрификации СССР путём строительства гигантских ГЭС и огромных водохранилищ, затопления исторических территорий и вселенного переселения старожилов — коренного населения зон затопления. Именно поэтому строительство советских ГЭС навсегда останется предметом спора «сопромата» и «диамата», физиков и лириков, единства и борьбы противоположностей. Можно ли было обойтись без ГЭС, чего они дали больше: спасительного или губительного? «За» и «против» — тезисы-антитезисы рождали, рожают и будут рождать множество сторонников и противников «ГЭСостроительства»...

Сейчас в России более 150 ГЭС. Строительство Камской ГЭС было одной из составляющих грандиозного плана реконструкции Волжской речной системы и создания Волго-Балтийского пути взамен существовавшей ещё с XIX века Мариинской водной системы, соединявшей бассейн Волги с Балтийским морем. Камская ГЭС

Владимир Николаевич МАСЛЯНКА родился 30 июля 1954 года, уроженец города Капустин Яр (Знаменск) Астраханской области. Окончил Свердловский государственный медицинский институт. Параллельно в 1974 году окончил заочный народный университет искусств (факультет фотолюбителя). В 1978–2019 годах работал санитарным врачом и главным санитарным врачом Чусовского отделения Свердловской железной дороги. В 2003–2018-м — директор Литературного музея В. П. Астафьева в городе Чусовом. Награждён грамотой и наградными часами МПС СССР, орденом Дistinguished III степени (2014). С 1971 года регулярно публикуется в газетных и журнальных изданиях Перми, Чусового, Нижнего Тагила, Екатеринбурга. Член ПКОО «Союз писателей России» (2020). Живёт в городе Чусовом.

обеспечила надёжность энергоснабжения и судоходства всего Пермского края, неотъемлемой части Урала, опорного края державы, и является железнодорожным и автомобильным мостовым переходом через реку Кама. Но после образования Камского моря ушли под воду истоки Сибирского похода Ермака — Орёл-городок на Каме и Нижне-Чусовской городок на Чусовой. Ещё до Камской ГЭС была построена Рыбинская ГЭС, а после неё с интервалом в 20 лет — Братская ГЭС. Рыбинская ГЭС пушенная в 1941 году сыграла огромную роль в защите Москвы, дав столь необходимое электроснабжение военным — Москве и Ярославлю. В то же время, рыбинское водохранилище, сердце ГЭС — 3-е в России по размерам, поглотило множество городов и весей Ярославской, Тверской и Вологодской областей, в том числе град Молога — ныне известного как «Русская Атлантида», связанная с семействами Мусиных-Пушкиных, Кочубеев, Сухово-Кобылиных. Достаточно сказать, что недалеко от неё в своём поместье Иловна упокоился Алексей Мусин-Пушкин, нашедший в Ярославле и опубликовавший в Москве в 1800 году легендарное «Слово о полку Игореве»...

Братская ГЭС с 1961 года имеет самое крупное водохранилище в России, оно поглотило-проглотило огромные иркутские территории Приангарья, о чём так пронзительно-горестно написал в своём «Прощание с Матёрой» Валентин Распутин. Но благодаря этой же ГЭС Сибирь стала бесспорной столицей-вотчиной российского «летающего» металла — алюминия, а её плотина — ангарским мостом БАМа, который проходит прямо через неё... Общим печальным лейтмотивом всех этих превращений-достижений строящегося «ленинского коммунизма» стали горяниновские строки:

*За Мологой не пасутся кони,
Птицы пух не носят на стропила,
Над Мологой волны ветер гонит,
Ил заносит прадедов могилы.
Я не знаю, лучше или хуже
Жизнь текла бы, всё сложись иначе,
Только сердце почему-то тужит,
Когда чайки над водою плачут.*

Возвращаясь к Виктору Астафьеву и Быковке нужно вспомнить его очерк «Паруня» о коренной жительнице Быковки, простой труженице Прасковье Вороновой и красоте уральской природы, а также о прямо противоположном «явлении» — Человеке — «гегемоне природы». Не отсюда ли из Быковки пошла будущая экологическая направленность творчества писателя:

«Деревня Быковка стоит на берегу уральской речки Быковки, журчаливой, студёноводной, вёснами облитой

Паруня — Прасковья Воронова. Быковка

цветами черёмухи. Глянешь с утора, и кажется, что бушевавшая всю весну речка взбила по всем своим загогулинам и водо-плескам белую пену. В пене омытые, залохнувшие вешним дурманом, дни и ночи трещат соловьи, уркают голуби-вяхири, по травянистым косогорам верешит, свистит и заливается всякая иная пернатая мелочь, которой и всегда тут было много, а за последние годы сделалось гуще, — видно, в середине России и в тёплых краях до того доопрыскивали поля и леса, до того их доопыляли, что всех козявок, блошек, мошек и муравьишек там уморили, нечего стало есть птичкам и жить страшно сделалось, вот они и ищут кормные места и тихие уголки на земле.

Широко разлившаяся от подпора Камской гидростанции река Чусовая и Сылва, соединившись вместе, образуют мало-населённый угол. Подумать только: сорок минут на электричке за плотину от огромного индустриального центра — Перми, в которой толчея, дышать от копоти и газа нечем, двадцать минут на “Ракете” от пристани Левшино — и вот она, первозданная тишина и вселенское успокоение.

Породнился я с деревушкой Быковкой и её обитателями, и, находясь вдали от Урала, нет-нет да и получим мы с женой весточку оттуда: живём помаленьку, тот-то помер, тот-то уехал или собирается уезжать... Когда-то жизнь вокруг Быковки была ключом: был леспромхоз, колхозы, мастерские, линия электро-передачи, но как разлилось Камское водохранилище, потопившее необозримую вольность уральских лесов, пойменные луга, пашни, — жизнь на мысу начала сворачиваться, правление колхоза, нынче — совхоза, перекинулось на другую сторону, в посёлок Старые Ляды, идомишки один по одному начали сниматься с мест, оставляя после себя груды пережжённых кирпичей, ямы подполий с мышьиными норками, битыми горшками и старыми самоварами да сгнившие нижние венцы, два из которых допре-вают перед моими окнами по другую сторону дороги. Бурьян, допухи, жалища поспешно и стыдливо маскируют захламлённое, будто в военной панике брошенное жилое место...»

Размышляя о триаде «диамата Быковки» надо сказать, что при Викторе Астафьеве она таки совершила третий диалектический шаг — синтез — «медвежий угол» благодаря «невольным стараниям» Астафьева стал своего рода летней культурной дачей 1962–1969-х годов Перми: местом встреч известнейших пермских писателей и журналистов Бориса Назаровского, Льва Давыдычева, Андрея Ромашёва, Алексея Домнина, Александра Граевского, Авенира Крашенинникова, Роберта Белова, Александра Корабельникова, художников Петра Оборина, Павла Шардакова. Здесь у них нашлось время, желание, место и для философских диспутов, и для спортивных споров о футбольных матчах.

В XXI веке с 2005 года традиция ежегодных встреч в Быковке возродилась благодаря литературным Чусовому и Лысьве — стараниям Геннадия Вершинина, Юрия и Марины Вороновых, Альмиры Кардапольцевой и автора этих строк. На месте утраченного астафьевского дома ими установлен памятный 3-метровый деревянный крест и посажено любимое дерево Виктора Астафьева — кедр. В 2014 году к этой компании перманентно присоединился друг Виктора Астафьева,

Валентин Курбатов

известный российский литературный критик Валентин Курбатов, лауреат Государственной премии 2020 года (его не стало 6 марта 2021 года), который так об этом месте написал в «Литературной России» N 2008/2015:

«Навестили мы с Вороновыми и место Паруниной избы. Помните рассказ Виктора Петровича об этой великой в своей незаметности русской женщине из тех, которые, как писал Виктор Петрович, «всем должны, а им — никто», как распутинская Анна из «Последнего срока», как солженицынская Матрёна из «Матрёнина двора». Да и раньше — не от века ли? — они держали русскую землю, как ещё в XIX веке потрясая и европейского читателя тургеневская Лукерья из рассказа «Живы моши». Может быть, потому и умирает Быковка и померли другие несчётные русские деревни, что они только и держались в последнее время трудом, любовью и совестью этих мучениц, знать не знавших, что они мученицы. Поклонились ей от себя и Виктора Петровича. Вспомнили, что и она была Воронова и деревня на старых картах звалась Воронова. И то, что обживаются сейчас здесь Юрий и Марина Вороновы — радость и ободрение. Они ещё молоды, привезут сюда своих детей. Те привыкнут и, глядишь, «улица 25-го Октября» (Шутливая домовая уличная эмалированная табличка известной пермской улицы. — Прим. автора.) и впрямь станет улицей и Виктор Петрович поживёт здесь в благодарной памяти. И власти пермские не забудут этой деревни, где родились светлейшие книги нашей литературы, где написаны не одна «Пастушка», а и «Монах в новых штанах», и «Где-то гремит война», и «Синие сумерки», и «Кража», и «Сашка Лебедев» и незабвенный рассказ «Ясным ли днём», и несчётные затеси, которые одни стоят того, чтобы воскресить избу, где явились они на спасение русского сердца и русского слова».

«Распалась связь времён»: с 1954 года Быковка впадает уже не в Сылву, а в Сылвенский залив, Сылва впадает не в Чусовую, а в Чусовской залив, а Чусовая — не в Каму, а... в Камское водохранилище... но народный диамат — «нет худа без добра», только ещё раз подтверждает вечное единство и борьбу противоположностей — в этих жестоких испытаниях незримо соединилось и закалилось русское Слово: «Слово о полку Игореве», распутинское «Прощание с Матёрой», астафьевские «Пастух и пастушка» и «Паруны»...

Александр БАЛТИН

ДОСТОЕВСКИЙ В ПЕРМИ. Зарисовка

Розоватый утренний мороз шипасто колол воздух, и сканью представленные деревья должны были радовать взор...

Такой увидел Пермь петрашевец Достоевский, увозимый в ссылку; Достоевский, как и другие участники яростного и справедливого, горевшего, как рана, кружка, вырванный из жизни, узнавший с кристаллической чёткостью — справедливость невозможна...

Город деревянный, старый, со многими, как и положено, церквями.

Достоевский писал брату: «Нас везли <...> по Петербургской, Новгородской, Ярославской и т. д. <...> В Пермской губернии мы выдержали одну ночь в сорок градусов».

То есть яростно трещал мороз, и огонь его переключался с огнём, калившим Достоевского всю жизнь.

Хотя... сложно сказать, что испытывал писатель, лишённый привычной жизни и такого необходимого ему дела.

Ему — и человечеству, ещё не знавшему о нём.

Сибирский тракт проходил через Пермь: то есть следование Достоевского сквозь славный город — на лицо.

Пермские огни впечатлений полыхнут в романе «Униженные и оскорблённые» и будут отражены в одном из эпизодов «Бесов»; возможно, Достоевский ночевал в здании тюремного замка — деревянном, посещённом незадолго до писателя императором.

Была ссылка, зрели «Записки из мёртвого дома»; много десятилетий спустя Варлам Шаламов утверждал, что лагерный опыт не имеет

Александр Львович БАЛТИН родился в Москве в 1967 году. Систематического образования не получил. Впервые опубликовался как поэт в 1996 году в журнале «Литературное обозрение», как прозаик — в 2007-м в журнале Florida (США), как литературный критик — в 2016 году в газете «Литературная Россия». Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая собрание сочинений в пяти томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях разных стран: России, Беларуси, Башкортостана, Молдовы, Италии, Польши, Чехии, Германии, Израйля, Ирана, Канады, США и др. (в том числе в журналах «Юность», «Москва», «Дети Ра» и др., в антологии «И мы сохраним тебя, русская речь...»). Дважды лауреат международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (США). Лауреат золотой медали творческого клуба EvilArt. Отмечен наградой Санкт-Петербургского общества Мартина Лютера.

Награждён юбилейной медалью портала «Парнас». Номинант премии «Паруса мечты» (Хорватия). Государственный стипендиат Союза писателей Москвы. Почётный сотрудник Финансовой академии при Правительстве РФ. Отмечен благодарностью альманаха «Истоки». Лауреат портала «Клубочек» в номинации «Проза» (2016). Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Поэзия» (2016). Победитель конкурса «Миротворчество» (Болгария, София, 2017). Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Критика» (2017). Лауреат журнала «Дети Ра» (2017). Эссеист года по версии журнала «Персона PLUS» (2018). Лауреат Ахматовской премии (Болгария, София, 2019). Лауреат газеты «День литературы» (2019). Победитель международного поэтического конкурса «Хотят ли русские войны?» (Болгария, 2020). Лауреат премии имени В. Б. Смирнова журнала «Отчий край» (Волгоград, 2020). Лауреат журнала «Эколог и Я» (Беларусь, 2020). Неоднократно выступал с чтением стихов на радио «Центр» в программе «Логос». На радио «Говорит Москва» стихи А. Балтина читал народный артист СССР Е. Я. Весник. О стихах и книгах А. Балтина писали «Литературная газета», «Юность», «Истоки», «Литературные вести», «Новый мир», «Знамя», «День и ночь», «Дети Ра», «Казахстанская правда», «Завтра» и др. Сказка «Страна гномов» вышла отдельным изданием в Канаде. Его стихи переведены на итальянский и польский языки, эссе — на болгарский и фарси. В 2013 году вышла книга «Вокруг Александра Балтина», посвящённая творчеству писателя.

никакого позитивного элемента — согласился бы с ним старший классик?

Но ссылка раскрывалась всем низким, что может предложить человеческая порода — и излюбленная ею субстанция несправедливости; и редкие высверки, золотишки чего-то доброго не являлись яркими факелами.

Была ссылка.

Возвращался из неё Достоевский в центральную Россию по той же дороге: то есть снова проезжал Пермь.

Ещё строки из письма:

«Великолепные леса пермские и потом вятские — совершенство. Но в Перми уже мало замечаешь пустырей по дорогам: всё запахано, всё обработано, всё ценится. Так, по крайней мере, мне показалось».

Он возвращался человеком, нагруженным таким опытом, который ломает. Но писатель не был сломлен: он видел город другими глазами, и утверждал, что он — первый, где после Сибири начинается цивилизация.

Города играли в жизни Достоевского огромное значение: его Петербург индивидуален; его провинция тяжела и болотиста: подходящая среда для зарождения микробов бесовства; Пермь не была чрезвычайным городом в жизни писателя, но сказать, что вовсе не играла роли, — нельзя.

Михаил ОРДЫНСКИЙ-ДАВИДОВ

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ

Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО. Литературный очерк (сокр. вариант)

Достоевский живёт в нас.
В. В. Розанов

Минувший 2021-й был годом юбилейным — исполнилось 200 лет со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского.

Имя Достоевского для любого пермского писателя свято. Не случайно газета «Пермский писатель» — орган Пермского отделения Союза писателей России — начинается с портрета Ф. М. Достоевского и его знаменитых слов: «Правда для правды, а не для красоты». Пермское отделение СПР благодаря усилиям своего председателя В. В. Якушева учредило Орден Достоевского, ежегодно вручая его лучшим писателям России и зарубежья. Кавалерами Ордена становились Станислав Куняев (Москва), Владимир Крупин (Москва), Светлана Замлелова (Сергиев Посад), Иван Голубничий (Москва), Светлана Сырнева (Киров), Николай Полотнянко (Ульяновск), Карим Хайдар (Душанбе) и многие другие выдающиеся писатели.

Проникнуть во внутренний мир Ф. М. Достоевского, прикоснуться к его жизненному и творческому пути, понять, как он рождал бессмертные образы, — такую задачу я поставил перед собой в одну из поездок в Санкт-Петербург.

Эта поездка была далеко не первой, связанной с жизнью и деятельностью писателя. В течение 45 лет я посещал Божedomку и другие московские, санкт-петербургские, омские и прочие места, связанные с именем Ф. М. Достоевского, работал в архивах, изучал его автографы, произведения, письма, а также воспоминания об этом замечательном писателе.

Во время заграничных поездок в 2008–2018 годы я не переставал собирать материалы и думать о Достоевском и в Дрездене, Женеве, Веве, Милане, Париже, Праге, Лондоне и Копенгагене, посетил места, где жил и бывал Ф. М. Достоевский, где создавал он свои бессмертные творения.

Особенно волновали меня три последних драматических года жизни великого писателя и обстоятельства его преждевременной (как я считал) гибели.

Михаил Иванович ДАВИДОВ (псевдоним — ОРДЫНСКИЙ) родился в 1954 году в Пермском крае. В 1979–1981-м служил на космодроме Байконур, в дальнейшем активно занимался историей космонавтики, публиковал статьи, участвовал в экспедициях к месту приземления космонавтов, передачах на центральном телевидении, посвящённых освоению космоса. Награждён медалью Ю. А. Гагарина, почётным знаком «Строитель Байконура». Писатель, историк литературы. Автор 11 литературно-художественных книг. Его произведения публиковались в журналах «Москва», «Великоросс», «Наука и жизнь», «Литературная Пермь», «Урал», «Уральский следопыт» и других изданиях. Член Союза писателей России (2016). Кавалер ордена Достоевского II степени (2017). Живёт в городе Перми.

Эти последние годы жизни пророка и мыслителя прошли в районе Владимирской площади, где он проживал на квартире в доме, расположенном в тихом Кузнечном переулке.

Величие Достоевского состоит в том, что он, в отличие от многих писателей своего времени, решил посвятить своё творчество не дворянской столице, а непарадному Петербургу, городу униженных и оскорблённых, городу бедняков, людей, оказавшихся по воле рока на самом дне жизни. В Питере символом униженных и оскорблённых является Владимирская площадь. В районе этой площади живут многие герои произведений писателя, здесь проживал он сам, зорко наблюдая жизнь и страдания простых людей, списывая с них характеры своих героев.

Владимирская площадь небольшая, диаметром всего лишь около 60 метров. С интересом наблюдаю современных обитателей этого района. Они деловито проходят через площадь, сидят на скамеечках, прогуливаются. Вижу, что эти люди, как и во времена Достоевского, так и сейчас, не купаются в роскоши. Спешит озабоченно по своим делам трудовой люд. Мужик в спецовке тащит огромный тюк. Бородатый мужчина интеллигентного вида, с портфельчиком, в потёртом пиджачке, прошмыгнул мимо меня, покашливая. Бредут, переваливаясь, толстые тётки с авоськами. Дети кормят голубей прямо в центре площади, катаются на велосипедах. Древние старушки сидят с потухшими глазами на скамеечках. Скромная девушка-блондинка, юная и гибкая, стоит почти в центре площади и украдкой поглядывает на часы — она ждёт своего юношу. А вот и он — на вид 18–20 лет, в потёртых джинсах, в длинной белой футболке. Он нежно обнимает засиявшую от счастья девушку. Сколько любви и счастья в его глазах! И влюблённые медленно уходят, сворачивая с площади в Кузнечный переулок. А вот и современная Сонечка Мармеладова сидит на скамеечке, ожидая очередного клиента. Гибкие и стройные ноги открыты всем взорам, джинсовая мини-юбочка подчёркивает женские прелести. Но под модной ниточкой бровей я вижу чёрные глаза, с затаённой грустью смотрящие на яростный и беспощадный современный мир, в котором нет для Сонечки личного счастья.

И на всю эту круговерть на Владимирской площади молча взирает «каменный» Фёдор Михайлович Достоевский. Он сидит в задумчивой позе, со скрещёнными на коленях руками. Большой открытый лоб, опущенные книзу глаза. Взгляд его, обращённый на площадь, сумрачен и невесел. Он смотрит на нас, сегодняшних, из своего ушедшего времени, пронизывает магнетическим взглядом нашу жизнь и чувствует, и понимает, как нам не сладко, как нам тяжело живётся, как много у нас сейчас, в XXI веке, униженных и оскорблённых.

«Вижу, вижу, — словно говорит он мне, стоящему под ним, — кучка нуворишей захватила всю нефть, газ и перекачивает их на Запад. А вы все едва-едва сводите концы с концами, дорожите каждой копейкой. Но и вы — грешники. Не верите в Бога, погрязли в своих страстях, хитрите, обманываете, врётё, ссоритесь, пакостите друг другу, изменяете жёнам, любите молодых и юных, развратничаете, совершаете бесчестные поступки... Но я всё равно прошаяю вас, страдаю вам и молюсь за вас».

...Памятник Ф. М. Достоевскому работы скульптора Любови Холиной установили здесь, на Владимирской площади, в створе Большой

Московской улицы, в 1997 году. Открытие памятника стало большим событием. Вся Владимирская площадь была запружена народом. Словно современные «бедные люди», «униженные и оскорблённые» пришли на встречу со своим защитником и пророком.

На краю Владимирской площади, являясь её архитектурной доминантой, величественно стоит Владимирский собор. Иконостас главного престола верхнего храма является уникальным произведением церковного искусства. С благоговением смотрю на него — ведь он каким-то чудом сохранился и дошёл до нас с XVIII века! Вот так же, как я сейчас, приходил сюда, в верхний храм, Фёдор Михайлович Достоевский. И истово, горячо молился. За себя, за свою семью, за всех униженных и оскорблённых. Достоевский был прихожанином этого собора. В сквере у входа в собор располагалась скамейка, где писатель любил посидеть, поразмышлять. С удивлением обнаруживаю: от собора до его дома на Кузнечном переулке расстояние не более 150 м.

Ф. М. Достоевский всю свою жизнь был глубоко верующим человеком. «Первою книгою для чтения, — вспоминал младший брат писателя, Андрей Михайлович, — была у нас священная история Ветхого и Нового Завета на русском языке».

Вспомним, что единственной книгой Ф. М. Достоевского на каторге было Евангелие. И он сохранил этот экземпляр, подаренный ему жёнами декабристов, до самой смерти, попросил почитать ему его за несколько часов до своего ухода в иной мир.

«Я — дитя века, дитя неверия и сомнения до гробовой крышки, — открылся Достоевский однажды. — И однако же я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа!»

От Владимирской площади отходит довольно узкий, шириной не более 20 м, Кузнечный переулок. В 150 м от Владимирской площади, в доме № 5/2, находится последнее пристанище Ф. М. Достоевского. Здесь гениальный писатель жил последние три года жизни, здесь оборвался его земной путь.

Четырёхэтажный, угловой, обыкновенный петербургский дом, без особых архитектурных достоинств. Но это достопримечательность Санкт-Петербурга. Ведь с октября 1878-го по 28 января 1881 год здесь жил и творил величайший писатель. Поэтому в том доме всегда очень много иностранных туристов. С утра и до вечера здесь слышна не только русская, но и английская, немецкая, китайская и французская речь. На здании укреплен мемориальная доска, на которой выбито: «В этом доме в 1846 г. и с 1878 по 1881 г. жил Фёдор Михайлович Достоевский. Здесь им написан роман «Братья Карамазовы»».

С необыкновенным волнением, ощущая, как бьётся в груди сердце, вхожу я в это последнее пристанище величайшего писателя и мыслителя.

По довольно узкой лестнице поднимаюсь на второй этаж, где под № 10 располагалась квартира писателя. На двери ныне висит бронзовая табличка «Фёдор Михайлович Достоевский». Можно позвонить в старинный звонок, но это было бы нетактично. Преодолев волнение, я делаю несколько шагов и оказываюсь в просторной прихожей.

Сейчас самое время остановиться и вспомнить, как семья писателя поселилась в этой квартире.

В этом доме Ф. М. Достоевский снимал квартиру ещё в 1846 году, в яркий, счастливый, розовый, докторский период своей жизни. В этом здании им была написана повесть «Двойник». Мозг мой пронзает мысль, что здесь по сути и начался, и закончился творческий путь великого литератора.

16 мая 1878-го в семье Достоевских случилось страшное несчастье: во время приступа эпилепсии, в судорогах умер 3-летний Алёша, младший и самый любимый сын Фёдора Михайловича. Горе отца и матери, Анны Григорьевны, было безутешным. Фёдор Михайлович особенно тяжело переживал несчастье и винил в нём себя — ведь любимый мальчик умер от эпилепсии, заболевания, которое по наследству, со своими генами, он передал ему сам.

Осенью семья Достоевских вернулась в Санкт-Петербург из Старой Руссы, где проводила летние месяцы. Но в старой квартире на Греческом проспекте всё было наполнено тяжёлыми воспоминаниями об умершем мальчике. И Достоевские решили переехать в этот дом в Кузнечном переулке.

* * *

...Войдя в просторную прихожую, я вижу слева небольшую дверь — вход в кладовую, где хранились в большом количестве книги. Большое зеркало, вешалка — обычная обстановка прихожей того времени. Но моё внимание сразу привлекают зонты, трость и личная шляпа-цилиндр Фёдора Михайловича. В конце жизни, проживая в доме на Кузнечном переулке, он полюбил промозглую петербургскую погоду — дожди, туманы, изморозь.

А в начале жизни в Санкт-Петербурге столичная погода не нравилась ему. Дожди, влажность, туманы были ему не по душе, к тому же, переехав из Москвы, где родился и провёл детские и юношеские годы, он стал часто простужаться. Тосковал по Москве, по родному дому на Божедомке (ныне — улице Достоевского). Фёдор давно, с детства, мечтал посвятить жизнь литературе. Но строгий отец, Михаил Андреевич, в 1837 году определил своих старших сыновей, Михаила и Фёдора (которому тогда исполнилось 16 лет), в Военно-инженерное училище.

В августе 1843 года Фёдор Достоевский окончил Военно-инженерное училище и стал служить в Инженерном корпусе в Санкт-Петербурге. Но военная служба тяготила его, мешала литературной деятельности. В августе 1844-го он подал в отставку. «Не мог служить более, — объяснял он. — Жизни не рад, как отнимают лучшее время даром».

Выйдя в отставку, с жаром принялся он за литературное творчество. В декабре 1845 года он заканчивает роман «Бедные люди». «Новый Гоголь явился!» — вскричал Некрасов, прочитав рукопись. Фёдора Михайловича пригласил к себе Виссарион Белинский. Пламенно, с горящими глазами он выкрикивал в лицо молодому писателю: «Да Вы понимаете ли сами-то всю эту страшную правду?.. Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась как дар, цените же Ваш дар и оставайтесь верным и будьте великим писателем!»

«Квартира наша состояла из шести комнат, громадной кладовой для книг, — писала в своих воспоминаниях Анна Григорьевна, жена Достоевского, — передней и кухни и находилась на втором этаже. Семь окон выходили на Кузнечный переулочек, и кабинет мужа находился там, где прибита в настоящее время мраморная доска».

Квартира имела печное отопление. Красивые, цилиндрической формы, «круглые» печи были размещены в каждой комнате.

Из прихожей мы попадаем в умывальную комнату, где в кадучке стоит большой фикус, размещены кувшины и тазы с водой.

«Какая здесь чистота!» — думаю я, а сам невольно переношусь мыслями ко времени нахождения Ф. М. Достоевского в страшном и мрачном Алексеевском рavelине Петропавловской крепости и его 4-летнему пребыванию на каторге, где он, помимо бесправия и нравственных унижений, подвергался суровым условиям жизни (недоедание, грязь, сырость, вонь, скученность помещения, изнуряющая пыльная вредная работа).

Мысли мои переносятся в страшный 1849 год, к казни петрашевцев.

Однажды друг Достоевского, поэт Алексей Плещеев, познакомил его с Михаилом Буташевичем-Петрашевским. В доме последнего по пятницам собирались молодые люди, жаждущие какой-либо полезной для общества деятельности. Достоевский посещал кружок Петрашевского, хотя по многим вопросам имел своё мнение. О кружке стало известно Николаю I, и все петрашевцы, включая Достоевского, были арестованы. В аду Алексеевского рavelина, в одиночной камере Фёдор Михайлович провёл 8 месяцев.

Несмотря на то, что петрашевцы ограничились разговорами и спорами, в назидание обществу Николай I придумал чудовишный по своей жестокости спектакль.

Утром 22 декабря 1849 года петрашевцев привезли на Семёновский плац, где был разыгран обряд смертной казни. Осуждённым зачитали приговоры, которые заканчивались словами «смертная казнь расстреливанием». Прошло несколько минут, в течение которых каждый из петрашевцев простился с жизнью. Однако затем было объявлено «помилование» Николая I, расстрел был заменён каторгой.

28-летний Достоевский пережил несколько страшных минут под несомненным убеждением, что умрёт. Вся жизнь ясно пронеслась у него перед глазами. Об этих страшных минутах он расскажет в романе «Идиот» устами князя Мышкина: «Он помнил всё с необыкновенной ясностью и говорил, что никогда ничего из этих минут не забудет... Трех первых повели к столбам, привязали, надели на них смертный костюм (белые длинные балахоны), а на глаза надвинули белые колпаки... Выходило, что остаётся жить минут пять, не больше. Он говорил, что эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством... Вершина собора с озолочённой крышей сверкала на солнце. Он помнил, что упорно смотрел на эту крышу и на лучи, ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он через три минуты сольётся с ними». Пережив прощание с жизнью, вечером Фёдор написал записку брату: «Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих. Быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чём жизнь. Эта идея вошла в плоть и кровь мою».

По злой насмешке судьбы Ф. М. Достоевский был жестоко наказан, приговорён к каторге за взгляды, которые не очень разделял, за идеи, в которых сомневался, за тайную деятельность, которую совсем и не помышлял вести! Достоевский был противником переворотов, террора и насилия.

В Омской каторжной тюрьме, которая была ограждена плотным забором, он 4 года видел лишь «краешек неба да высокий земляной вал». Работал он в кандалах на кирпичном заводе, жил в бараке вместе с убийцами и ворами. Было тяжело. «Те 4 года считаю я за время, в которое был похоронен живой и закрыт в гробу», — писал позднее Достоевский. Наблюдательный писатель вынес из каторги много народных типов, характеров. «Есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото», — писал Достоевский. «Записки из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского с потрясающей глубиной повествуют об условиях и быте в местах заключения. Это был первый роман о русской тюрьме! И какой бледной тенью в сравнении с романом великого писателя выглядит «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына!

Вновь мои мысли возвращаются к Омскому острогу, к тем жестоким, бесчеловечным условиям, которые довелось там испытать писателю.

Старое, насквозь продуваемое, ветхое здание; гнилые, скользкие, кривые полы. Зловонная холодная казарма, залитая помоями, кишашая вшами, блохами, клопами и тараканами. Беспокойный сон на голых нарах. Вечные брань, гам и крики вокруг. Скучная, скверная еда, только раздражающая большой желудок. Ветхая одежка и худая обувь, не защищающие ни от мороза, ни от слякоти. Прибавьте сюда ежедневный каторжный труд (в кандалах!).

Вот такие мысли посетили меня, когда я долго стоял и смотрел на эту чистую и ухоженную умывальную комнату в квартире Достоевских.

* * *

...Открываем дверь в детскую. Тихо и осторожно заходим в неё, чтобы не спугнуть сладкий сон детей Фёдора Михайловича и Анны Григорьевны. Их уже давно нет на свете, но дух витает в этой комнате. Их светлые чистые детские души незримо присутствуют здесь, наполняя наши сердца светом любви.

Эта комната угловая, но широкая, просторная, наполненная солнечным светом. Здесь жили дети Люба и Федя.

Небольшой письменный стол занимает центральное место, рядом с ним — два детских стула. Здесь дети готовили уроки, рисовали, читали Библию и книги. Некоторые из них сохранились, в том числе французская «говорящая» книга. Но особое моё внимание привлёк том «Живописный Карамзин: Русская история в картинах». Это была первая книга, которую Фёдор Михайлович подарил дочери Любе. С интересом рассматриваю на письменном столе записку маленького Феди отцу: «Папа, дай гостинца. Федя». Для этой записки Федя сам изготовил бумажный конверт.

За столом, в углу комнаты, расстелен ковёр, на котором лежат игрушки. Большая детская лошадка занимает центральное место. Она была любимой игрушкой Феди. Не случайно в «Братьях Карамазовых»

Достоевский написал: «Русский мальчик так и родится вместе с лошадкой». Рядом на стуле важно сидит большая красивая кукла — любимая игрушка Любы. Место в углу занимает кресло-качалка.

У Анны Григорьевны и Фёдора Михайловича было четверо детей: Соня, Люба, Феда и Алёша. Супруги очень любили их.

Первым ребёнком у них была Соня, родившаяся в Женеве в феврале 1868 года во время заграничной поездки супругов. Как они радовались первенцу! Но счастье было недолгим. Соня заболела воспалением лёгких и умерла в 3-месячном возрасте. Анна Григорьевна вспоминала: «Такого бурного отчаяния я никогда не видела. Обоим нам казалось, что мы не вынесем нашего горя». О смерти 3-летнего Алёши я уже упомянул.

Любовь родилась 14 сентября 1869 года в Дрездене, во время этой же заграничной поездки молодых. Фёдор родился уже в России, в Санкт-Петербурге, 16 июля 1871-го.

Когда семья Достоевских поселилась в квартире в Кузнечном переулке, Любе было 9 лет, а Фёдору — 7. Фёдор Михайлович их очень любил. Из поездок он писал письма, полные нежности к детям. Он их баловал, любил покупать им гостинцы, подарки. Но в то же время ему хотелось, чтобы дети хорошо учились, знали и любили литературу.

Сам Ф. М. Достоевский начал читать с 5 лет. Но как привить детям любовь к чтению? Этот вопрос очень волновал Достоевского. Вечерами Фёдор Михайлович нередко читал Феде и Любе вслух книги — Пушкина, Лермонтова, Гоголя; рассказывал сказки, знакомил их с Библией.

В 1879 году, в письме из Эмса, где Фёдор Михайлович проходил лечение, он писал Анне Григорьевне о 8-летнем Феде: «Я замечаю в его характере очень много глубоких черт. Ему уже давно нужна была бы книга, чтоб он помаленьку полюбил читать осмысленно. Если б ты знала, как я об этом здесь думаю и как это меня беспокоит!»

Заботы Фёдора Михайловича не пропали даром. Его дети получили хорошее образование и воспитание.

Фёдор Фёдорович Достоевский (1871–1922) был физически крепким, очень любил спорт. В нём с детских лет обнаружилась тяга к лошадям. Он стал известным в России специалистом по коневодству и коннозаводству. Увлечённо писал стихи, но отказывался публиковать их. Был всеми уважаемым человеком. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Любовь Фёдоровна Достоевская (1869–1926) пошла по стопам отца. Литература увлекла её настолько, что она сама стала сочинять произведения. Опубликованы её повести «Адвокатка», «Больные девушки». Но особый интерес у читателей различных стран мира вызвала её документальная книга «Достоевский в изображении его дочери». С 1913-го Любовь Фёдоровна жила за границей и похоронена на Севере Италии, в городке Больцано.

* * *

...Из детской мы попадаем в комнату жены писателя, Анны Григорьевны Достоевской (Сниткиной). Это была вторая, любимая жена писателя. Глубокие взаимные чувства связывали их, несмотря на 25-летнюю разницу в возрасте.

Ф. М. Достоевскому долго не везло на женщин.

Свою первую жену Фёдор Михайлович встретил осенью 1854 года в Семипалатинске, где отбывал ссылку после каторги в качестве рядового солдата. Ему сразу понравилась жена таможенного чиновника Мария Дмитриевна Исаева.

Бывшего каторжанина, годами не общавшегося с женщинами, Мария Дмитриевна сразу очаровала. Друг его, барон Александр Егорович Врангель, так описал внешний вид и характер возлюбленной Фёдора Михайловича: «Марии Дмитриевне было за тридцать; довольно красивая блондинка среднего роста, очень худощавая, натура страстная и экзальтированная. Уже тогда зловещий румянец играл на её бледном лице (признак туберкулёза. — Прим. авт.). Она была начитанна, необыкновенно жива и впечатлительна».

Бедный Фёдор Михайлович, истосковавшийся по женскому вниманию и ласке, был буквально пленён Марией. С восторгом он писал о ней брату Михаилу: «Это дама, молодая, хорошенькая, очень образованная, очень умная, добра, мила, грациозна, с превосходным, великодушным сердцем». Как же слепа бывает любовь!

Мария не отвергала его любви, муж-пьяница опротивел ей. Но истинного чувства с её стороны не было, она лишь играла роль любимой от скуки и безнадёжности жизни.

Идиллия закончилась в мае 1855-го. Муж Марии, таможенный чиновник Исаев, получил должность в г. Кузнецке Томской губернии. Отъезд любимой женщины вверг в шок Фёдора Михайловича. По свидетельству А. Е. Врангеля, «отчаяние Достоевского было беспредельно... Он рыдал, как ребёнок».

Прошло лишь три месяца, и всё-всё переменялось. Мария Дмитриевна прислала письмо, в котором сообщила, что муж её скоропостижно умер и она осталась одна с 6-летним сыном. Достоевский был вне себя от чувств. Восторг переполнял его! Наконец-то он поймал птицу счастья! Он предложил Марии руку и сердце; заняв огромную сумму денег, выслал их любимой женщине (ведь она осталась одна, как же она будет жить?).

Но Мария была уже не одна! Ей хватило всего трёх месяцев после переезда в Кузнецк, чтобы увлечься молодым учителем рисования Николаем Вергуновым.

Но как же слепы бывают влюблённые! Достоевский ничего не подозревал. Рискуя своим положением, он самовольно посещает Кузнецк, пытается определить сына Марии в кадетский корпус и даже, по её просьбе, хлопочет о хорошем месте для Вергунова, не зная, что тот уже стал любовником «его» Марии.

В октябре 1856 года пришёл приказ о производстве Достоевского в прапорщики. Он стал офицером с хорошим жалованьем, ему возвратили дворянство. И Мария Дмитриевна наконец согласилась на брак с Достоевским. Они обвенчались в Одигитриевской церкви Кузнецка в феврале 1857-го. По иронии судьбы шафером со стороны жениха был... её любовник Николай Вергунов. Фёдор Михайлович уже догадывался об этом. Момент венчания он позднее назовет «самым критическим моментом жизни»: ему казалось, что невеста вот-вот сбежит из-под венца с любовником.

Первый брак Достоевского был очень неудачным. После короткого периода жизни в Твери супруги Достоевские в декабре

1859 года приезжают в Санкт-Петербург. Но в этот период брак их был, очевидно, уже формальностью. Мария Дмитриевна презирала литературные занятия мужа, не любила, возможно, даже ненавидела Достоевского, но узы брака не разрывала.

Из-за семейных неурядиц и частых ссор, сославшись на сырой климат в Санкт-Петербурге, Мария Дмитриевна отправляется жить в Москву, а в 1862-м Достоевский впервые в жизни уезжает за границу. Писатель состоял в официальном браке с Марией Дмитриевной до самой её смерти, наступившей 15 апреля 1864 года от чахотки.

У Фёдора Михайловича была тайная страсть — всю жизнь его неумолимо тянуло к юным женщинам!

Роль роковой женщины в романе жизни Ф. М. Достоевского сыграла юная Аполлиария Прокофьевна Сулова (1839–1918), которая была моложе его на 18 лет.

В октябре 1862 года, вернувшись из поездки в страны Европы, Достоевский выступал на «вечере встреч» в Санкт-Петербурге. После блестящего выступления к нему подошла рыжеволосая, необыкновенно красивая, стройная студентка. Передав Фёдору Михайловичу письмо, она быстро удалилась. Вскрыв записку, 41-летний писатель вспыхнул от переполнявших его чувств: юная красавица страстно признавалась ему в любви! В первое время ему казалось, что перед ним робкая молодая девушка, которая ослеплена его талантом и действительно любит его. Но в реальности Полина была далеко не робкой, а эгоистичной натурой. Возможно, ей нравилось находиться рядом с гениальным человеком, которого она с лёгкостью влюбила в себя.

По воспоминаниям Любови Фёдоровны, дочери писателя, Полина была заметной личностью в студенческих кругах: «Каждую осень она записывалась студенткой в университет, но никогда не занималась и не сдавала экзамены. Однако она ходила на лекции, флиртовала со студентами, подстрекала их к выступлениям».

К моменту знакомства с Фёдором Михайловичем Полине было 22 года. Между ними завязался роман. Фёдор Михайлович страстно влюбился в юную женщину. В книге воспоминаний «Годы близости с Достоевским» Аполлиария Сулова пишет, что она, оставшись наедине с Фёдором Михайловичем, «отдалась, не спрашивая, не рассчитывая». Начало любовных отношений с Аполлиарией Суловой оказало на состояние духа и здоровья писателя огромное положительное влияние. Он оживился, повеселел, летал на крыльях любви. Влюблённый по уши Достоевский, чтобы меньше обращали внимания на их отношения, предпринял вместе с Полиной в 1863 году длительное заграничное путешествие. По признанию Достоевского, это была необыкновенная любовь!

Но влюблённый вдоволь натерпелся от своей любимой — эгоистичной и авантюрной особы. Полина Сулова — роза, источающая яд. Из-за событий, связанных с закрытием журнала «Время», Достоевский выехал к любимой Поленьке в Париж с опозданием.

По приезду в Париж его ждал пренеприятнейший сюрприз. Его «обожаемая Поленька», не дождавшись его, успела закрутить роман с испанцем Сальвадором. Полина увлеклась молодым студентом, отдалась ему физически. «Ты едешь немножко поздно, — пишет она Достоевскому в письме. — Ты как-то говорил, что я не скоро могу

отдать своё сердце. Я его отдала в неделю по первому призыву, без борьбы, без надежды, что меня любят... Прощай, милый».

Измена любимой стала сильным испытанием для Фёдора Михайловича. Обыкновенный человек мог бросить Полину или застрелить её и любовника. Но Достоевский не был обыкновенным человеком. В измене любимой он обвинил... себя. В том, что не достоин её любви, что приехал в Париж поздно, что не сразу оставил жену. Он страдал, но бичевал себя. Писатель воспринимал страдания как высшее чувство человеколюбия. И он простил Полину!

В Париже возник любовный треугольник: Достоевский–Полина–Сальвадор. Последний сам нередко не выдерживал темперамента и экзальтированности Аполлинару и начинал скрываться от «сумасшедшей русской».

Однажды Полина явилась к Фёдору Михайловичу в 7 часов утра, разбудила его и, вытащив нож, заявила, что её возлюбленный Сальвадор — подлец и она хочет вонзить ему этот нож в глотку. Но сначала она желает попроситься с Фёдором Михайловичем. Известно, поверил ли в эту комедию Достоевский. Он просто посоветовал Полине отправиться вместе с ним в Германию. Возможно, Суловой именно этого и хотелось.

Они вместе переезжают в Германию. Следуют ссоры, размолвки, новые признания в любви. Полина то живёт с Достоевским, то в поисках «настоящей любви» заводит новые романы.

В конце 1863 года Достоевский возвращается в Россию.

Отношения между Аполлинаруй Суловой и Фёдором Михайловичем — яркие, с предельным напряжением сил, непредсказуемыми поступками — сохранялись до 1865 года, когда между ними произошёл окончательный разрыв, после которого Фёдор Михайлович признавался: «Аполлинаруя — большая эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей всего, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважение других хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей людям».

В душе писателя после окончательного разрыва остался яркий образ необыкновенной, чудесной, восхитительной женщины-стервы. Черты Аполлинаруи он использовал в создании своих героинь — Полины, Настасьи Филипповны.

По моему мнению, в наибольшей степени кульминацию своих сложных, но ярких отношений с Полиной Фёдор Михайлович выразил в следующих строках романа «Игрок»: «Да, она была мне ненавистна. Бывали минуты, что я отдал бы полжизни, чтобы задушить её! Клянусь, если б возможно было медленно погрузить в её грудь острый нож, то я, мне кажется, схватился бы за него с наслаждением. А между тем, клянусь всем, что есть святого, если бы на Шпангенберге, на модном пуанте, она действительно сказала мне: “бросьтесь вниз”, то я бы тотчас же бросился, и даже с наслаждением».

Три главных женщины в судьбе Достоевского... Какие они все были разные! И если с первыми двумя счастье не пришло к Фёдору Михайловичу, то судьба сполна расплатилась с ним, когда он повстречал третью.

1864 год стал чёрным годом в жизни писателя. «Моя жизнь переломилась надвое», — писал он. В тот год он потерял сразу трёх

близких людей: от туберкулёза умерла его жена Мария Дмитриевна, скончались старший брат Михаил и близкий друг, известный критик Аполлон Григорьев. Помимо потери близких людей, утрату по которому он очень переживал, помимо налетевшего невыносимого чувства одиночества, перед Фёдором Михайловичем возникли неразрешимые, чудовишные финансовые проблемы.

Долги старшего брата Михаила (30 тысяч рублей), которые Фёдор по доброте своей взял на себя, тяжким бременем повисли на нём. Фёдор Михайлович не смог найти средств для дальнейшего издания журнала «Эпоха», который они издавали вместе с Михаилом. Ранее взятый Михаилом кредит не был выплачен, к нему прибавилась необходимость возвращения денег подписчикам журнала. Сердобольный Фёдор Михайлович, кроме того, взял на содержание вдову брата и своего взрослого пасынка, Павла, который не желал трудиться и честно зарабатывать деньги. Сейчас Достоевский был вынужден писать свои произведения в долг. Отныне издатели заключали с ним договор, выплачивали определённую сумму, а он к назначенному сроку обязывался написать новый роман для издания.

Осенью 1866 года писатель столкнулся, казалось, с неразрешимыми финансовыми и творческими проблемами. Виной тому был кабальный договор с издателем Стелловским на издание сочинений Ф. М. Достоевского в трёх томах. По договору, писатель был обязан за год написать новый роман; если же роман не будет написан, все права на издание ранее написанных произведений Достоевского переходят к издателю!

Сроки были упущены из-за работы Достоевского над романом «Преступление и наказание» и заграничной поездки. У него оставался месяц на то, чтобы написать совершенно новый роман. Это казалось невозможным. Невозможным для Стелловского, радостно потиравшего руки в предвкушении огромных доходов от издания всех произведений Достоевского. Невозможным для друзей и родственников Фёдора Михайловича. Невозможным для любого русского писателя того времени.

Но не для Ф. М. Достоевского! Фёдор Михайлович, обладавший феноменальным талантом сочинительства, чудесного перевоплощения, волшебного погружения в мир своих создаваемых героев произведений, способный, вследствие фантастической работоспособности и неиссякаемой энергии, работать день и ночь, без продыху, без длительных перерывов, вдруг ощутил в себе необыкновенную силу и понял, что он сможет, он выполнит поставленную задачу!

Ему приходит в голову идея, которая всем показалась авантюрной и заведомо невыполнимой — за месяц написать роман под условным названием «Игрок». Сюжет нового романа основан на его патологической страсти — игре в рулетку.

Друзья посоветовали Достоевскому пригласить стенографистку, которой можно будет диктовать сочиняемый роман.

Вот так 4 октября 1866 года сошлись земные пути величайшего писателя и мыслителя Фёдора Михайловича Достоевского и юной, скромной, чистой и прелестной душой девушки-стенографистки Анны.

Анна Григорьевна Сниткина (1846–1918) была лучшей ученицей классов Ольхина и очень способной стенографисткой. При первой

встрече с писателем Достоевским ей было всего лишь 20 лет, а Фёдор Михайлович — почти 45! Но любви «все возрасты покорны»!

Анна соглашается работать над романом за предложенную мизерную оплату. Их ждали месяц совместной ежедневной работы и долгие годы любви. Любви яркой, сильной, неповторимой и прекрасной!

Однако при первой встрече оба произвели друг на друга не самое лучшее впечатление. Честный и открытый Фёдор Михайлович напугал юную девушку предупреждением, что у него иногда бывают припадки эпилепсии. К тому же, он никак не мог запомнить её имя, что обижало Анну. Однако по мере работы над произведением лёд по обе стороны постепенно растаял.

Фёдору Михайловичу всегда нравились юные женщины и девушки. К тому же он быстро почувствовал, что Аня имеет доброе сердце и прекрасную душу. Эти человеческие качества ему, натерпевшемуся немало от своих первых возлюбленных Марии и Полины, пришлись по душе.

«Как она добра и прелестна!» — бывало думал он, диктуя юной скромной Анне строки своего произведения. Работа спорилась. Смотря на Аню, Фёдор Михайлович преображался, на него находило невиданное ранее вдохновение. Так довольно объёмный роман «Игрок» был написан за рекордный срок — 26 дней! Такого ещё не знала вся история литературы!

А в сердцах писателя и юной стенографистки вспыхнули искры, которые вскоре переросли во взаимное яркое пламя большой светлой любви, не оставлявшей их до самой смерти.

К концу работы над романом оба смотрели друг на друга влюблёнными глазами. Сразу после окончания работы Фёдор Михайлович сделал предложение своей очаровательной, чудесной, но скромной и застенчивой помощнице. 15 февраля 1867 года они обвенчались в Троицком Измайловском соборе.

«Стенографистка моя, Анна Григорьевна Сниткина, — писал Ф. М. Достоевский, — была молодая и довольно пригожая девушка, 20 лет, хорошего семейства, превосходно кончившая гимназический курс, с чрезвычайно добрым и ясным характером. Работа у нас пошла превосходно... При конце романа я заметил, что стенографистка моя меня искренне любит, хотя никогда не говорила мне об этом ни слова, а мне она всё больше и больше нравилась... Я и предложил ей за меня выйти. Она согласилась, и вот мы обвенчаны. Разница в летах ужасная (20 и 44), но я всё более и более убеждаюсь, что она будет счастлива. Сердце у неё есть, и любить она умеет...»

И как прав оказался Фёдор Михайлович! Этот брак стал для обоих счастливым.

* * *

...Однако вернёмся в квартиру на Кузнечном переулке, в комнату любимой жены писателя.

Комната Анны Григорьевны узкая и небольшая, подчёркивающая скромность жены Фёдора Михайловича. И обстановка этой комнаты свидетельствует не о праздности хозяйки, а о её деловитости и вечной занятости.

Центральное место занимает бюро, на котором стоит чернильный прибор и лежат автографы Анны Григорьевны, в частности, стенографическая запись 5-й главы романа «Братья Карамазовы» и её деловые

записи, из которых следует, что забота о материальном благополучии писателя и семьи, финансовые дела легли на её хрупкие плечи.

У окна, выходящего на тихий Кузнечный переулок, стоит стол, на котором разложены старинные счёты с костяшками. На самом видном и почётном месте стола — небольшой личный портрет Ф. М. Достоевского в позолоченной рамке.

В углу комнаты — этажерка с бумагами, на которой возвышается другой портрет Ф. М. Достоевского с надписью на нём, сделанной рукой писателя и мужа: «Моей любимой Анне».

Фёдор Михайлович и Анна Григорьевна были счастливы в браке, несмотря на 25-летнюю разницу в возрасте. В основе их семейного счастья лежит их взаимное чувство. Фёдор Михайлович страстно любил свою юную, божественную, милую Аню. Но и Анна любила его, не могла без него жить!

М. Н. Стоюнина вспоминала: «Она за ним как нянюшка, как самая заботливая мать ходила. Ну и правда, было у них взаимное обожание».

В начале супружеской жизни Фёдор Михайлович как-то сказал Анне Григорьевне: «Ты меня видишь обыкновенно, Аня, угрюмым, пасмурным и капризным: это только снаружи; таков я всегда был, надломленный и испорченный судьбой, внутри же другое».

И Анна Григорьевна поняла его. За внешней угрюмостью и «поломанностью» мужа она распознала и приняла его внутреннюю сущность — его живую светлую душу, измученную болью за страдания любого человека.

«Солнце моей жизни — Фёдор Михайлович Достоевский», — записала однажды А. Г. Достоевская.

Анна Григорьевна являлась незаменимым помощником Достоевского в литературной работе. Она была его секретарём, стенографом, организовывала книжную торговлю. Она взяла на себя все хозяйственные и финансовые заботы о доме и семье. Только благодаря энергии и распорядительности жены непрактичный Фёдор Михайлович сумел выплатить около 30 тысяч рублей долгов — своих и покойного брата Михаила.

А. П. Милюков писал: «Этот второй брак Достоевского был вполне счастлив, и он приобрёл в Анне Григорьевне и любящую жену, и практическую хозяйку дома, и умную ценительницу своего таланта».

«Русская женщина лучше всех», — записал однажды в тетрадь Фёдор Михайлович. Он имел в виду, конечно, прежде всего свою жену Анну Григорьевну.

* * *

...Из комнаты Анна Григорьевны через дверь я прохожу в столовую.

Обстановка столовой не роскошная, но достойная. Великий писатель в быту был намеренно скромен и чурался роскоши. В центре столовой стоит большой стол, накрытый белоснежной скатертью. На нём — посуда из старинного фарфора и приборы. По краям стола — венские стулья. Над столом — лампа с абажуром. У стен стоят два шкафа с посудой, на одной стене висят старинные часы, на противоположной — «Тайная вечеря», картина неизвестного

итальянского художника XVII века школы Бассано. Картина редкая и высокого художественного достоинства.

Окна столовой выходят на Кузнечный переулочек. У окна примостился столик, на котором лежит раскрытый альбом семейных фотографий.

Предметы, посуда и картина переданы музею Ф. М. Достоевского потомками писателя. Особое моё внимание привлекли два предмета, принадлежность которых лично Ф. М. Достоевскому несомненна. Это серебряная ложечка с монограммой «Ф. Д.» и серебряный колокольчик, изготовленный в форме гирьки массой 1 фунт.

За столом за обедом и ужином собиралась вся семья. Фёдор Михайлович очень дорожил этим семейным кругом общения. Велась неторопливая беседа между супругами, с детьми. Обсуждались семейные вопросы, литературные дела, события в столице и России. Фёдор Михайлович часто приносил к обеду или ужину деликатесы, лакомства, гостинцы. От гостинцев Люба и Федя были в восторге. В столовой в обеденное время также принимали родственников и близких знакомых Фёдора Михайловича, накрывая стол.

Моё внимание привлёк столик в углу столовой, у дальней стены. На нём примостился большой медный самовар и фарфоровые чайнички. У самовара «священнодействовал» писатель перед ночным напряжённым трудом.

Как известно, писатель работал над рукописями ночами. Для литературной работы ему нужна была полная тишина, которая наступала в ночные часы во всём большом доме и в тихом Кузнечном переулочке. Из переулочка одинокие прохожие могли увидеть два горящих окна на втором этаже дома. Целые ночи напролёт, без сна работал он в своём кабинете, глухо покашливая, рождая гениальные строчки произведений. Он творил очень быстро, с высокой работоспособностью.

Но для ночной работы нужно было сохранить бодрость, побороть сонливость. Фёдор Михайлович прибегал к испытанному средству, известному и мне. Он был заядлый чифирист, подкреплял себя ночью очень крепким чаем. В столовой для писателя всегда оставляли горячий самовар. Но для ночной работы чай он всегда заваривал сам. Вот как описывает это «священнодействие» Анна Григорьевна: «Заваривая чай, сначала споласкивал чайник горячею водой, клал 3 ложечки чаю (причём непременно требовал “свою” ложку. Она так и называлась “папиной ложечкой”), налил лишь треть чайника и закрывал салфеточкой, затем минуты через три дополнял чайник и тоже накрывал. И наливал чай лишь тогда, когда он настоится. Наливая себе чай, непременно смотрел на цвет чая; часто случалось, что унесёт стакан в свой кабинет и опять вернётся, чтоб долить».

Одним из выдающихся произведений Ф. М. Достоевского является роман «Идиот», который создавался им вдаль от Родины, в городах Швейцарии и Италии, в 1867–1869 годах.

...Вернёмся ко времени написания романа. Работа над ним складывалась мучительно. Это был сложный период жизни Фёдора Михайловича. В апреле 1867 года он отправился с женой Анной Григорьевной за границу. Они живут в Дрездене, Женеве, Веве, затем переезжают в Италию, где проживают сначала в Милане, затем —

во Флоренции. Безденежье, кошмарные проигрыши Достоевского в казино, его метания и поиски истины, рождение и затем неожиданная и страшная смерть первенца Сони — всё это осложняло жизнь четы Достоевских.

По дороге из России в Женеву Достоевские остановились в Базеле, где в художественном музее Фёдор Михайлович впервые увидел картину Ганса Гольбейна-младшего «Мёртвый Христос». Это полотно потрясло его. Как зачарованный, более часа он смотрел на картину.

Иисус Христос для Фёдора Михайловича с детских лет был примером, ярким положительным образом. В черновых тетрадях Достоевского есть план «написать книгу об Иисусе Христе». Картина «Мёртвый Христос» долго будоражила его мозг. Постепенно в нём укрепилась мысль написать роман о «современном» Иисусе Христе, создать образ положительного героя.

Несколько месяцев он обдумывал план сочинения. И только с 18 декабря 1867 года начал диктовать будущей жене (тогда еще просто его стенографистке) первую главу романа «Идиот». Начало произведения было завораживающим. Направленная в Россию первая часть с конца января 1868 года стала публиковаться в номерах журнала «Русский вестник» и вызвала сенсацию.

Друг Достоевского С. Д. Яновский в письме к нему в апреле 1868 года сообщает, как читают роман «Идиот» в России: «Масса вся, безусловно вся в восторге! В клубе, в маленьких салонах, в вагонах на железной дороге — везде и от всех только и удаётся слышать: читали ли вы последний роман Достоевского? Ведь это прелесть, просто не оторвёшься до последней страницы».

Достоевский так объяснял в письме своему другу В. Н. Майкову замысел романа: «Идея — изобразить вполне прекрасного человека. Труднее этого, по-моему, быть ничего не может, в наше время особенно».

В романе «Идиот» присутствие Христа ощущаешь постоянно. Оно растворено в личности главного героя, князя Мышкина, лишённого эгоизма, гордыни, который всех понимает, уважает и прощает, живёт по своим благородным законам, вне всякой социальной иерархии, возвышаясь над миром. Мышкин — воплощение самых лучших человеческих качеств.

Прекрасный человек — князь Мышкин — трагически сталкивается с серой и мрачной действительностью общества. Идеал — прекрасен, но действительность — гнусна и безобразна. Рушатся надежды Мышкина на личное счастье. Трагичен финал романа: Настасья Филипповна гибнет под ножом Рогожина. В финале кажется, что основная идея получила крах, Мышкин вроде бы ничего не достиг, никого не спас. Но в действительности князь Мышкин совершил подвиг: он своим обликом и трагической судьбой напомнил людям о возможности иной, справедливой и благородной жизни.

...Рассматривая обстановку столовой и личные вещи Ф. М. Достоевского, долго и светло размышляю. И меня вдруг осеняет мысль: роман «Идиот» очень актуален и для современного общества.

Кроткий, больной, ослабленный физически Мышкин несёт людям свет высшей истины, морали, красоты, без чего современный мир обречён на истребление и гибель.

* * *

Роман «Идиот» был написан вдали от Родины, во время длительного заграничного путешествия четы Достоевских.

Фёдор Михайлович часто бывал за границей, посетив многие города Европы, но отношения к «загранице» у него были сложными.

Он не преклонялся, как мы сегодня, всему западному, европейскому. Конечно, любовался шедеврами архитектуры, красивыми местами. Но в меру. И больше всего он любил Россию, русский народ, а самыми красивыми местами для него были русские пейзажи: леса, поля, реки, необъятные просторы России.

Я бывал в 2008–2018 годах в Париже, Дрездене, Женеве, Веве, Милане, Праге, Лондоне и Копенгагене. В каждом из этих городов стремился посетить те места, где жил и любил останавливаться Ф. М. Достоевский.

Достоевский впервые выехал в заграничную поездку летом 1862 года. Он очень мечтал побывать в европейских, «цивилизованных» странах. Выехал он в розовых очках, в мечтаниях увидеть нечто необычное, грандиозное. Однако заграница чудесного впечатления не вызвала. Берлин он назвал «кислым», Кёльнский собор — «галантерейным», Женеву — «мрачной и скучной», Дрезден — городом с «противными лицами», Париж — «прескучнейшим». Французов он назвал «народом, от которого тошнит». Достоевский писал Н. Н. Страхову, что в Париже его охватывает одиночество и тоска по России.

Приехав в Лондон, Ф. М. Достоевский вёл себя «как-то неприлично для путешественника», не посещал, как все иностранцы, красивые и зрелищные места, а спешил в королевскую тюрьму Пентонвиль. После встречи с Достоевским, Герцен записал: «Он наивный... человек. Верит с энтузиазмом в русский народ».

Но Достоевский не был наивен, он понял, что Герцен как раз и не верит до конца в русский народ.

Европейцев Достоевский поминутно бранил за их «скучные» порядки. Особенно ему не нравилось в Германии, где он потешался над надписями типа «Остерегайтесь воров». Шпрее он назвал «гаденькой речонкой», которая не может сравниться с Волгой, Камой и другими великими русскими реками.

Женева — город, тесно связанный с жизнью Ф. М. Достоевского. Этот город принёс ему сначала большое счастье — на 47-м году жизни Фёдор Михайлович впервые познал радость отцовства. Дочь назвали Соней. Достоевские жили в старом районе Женевы, вблизи Женевского озера. Но через три месяца девочка заболела воспалением лёгких и умерла. «Отчаяние мужа было бурное, — вспоминала Анна Григорьевна. — Он рыдал и плакал, стоя перед остывшим телом своей любимицы». Дочь Достоевских Соня похоронена на кладбище в Женеве.

Веве оставил у Достоевского двоякое чувство. С одной стороны, удивительная панорама Женевского озера с Альпами вдали, на противоположном берегу. «В самом роскошном балете такой декорации нету, как этот берег Женевского озера», — говорил Фёдор Михайлович. С другой стороны, в Веве не было русских газет, всё было однообразно и скучно. Тоска по Родине, очевидно, мучила писателя. Нелюбовь к европейцам у Достоевского крепла день ото

дня. «На иностранца смотрят здесь как на доходную статью; все их помышления о том, как бы обмануть и ограбить», — негодовал писатель.

По горной дороге через Альпы супруги Достоевские переехали из Веве в Милан.

В 2013 году мне довелось проехать по этой альпийской дороге, повторить путь четы Достоевских. Красота неопишуемая! Но сейчас много тоннелей, в отличие от времён Достоевского. Здесь же, рядом, через Альпы, непосредственно по горам пролегал путь русской армии под командованием Александра Суворова.

О Милане у Достоевского остались хорошие воспоминания. Ему очень понравился Дуомо — собор в Милане. «Знаменитый Миланский собор, громадный, мраморный, готический, весь вырезан ажуур и фантастичен, как сон». В Милане было много музеев, пинакотека Брера, театр Ла Скала, который располагался на площади Делла Скала, где Достоевский любил посидеть на скамеечке возле памятника Леонардо да Винчи. Любуясь красотами европейских стран и городов, удивляясь и не принимая обычаев, образа жизни и привычек европейцев, тосковал в душе Достоевский о России. В любой стране его всегда волновало в первую очередь то, что сейчас делается в его родной стране, как там живут люди.

«Нет ничего на свете лучше России!» — думал Ф. М. Достоевский каждый раз, возвращаясь из очередного заграничного путешествия.

* * *

...Из столовой наш путь лежит в гостиную.

Это большая комната, окнами выходящая на Кузнечный переулок. На потолке её — красивая люстра, на стене — «Моление о чаше», другая картина неизвестного итальянского художника XVII века также школы Бассано. Эта картина, как и «Тайная вечеря», висящая в столовой, передана Литературно-мемориальному музею внучатой племянницей писателя М. В. Савостьяновой. А вот настенные большие часы, размещённые на стене справа от входа из прихожей в гостиную, принадлежали лично Ф. М. Достоевскому. Такое ощущение, что подойдёт сейчас Фёдор Михайлович и заведёт эти красивые массивные старинные часы.

Центральное место в гостиной занимает овальный журнальный столик, воссозданный по воспоминаниям потомков Достоевского. Вокруг него размещены 4 изящных кресла и диван, обитый красной материей. Столик освещает лампа с абажуром. Место это очень уютное. Так и кажется, что сейчас сюда войдут друзья и приятели Достоевского, усядутся за столик, завяжется и потечёт неторопливая беседа их с писателем.

Впрочем, Фёдор Михайлович, в силу его болезни, сложного характера и принципиальности, не имел большого числа друзей. К концу жизни он даже рассорился с большинством знаменитых писателей, с которыми поддерживал дружеские отношения в молодости: И. С. Тургеневым, Н. А. Некрасовым и другими. Помимо своей неуживчивости эпилептоидного характера, он конфликтовал с людьми из-за появившихся идейных разногласий. Достоевский считал Тургенева и Некрасова «дворянскими», не народными писателями. С жаром утверждал, что они не знают душу и чаяния простого народа, униженных и оскорблённых и вешают с высоты своего

дворянского, барского положения. Имея в виду Льва Толстого, Тургенева, Гончарова и Некрасова, Достоевский утверждал: «Ведь это всё помещичья литература. Огромная часть русского строя жизни осталась вовсе без наблюдения... Жизнь нашего дворянского круга, описанная нашими беллетристами, есть лишь слишком ничтожный и обособленный уголок русской жизни».

Друзьями и хорошими приятелями, которые навещали Достоевского на квартире, оставались поэт Апполон Майков, философ Владимир Соловьёв и его брат Всеволод Соловьёв, вдова поэта Алексея Толстого Софья Толстая, известная деятельница женского движения Елена Штакеншнейдер.

На овальном столике лежит принадлежавшая лично Ф. М. Достоевскому коробка из-под табака с папиросными гильзами. С ранней молодости Фёдор Михайлович много курил. Проживая здесь, на своей последней квартире, он за одну ночь выкуривал около 30 папирос. Вечером, накануне ночного бдения за литературными сочинениями, он удобно усаживался за этот овальный столик и сам, не доверяя никому, набивал папиросные гильзы табаком. Постоянно кашляя, страдая уже одышкой, никак не мог он освободиться от дурной привычки.

Писательница Варвара Васильевна Тимофеева вспоминала о совместной работе с Достоевским в редакции журнала «Гражданин»:

«Он курил, — он всегда очень много курил, — и мне видится до сих пор его бледная и худая рука, с узловатыми пальцами, с вдавленной чертой вокруг кисти — следами каторжных кандалов, видится, как рука эта тушит докуренную толстую папиросу... Фёдор Михайлович пылливо глядит мне прямо в лицо и говорит своим напряжённо-глухим грудным голосом:

— Вот мы с Вами сидим тут, работаем, а сколько людей теперь веселятся, беспечно жуируют вокруг нас! И в голову им даже никогда не придёт, что вот Вы — молодая, а не променяете Вашей жизни на их... лёгкую и весёлую...

— Не променяю!

— Ну, вот видите! Значит, есть нечто высокое, благородное и святое в этой жизни труда? — говорил он, точно доказывая кому-то истину своих мыслей.

— Есть! — откликнулась я с волнением... Я думала не о себе, а о нём — о душевной красоте этого человека...

Он был жизнью для тех, кто имел счастье прикоснуться хоть на миг к его удивительной душе. Жизнь била его жестоко, близкие люди терзали и без того измученное сердце... Ничто не смогло озлобить его сердце, и каждый раз, встречаясь с людской неблагодарностью или даже откровенной подлостью, он страдал, удивлялся, пытался понять... Он «слишком верил в людскую честность», — скажет в своих воспоминаниях Анна Григорьевна».

То, что русская литература началась с А. С. Пушкина, и то, что А. С. Пушкин — отец русской национальной литературы, — это аксиома для любого современного школьника. Но были ли так единокорными во мнении просвещённые русские люди в начале и середине XIX века? Отнюдь нет!

Мало кто знает, но ведь даже В. Г. Белинский — автор блистательных статей о Пушкине — ещё при жизни последнего, в 1835 году,

провозгласил Н. В. Гоголя главой русской литературы, занявшей «место, оставленное Пушкиным». Белинский позже писал: «Мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине».

Ф. М. Достоевский был первым, кто высоко поднял знамя Пушкина, громко провозгласив его значение для всей русской литературы.

С раннего детства А. С. Пушкин был любимым поэтом Фёдора Достоевского, восторгавшегося стихами и поэмами этого человека, которого считал литературным гением.

Находясь в гостинной последней квартиры Достоевского, молча размышляя о последних годах его суровой и нелёгкой жизни, я вдруг вспомнил его Пушкинскую речь, произнесённую в Москве на торжествах, прошедших в июне 1880 года по случаю открытия памятника А. С. Пушкину на Страстной (ныне — Пушкинской) площади.

В этой знаменитой речи Достоевский утверждал о всемирном значении Пушкина.

Эмоциональная речь Достоевского несла такую правду, была настолько проникновенна и исповедальна, что вызвала бурю восторга в зале. После этой проникновенной речи люди кричали, указывая на Достоевского: «Ты наш пророк!»

Вот как описывает свою Пушкинскую речь сам Фёдор Михайлович в письме ожидавшей его дома Анне Григорьевне: «Утром сегодня было чтение моей речи. Зала была набита битком. Нет, Аня, нет, никогда ты не можешь представить себе и вообразить того эффекта, какой произвела она! Когда я вышел, зала загремела рукоплесканиями и мне долго, очень долго не давали читать... Наконец, я начал читать: прерывали решительно на каждой странице, а иногда и на каждой фразе громом рукоплесканий. Когда же я провозгласил в конце о всемирном единении людей, то зала была как в истерике, когда я закончил — я не скажу тебе про рёв, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть впредь друг друга, а любить. Порядок заседания нарушился: всё ринулось ко мне на эстраду. “Пророк, пророк!” — кричали в толпе».

Пушкинская речь прозвучала как духовное завешание Фёдора Михайловича Достоевского.

К концу жизни писателя-пророка значение его произведений стало огромным. О Достоевском узнал весь мир. Им зачитывались. Восхищались. После романов Ф. М. Достоевского в мире впервые стали говорить о том, что русская литература — это нечто большее, чем литература.

С. Цвейг писал: «Не будем называть их романами... они давно уже не литература, а какие-то тайные знаки, пророческие звуки... Достоевский — больше, чем поэт, это духовное понятие, которое вновь и вновь будет подвергаться истолкованию и осмыслению».

Немецкий писатель Герман Гессе утверждал, что Достоевский — не только великий художник, он прежде всего — пророк, угадавший исторические судьбы человечества.

Иностранцы и сейчас, в начале XXI века, довольно активно посещают мемориальную квартиру Ф. М. Достоевского. Ежедневно слышу их иноземную речь — немецкую, английскую, французскую. Тихо, вполголоса переговариваются они друг с другом, внимательно рассматривая экспонаты. Приходят в музей по 2–3 человека, реже — по-

одиночке. Люди с виду интеллигентные, вежливые, лица — серьёзные, глаза — осмысленные. Одеты гости по-разному. Есть дамы и господа в шикарных модных платьях и дорогих костюмах, но большинство — в обычной повседневной одежде европейского туриста, которому волею судьбы и желаний удалось попасть в экзотическую русскую Венецию, в Северную столицу великой восточной страны. Многие из иностранцев говорят о Достоевском и обстановке его квартиры с благоговением и уважением. Ведь ныне Ф. М. Достоевский — один из самых знаменитых и почитаемых писателей западного мира.

Иногда бывают экскурсии. Я про себя называю экскурсантов «налётчиками». Прибегут шумною, бестолковою и суетливою толпою, гид покричит-покричит в залах, и, смотришь, обгоняя друг друга, спешат все к выходу. Их путь лежит дальше — в Петергоф, Царское Село, Эрмитаж. Им, суетящимся, многое надо успеть и некогда подумать, окунуться в магнетический глубокий философский мир Достоевского.

Много и русских посещает музей писателя. Радует, что, кроме людей старшего поколения, немало бывает здесь студентов и школьников.

Вот уже неделя, как я каждый день прихожу в мемориальную квартиру Достоевского. Внимательно рассматриваю вещи, связанные с жизнью писателя, его автографы, осмысливаю увиденное и сопоставляю с прочитанным и уже известным мне. И каждый день узнаю что-то новое. Сотрудники музея привыкли ко мне, уже давно поняли, что Ф. М. Достоевский дорог мне так же, как и им. Каждый день, видя во мне единомышленника и единовеца, интересного собеседника, они изливают мне свою душу. Вспоминают что-то из жизни Достоевского, рассказывают о потомках писателя, о деятельности и истории их музея, делятся сокровенным. Показали несколько важных документов из архива, подарили две очень редкие и ценные книги о писателе, достать которые в наше время невозможно, ибо книжные магазины завалены тоннами детективной мукулатуры, которую русский человек в 1990-х годах читал запоем. Но сейчас он поостыл, отупел от её однообразия и читать почти перестал.

Наступил вечер. Луч солнца из Кузнечного переулка в последний раз скользнул по гостиной квартиры и пропал, уступив место мрачному полусумраку. Из гостиной двери ведут через прихожую на выход. Удалились в суетливый земной мир последние посетители. В гостиной стоит сумеречная тишина, в воздухе плывут умиротворение и покой, да витает дух Достоевского. Слышен шёпот сотрудников. Кажется, что они боятся громким голосом разбудить Достоевского, словно бы притихшего и незримо присутствующего в самой почитаемой и таинственной комнате музея — кабинете писателя, где в 1881 году перестало биться его сердце.

— Вы книгу о Достоевском кропаете? Вижу, что каждый день приходите, — допытывалась меня новая сотрудница, сверля изумрудно-зелёными глазами.

Я действительно пишу книгу о Фёдоре Михайловиче Достоевском. Но это не вся правда. Я прихожу в этот священный для каждого русского человека дом в тихом Кузнечном переулке не только ради своей будущей книги. И я говорю малопонятно, сложно, но абсолютно честно:

— Я здесь дышу! Дышу Достоевским!

* * *

На следующий день я вновь прихожу к моему Достоевскому.

Стоя в центре гостиной мемориальной квартиры Ф. М. Достоевского и снова вспоминая и его знаменитую Пушкинскую речь, и его гениальные произведения, я ни на минуту не упускаю из виду, что жизнь этого замечательного человека и мыслителя была омрачена жесточайшим недугом — он страдал эпилепсией.

По поводу его «стыдной» болезни и её влияния на его характер и творчество до сего дня ломают копья многие авторы, вступая друг с другом в ожесточённую полемику.

И я начинаю рассуждать о творчестве и личности Достоевского в свете его болезни.

Фёдор Михайлович Достоевский — величайший писатель, умевший словом передать душевное состояние человека. Он раскрыл в своих произведениях целый мир душевной скорби и страданий. Выдающийся психиатр В.М. Бехтерев говорил, что Достоевский «впервые проник настоящим образом в больную душу человеческой личности и вскрыл её своим изумительным, чисто гениальным анализом».

Ф. М. Достоевский до сих пор остаётся одним из самых популярных писателей. Его произведения огромными тиражами издаются во всех странах мира. Влияние его на современный мир огромно. Помимо вскрытия язв общества, рождающего униженных и оскорблённых, Достоевский обладал даром пророчества. Он стал пророком трагических событий XX и начала XXI века. Гениальный ум Достоевского был способен угадывать и понимать бессознательное.

Раскрытие природы бессознательного и сделало Фёдора Михайловича пророком событий, когда первичные импульсы (в норме погашаемые корой головного мозга) жестокости, господства, подавления, власти, стяжательства вышли из-под власти разума и в мире начали командовать подонки типа Гитлера, Муссолини, Пиночета, Пол Пота с их бесчисленными «шестёрками», помощниками более низкого ранга. В своих «Бесах» Ф. М. Достоевский оказался гениальным провидцем кровавого террора, революций, гражданских войн, когда кровь людская лилась и продолжает литься целыми реками.

Многие персонажи узнают в героях Достоевского самих себя. Для них писатель превратился в кривое зеркало.

Чего стоит одно лишь высказывание небезызвестного «отца прихватизации» Анатолия Чубайса, сделанное им в 2004 году на страницах «Российской газеты»: «Вот знаете, я перечитывал Достоевского в последние три месяца. И я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских, как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывает у меня желание разорвать его на куски».

Влияние Ф. М. Достоевского на современное общество столь огромно и так невыгодно властителям мира, что целая армия его хулителей, словно бешеные псы, не умолкая, лают на него из своих конур и подворотен.

Один из них, И. Кипервас¹, подвергает всё творчество Ф. М. До-

¹ Кипервас И. Правда и мифы о болезни Ф. М. Достоевского. Русская Америка. 2015, N 398.

стоевского беспощадной критике, утверждая, что на всех произведениях писателя лежит печать «эпилептоидной личности»: вязкость, излишняя детализация, слашавость в соединении с жестокостью, фанатичная религиозность.

Беспощадно бичует творчество Ф. М. Достоевского профессор В. П. Эфроимсон², обвиняя «порочную генетику» Достоевского и его болезнь — эпилепсию. В своих опусах он выводит даже подзаголовок: «Патологическая специфика творчества Ф. М. Достоевского».

Камня на камне он не оставляет от литературных способностей писателя, его художественного мастерства. «Бросается в глаза проецирование почти на всех персонажей необычайной вязкости и конкретности мышления, многослойной обстоятельности, мелочности с постоянной утратой главного, — глубокомысленно вешает автор, не имеющий никакого литературного образования. — Вторая особенность — это совершенная алогичность, обнажённая импульсивность, патологичность поведения. Третья особенность творчества Достоевского — систематическое, садистское проведение персонажей через все круги Дантова ада унижений». От В. П. Эфроимсона достаётся «на орехи» всем героям произведений писателя. «Кунсткамера дураков и ничтожеств [в произведениях Достоевского] бесконечна», — заключает автор.

Однако В. П. Эфроимсон забывает, что героев своих произведений писатель всегда находил в реальной жизни. Это не вымышленные персонажи, они взяты из действительности России, где были (и существуют сейчас) миллионы таких униженных и оскорблённых, миллионы простых людей, которых Эфроимсон именуется «ничтожествами».

Современные критики Достоевского утверждают, что он в своих произведениях проявляет по отношению к своим героям «жестокость и садизм». Это ошибочное мнение не ново.

Ещё в 1882 году критик Н. К. Михайловский написал статью о литературном творчестве Достоевского с оскорбительным заголовком: «Жестокий талант». Обвиняя Достоевского в «жестокости и садизме», Н. К. Михайловский пишет: «Мы не только не видим в нём боли за оскорблённых и униженных, а напротив видим какое-то инстинктивное стремление причинить боль этому униженному и оскорблённому». Мол, Достоевский-де сознательно унижает своих героев, и в этом чувствуется его извращённость и патология, обусловленная болезнью.

Всё ясно. И критики прошлого, и современные продолжатели их чёрного дела пытаются всё свалить на болезнь писателя. Объявить его сумасшедшим, а его произведения — «бредом психически ненормального человека». Поэтому я вынужден начать разговор о болезни гениального писателя и мыслителя — его эпилепсии.

Эпилепсия («падающая болезнь») — тяжёлое нервно-психическое заболевание, которое протекает в виде судорожных припадков с потерей сознания и (иногда) с изменениями личности.

Первый приступ эпилепсии случился у Фёдора Достоевского в Петербурге, когда он был курсантом военно-инженерного училища,

² Эфроимсон В. П. Генетика Достоевского и его творчество //Химия и жизнь.1992. N 7. С. 16.

после получения известия об убийстве отца крепостными крестьянами в 1839 году.

Врач С. Д. Яновский был свидетелем припадков «падучей» у Достоевского в 1840-х годах, а писатель Д. В. Григорович лично наблюдал у писателя «припадок настолько сильный, что с помощью прохожих был вынужден перенести Достоевского в ближайшую лавку и насилу привести его в чувство».

Ф. М. Достоевский свою болезнь называл «кондрашка с ветерком», по причине ауры (предвестников). Н. Н. Страхов записал слова Достоевского об ауре: «Перед началом припадка на несколько мгновений я испытываю такое счастье, которое невозможно в обыкновенном состоянии и о котором не имеют понятия другие люди. Я чувствую полную гармонию в себе и во всём мире, и это чувство так сильно и сладко, что за несколько секунд такого блаженства можно отдать 10 лет жизни».

Однако вслед за аурой следовал и сам припадок с потерей сознания, падением, судорогами. Вторая жена писателя, А. Г. Достоевская-Сниткина, писала, как её поразили первый увиденный припадок эпилепсии у мужа, свидетелем которого она была, поразили нечеловеческий крик, вопль, который всегда в будущем «потрясал и пугал» её.

Припадки эпилепсии у Достоевского бывали в среднем 1 раз в 3 недели, но иногда чаще, и днём, и ночью. Временами он предчувствовал приближение припадков и принимал меры против падения и ушибов. Но иногда припадок «падучей» возникал так внезапно, что он падал, получая ушибы головы и даже ранения. В 1866-м он получил ранение правого глаза, но зрение удалось сохранить. Ранения лба, волосистой части головы, тела он получал при падениях во время припадков в 1850, 1870, 1874, 1876 и 1880 годах.

После припадков всегда сильно болела голова, нарушалось душевное равновесие. После судорожного приступа «дурное расположение духа продолжалось несколько дней — до недели и больше... ипохондрия, угрызение совести, чувство виновности и всегда страх смерти», — писал Достоевский. Страх смерти во многом был связан с возможностью асфиксии (удушения) во время припадков.

В дневниках и письмах Ф. М. Достоевского и воспоминаниях современников я нашёл описание 388 больших (полных) припадков эпилепсии Достоевского, когда он терял сознание.

По отзыву друга семьи, Н. Н. Страхова, припадки подвергали жестоким испытаниям мозг, душу и физическое здоровье Достоевского, выводили его из строя, литературной писательской колеи в среднем на трое суток (иногда дольше). По подсчётам некоторых историков литературы, получается, что более 1000 дней, т. е. около 3 лет душа и мозг Достоевского провели во тьме и во сне, наполненном галлюцинациями и мучительными кошмарами.

Сами припадки эпилепсии, не ослабляя в целом творческие способности писателя, значительно задерживали процесс написания литературных произведений. После припадков в течение от 3 до 7 дней голова у писателя была, как он выражался, «не свежей», сочинять было трудно, работа над очередным романом останавливалась. В последние годы жизни вследствие эпилепсии в течение нескольких дней после припадков ослаблялась память, особенно на лица, фамилии, имена. Иногда до такой степени, что он какое-то

время не узнавал людей, не помнил самых простых вещей и надеялся только на записную книжку. Сам Фёдор Михайлович жаловался писателю А. М. Славичкому: «Я забываю после припадка, что уже написано на листах, отосланных в редакцию. Надо продолжать, а я не помню».

Но важно понимать следующее: по прошествии нескольких дней память полностью возвращалась к писателю, мозговая деятельность не только восстанавливалась, но и значительно усиливалась. В мозгу писателя с колоссальной быстротой и силой создавались образы, диалоги, события, что помогало ему в написании романов. Работоспособность его была потрясающей. Как я уже говорил ранее, объёмный роман «Игрок» был написан всего за 26 (!) дней. Достоевский до последних дней жизни сохранил острый ум и интеллект!

Современные хулители Достоевского, опираясь на научно-медицинские руководства, где описаны отдельные случаи деградации личности и осложнения мозговой деятельности у некоторых больных эпилепсией, автоматически переносят эти данные на писателя. Мол, у него мозг деградировал, и он сочинял-де откровенно плохо.

При этом критики Достоевского никак не могут объяснить, почему современные читатели так зачитываются произведениями писателя, так любят их, почему так огромны тиражи его романов?

Они забывают, что в медицине нельзя всех больных грести под одну гребёнку. Известно большое количество людей, десятилетиями страдавших эпилепсией, которые были и оставались гениальными по своей мозговой деятельности. Эпилепсией страдали Александр Македонский, Гай Юлий Цезарь, Пётр I, Наполеон, Флобер и многие другие великие люди, которых принято называть гениями.

При эпилепсии в головном мозге создаются такие изменения, которые не только не приводят к деградации личности и интеллекта, а наоборот, значительно повышают творческие способности, позволяют делать открытия, создавать музыкальные и литературные шедевры.

Именно таким гением являлся величайший писатель Фёдор Михайлович Достоевский.

Вернёмся к утверждению о «жестокости и садизме» Ф. М. Достоевского по отношению к героям своих произведений.

Эти обвинения абсурдны и голословны.

Гениальный писатель, погружённый в жестокую действительность жизни, с позиции реализма отображает этот мир. Писатель не лакирует действительность, не закрывает глаза на жестокости мира, а обнажает их. Ф. М. Достоевский не виноват в том, что мир так жесток, что в нём есть униженные и оскорблённые, что их так много.

Да, этот талантливый писатель иногда применяет литературный приём гипертрофирования, усиливая эффект на читателя.

Но если внимательно вчитываться в произведения Ф. М. Достоевского, глубоко анализировать их, то вы, дорогие читатели, почувствуете глубочайшее сострадание и сочувствие к жертвам социального унижения, к униженными и оскорблённым, со стороны автора.

Здесь в очень малой степени виновна его болезнь — эпилепсия. Основное значение сыграли жизненный путь Достоевского, его наблюдательность и художественное мастерство, позволившее воплотить увиденное в реальной жизни в характеры, образы и судьбы героев.

Бедный дворянин Ф. М. Достоевский, приехав в Санкт-Петербург, рано прославился как писатель и был неожиданно вознесён на небывалую для себя высоту. Но затем он примкнул к петрашевцам, и наступила чёрная полоса его жизни. Он испытал оскорбления судебного дела, следствия и допросов, ужасы ожидания смертной казни, каторги. Он не созерцательно, как многие «дворянские» писатели (Тургенев, Некрасов, Лев Толстой) наблюдал все ужасы и несправедливости жизни, а сам был в пекле унижений и оскорблений вместе с другими людьми, образы которых затем так мастерски вывел в своих произведениях. Персонажи Достоевского взяты из реальной жизни, а не высосаны из пальца. Болезнь имеет весьма малое значение в направлении творчества Достоевского. Главное значение имеет его жизненный путь, познание тяжести окружающей жизни и гениальное литературное отображение этой реальной жизни обездоленных и униженных.

Именно своим состраданием к униженным и оскорблённым дорог нам Ф. М. Достоевский. Произведения этого русского гения — ярчайший гимн доброте и милосердию!

* * *

Критики Ф. М. Достоевского всех мастей не перестают упрекают писателя за плохие черты характера.

Анализируя эти упреки, можно выделить 2 основные группы обвинителей.

Первые закрывают глаза на его болезнь и те симптомы эпилепсии, которые у Достоевского были, выдают за черты характера.

Вторые видят в Ф. М. Достоевском не гениального писателя, а всего лишь слабого, больного человека, смакуют его болезнь, описывают типичные в медицинской практике симптомы тяжелейших форм эпилепсии с нарушением интеллекта и всё это автоматически переносят на писателя, несмотря на то, что этих крайних проявлений болезни у него не было!

Да, эпилепсия в некоторой степени отложила на характер Достоевского определённый отпечаток. Почти все мемуаристы отмечают, что в 40–50 лет писатель внешне выглядел стариком. В юности он был нелюдим, трудно сходил с людьми, искал уединения. Истинных друзей у него было немного. Однако чужое горе Достоевский всегда принимал близко к сердцу, к униженным и оскорблённым, слабым и беззащитным, больным и бедным питал глубочайшее чувство сострадания. Душа у него была чистая, а сердце доброе.

Да, характер вследствие болезни был сложным. У Достоевского отмечены такие черты, как нервность, чрезвычайная впечатлительность, мнительность, исключительная добросовестность в делах, педантизм, шепетильная аккуратность. Например, назначая время деловой встречи, он всегда подчёркивал: ни раньше, ни позже.

Очень болезненно относился к критике и в свой адрес, и в адрес своих произведений, в том числе со стороны И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина и некоторых других писателей, большая часть которых просто завидовала славе Ф. М. Достоевского.

Но, скажите, как нормальный человек мог относиться к такой необъективной критике, которой подвергали его некоторые известные писатели того времени?

Например, в 1875 году М. Е. Салтыков-Щедрин так отозвался о только что вышедшем романе «Подросток»: «Роман Достоевского просто сумасшедший». И. С. Тургенев так писал об этом же романе: «Это хаос: Боже, что за кислятина, и больничная вонь, и никому не нужное бормотание».

Между тем, и роман «Подросток», и другие романы Ф. М. Достоевского вызвали огромный интерес у всех читателей России, их читали буквально запоем и относили к литературным шедеврам!

«Тургенев всю мою жизнь дарил меня своей презрительной снисходительностью, а за спиной сплетничал, злословил и клеветал», — однажды горько высказался Ф. М. Достоевский.

После припадка эпилепсии Достоевский в течение нескольких часов или дней мог быть капризным и сказать резкое слово. Но в этом повинна его болезнь! В доказательство приводим рассказ приятеля писателя, А. Милюкова: «В последние годы мне случалось слушать, что Достоевского обвиняли в гордости и пренебрежительном обращении с людьми... Говорили, будто проходя по улице, он умышленно не узнавал знакомых, не отвечал на их поклоны и иногда про человека, ему известного, спрашивал: кто это такой?.. Но это происходило не от надменности или самомнения, а только вследствие несчастной болезни и большею частью вскоре после припадков». И Милюков привёл случай припадка Достоевского, свидетелем которого стал, и поведал о последовавшей вслед за припадком кратковременной потере памяти, когда писатель не узнал самого Милюкова.

Недоброжелатели Ф. М. Достоевского беспардонно лгут на него, используя следующий приём. Они толкуют людям, не знающим медицины и фактов биографии писателя, что при тяжёлых формах эпилепсии обязательно-де происходят изменения личности и интеллекта. А раз Достоевский имел эпилепсию, то и у него обязательно должны были быть эти нарушения психики и интеллекта.

И начинают выискивать в биографии писателя, в его длительной и невероятно тяжёлой и суровой жизни какие-то фактики, раздувая их до проступков и преступлений чудовищных размеров!

Так, некто Лео Яковлев в Харькове выпустил гадкую книжонку под таким интересным названием «Достоевский: призраки, фобии, химеры»³. Из самого названия «произведения» ясно вытекает цель автора — очернить великого писателя. Под этим углом очернительства Л. Яковлев описывает всю сложную жизнь Достоевского.

Ведь нет абсолютно идеальных людей! У каждого человека бывают в жизни какие-то негативные поступки, возможно, встречались они и у Достоевского. Но зачем рассматривать их под увеличительным стеклом и искусственно превращать их в «преступления» чудовищных размеров?

Проштудировав, словно зубрила-студент, медицинские учебники, старательно переписав из них некоторые симптомы эпилепсии (большинства из которых не было вообще у Достоевского!) Лео Яковлев поучающе вешает всему литературному миру: «Из медицинской практики известно, что последствиями падучей болезни являются развивающиеся необратимые изменения личности, образующие

³ Яковлев Л. Достоевский: призраки, фобии, химеры. Харьков: Каравелла, 2006. 244 с.

эпилептоидный тип патологии характера. Этому типу присущи крайняя раздражительность с приступами тоски, гнева и страха, нетерпеливость и упрямство, обидчивость и склонность к скандалам». Все эти признаки, по предвзятому мнению автора, «явственно проступают у Достоевского».

Однако ни Лео Яковлев, ни следующий «знаток» биографии Достоевского — профессор генетики В. П. Эфроимсон, не утруждают себя доказательствами.

Последний даёт такую бездоказательную, уничижительную характеристику Ф. М. Достоевскому: «Это был деспот, взрывчатый, неудержимый в своих страстях (картёжных и аномально-сексуальных), беспредельно тщеславный, со стремлением к унижению окружающих и эксгибиционизмом, сочетавший всё это со слезливой сентиментальностью и необычайной обидчивостью».

Тщательно изучив всю мемуарную литературу по Ф. М. Достоевскому, все воспоминания современников о нём, я не нашёл ни малейшего подтверждения этой лживой «характеристики».

А вот как описывает и унижает Достоевского в журнале «Русская Америка» И. Кипервас: «Основной особенностью нервной системы эпилептиков является постепенная деградация личности. В характере появляются ханжество, злобность, эгоцентризм. Эпилептик — это человек с крестом на груди, с улыбкой на устах и камнем за пазухой. Он может слашаво улыбаться и через минуту запустить в вас камнем».

Комментарии к такой бесчеловечной характеристике всех эпилептиков, подразумевая в первую очередь Ф. М. Достоевского, излишни.

То, что эти черты характера встречаются далеко не у всех больных эпилепсией, то, что эти черты, как и снижение интеллекта, напрочь отсутствовали у Ф. М. Достоевского, — нисколько не смущает И. Киперваса. Он не ставит задачу найти факты в биографии Достоевского, подтверждающую его точку зрения.

Итак, многие современные авторы откровенно и беспардонно лгут на Ф. М. Достоевского, приписывая ему негативные (и не существующие) черты характера и снижение интеллекта (чего в действительности не было).

Зачем им это нужно?

Этим беспардонным лгунам очень хочется доказать, что Достоевский был психически больным человеком. «Это же сумасшедший! — всем своим гадким нутром вопят они. — И совесть его была большая!»

Критикам Достоевского и той немногочисленной части мирового сообщества, которая желает властвовать и подавлять своей волей весь остальной мир, попирает законы совести и справедливости, продолжать топтать бедных и обездоленных, рождать вновь и вновь униженных и оскорблённых, не нравятся основные идеи Ф. М. Достоевского.

Им не нравятся его религиозность и православие, антитеррористические взгляды.

Ведь терроризм, смена правительств, гражданские войны — рождают нестабильность в мире, и в этих условиях сильные государства, такие, как США, подчиняют себе остальной мир.

Этим критикам противно всё русское, всё православное.

Вот почему им так ненавистен писатель, пророк и мыслитель

Ф. М. Достоевский, утверждавший в романе «Бесы», что «атеист не может быть русским».

Господа критики! Вы объявляете совесть нашу, Фёдора Михайловича Достоевского, большим, сумасшедшим. Вы боитесь той правды, которую он раскрыл в своих произведениях! Вы боитесь его идей, которые актуальны и привлекательны в мире и приведут человечество к более счастливой жизни. И потому вам легче всего объявить его сумасшедшим; его совесть назвать «больной совестью», а его проповеди и идеи объявить «бредом больного человека».

Не выйдет, господа! Мы не дадим вам очернить нашу русскую совесть, нашу гордость — великого писателя, пророка и мыслителя Фёдора Михайловича Достоевского!

* * *

Из гостиной через двустворчатые двери мы входим в святая святых — рабочий кабинет Ф. М. Достоевского.

Его внешний вид и обстановка полностью соответствуют реальному кабинету, ибо эта комната реконструирована по фотографии В. Таубе, сделанной в 1881 году. Через несколько дней после смерти писателя его вдова Анна Григорьевна пригласила этого известного фотографа, чтобы он сделал фотографии кабинета для истории.

Почти все вещи и предметы, находящиеся в кабинете, принадлежали лично Фёдору Михайловичу.

Кабинет просторный, с паркетным полом. Стены покрыты светлыми обоями с серо-зеленоватым рисунком. Два больших окна выходят на Кузнечный переулок. Из окон видны Владимирская площадь и Владимирский собор, расположенные приблизительно в 150 метрах от дома, где жил Ф. М. Достоевский. Если же с улицы, с Кузнечного переулка, смотреть на дом № 5/2, то окна квартиры Достоевского расположены на втором этаже дома. При этом 3-е и 4-е окна от правого угла — окна рабочего кабинета писателя.

В центре рабочего кабинета стоит массивный письменный стол, покрытый зелёным сукном. На столе горят две свечи, стоит чернильный прибор, разложены необходимые для работы писателю книги, бумаги, автографы, гранки. Подойдя к столу, с особым интересом рассматриваю личные вещи знаменитого писателя — ручку и тощий (без купюр) кожаный бумажник.

Моё внимание привлекают личные вещи, связанные с последней болезнью Достоевского: рецепт, выписанный врачом за день до смерти писателя, когда у него началось лёгочное кровотечение; картонная коробочка из-под лекарства, приготовленного в аптеке по этому рецепту. Вижу записку от дочери, написанную ею в его последние дни: «Милый папочка, я тебя люблю. Люба». Ей было тогда одиннадцать с половиной лет. И как же любила она отца! Но он всё равно умер. И она написала на доньшке его коробки из-под табака в день его смерти: «28-го января 1881-го г. умирать папа в 3 четверти 9-го». (Орфография сохранена. — Прим. авт.)

Достоевский был глубоко верующим человеком. В углу возле окна величественно стоит икона в серебряном окладе «Божия Матерь Всех Скорбящих Радость». Она была подарена ему благодарными читателями и почитателями.

В старинном книжном шкафу и на этажерке хранятся его книги, входящие в личную библиотеку Достоевского. Они собраны Музеем по спускам, составленным Анной Григорьевной.

У дальней стены стоит диван, рядом с ним — овальный столик со свечой. Рабочий кабинет Достоевского одновременно служил ему и спальней. На этом диване писатель спал. И умер тоже на нём.

Любимой картиной писателя была «Сикстинская Мадонна» кисти Рафаэля. Перед этой картиной, бывало, Фёдор Михайлович подолгу стоял в Дрезденской картинной галерее.

Что же в этой картине притягательного? Почему она так волновала писателя?

Эти вопросы много лет не давали мне покоя, и, приехав в Дрезден в августе 2014 года, я сразу отправился в Дрезденскую картинную галерею. В первом же зале центральное место занимала «Сикстинская Мадонна». Она сразу, словно магнитом, притянула мой взор. Только увидев «Сикстинскую Мадонну» в подлиннике, можно понять всю прелесть этого шедевра кисти Рафаэля. Картина глубоко религиозна и нравственна. Вот почему она так нравилась Ф. М. Достоевскому.

Фотокопию этой картины писателю в 1879 году подарил, по одной версии, философ Владимир Соловьёв, по другой — вдова поэта Алексея Константиновича Толстого Софья Андреевна Толстая. Репродукция «Сикстинской Мадонны» Рафаэля висела над диваном Ф. М. Достоевского. «Сколько раз в последний год жизни Фёдора Михайловича я заставляла его стоящим перед этою великою картиною», — вспоминала Анна Григорьевна.

Достоевского удивляли и восторгали тихие скорбящие глаза Сикстинской Мадонны. Они напоминали ему голубые глаза его матери. На картине Мадонна, Мать Человеческая, держит на руках Сына, зная о будущем распятии его, о мучениях, что предстояли Христу.

И в последний день жизни лежаший на диване умирающий Фёдор Михайлович часто устремлял свои глаза на «Сикстинскую Мадонну», которая с тихой печалью смотрела на него со стены.

При входе в рабочий кабинет Ф. М. Достоевского у окна на столике стоят настольные большие часы, принадлежавшие семье Достоевских. На часах установлена дата смерти Ф. М. Достоевского — «28 января, среда». Стрелки циферблата остановлены на времени смерти — 8 часов 38 минут (вечера).

В последние годы жизни, когда Достоевский проживал на квартире в Кузнечном переулке, он приобрёл огромную известность среди читателей и граждан России. Многие видели в нём не только писателя, но и мыслителя, пророка, учителя. Они писали ему письма, где спрашивали о наболевших вопросах жизни. Ф. М. Достоевский, не забывая никого, отвечал на все письма, давал глубокие искренние советы.

Последнее, над чем работал Достоевский, — гранки «Дневника писателя» за январь 1881 года. Он правил их буквально в последние дни жизни. Эти гранки лежат на письменном столе писателя. Январский выпуск 1881-го вышел в свет уже после смерти Достоевского.

Основное произведение, написанное писателем в его последней квартире, — роман «Братья Карамазовы». Это произведение — одно из выдающихся творений гениального писателя, в которое он вложил всё своё мастерство, всю свою душу. Он написан высокохудожественно.

ственно, читается легко и с большим интересом читателем любого возраста и уровня знаний, в нём прослеживается даже детективный сюжет, связанный с убийством старика Карамазова. Однако это произведение имеет глубокую философско-религиозную проблематику, оно даже в нынешнее время заставляет задуматься о духовном, о религии, её месте в жизни, о путях развития человеческого общества, о судьбах молодого поколения.

Ф. М. Достоевский был истинно верующим человеком.

Дочь писателя, Любовь Фёдоровна, вспоминала: «Он любил молиться со всей семьёй... Отец добросовестно исполнял религиозные обязанности, постился, ходил в церковь. Он любил наши чудные богослужения Страстной недели, особенно пасхальную службу, с её излучающими радость песнопениями».

Перед сном Фёдор Михайлович часто читал детям молитву.

В последние годы жизни, по свидетельству Н. Н. Страхова, Достоевский нередко заводил разговор на религиозные темы, переменялся в обращении с людьми и стал мягче, впадая иногда в «полную кротость», и даже на губах его появлялась при этом нежная улыбка. Однажды в людской толпе Фёдор Михайлович сказал Страхову: «Да все люди — существа прекрасные!» К концу жизни лучшие христианские чувства жили в нём и всё явственнее они проступали в его сочинениях.

Всю жизнь Достоевский пытался бороться за счастье людей, не ища собственной выгоды. Он, подобно Дон Кихоту, боролся за высокие идеалы. Существует легенда, что на каторге к Достоевскому, испытывавшему все муки жестокой имитации казни и лишений в остроге, явилось небесное видение: Христос пришёл к нему в полусне его и дал чудесный знак следовать за ним.

Всю дальнейшую жизнь Фёдор Михайлович питал надежды на будущую окончательную победу добра в мире, верил, что люди в конечном итоге будут братьями и станут жить по Христовым заветам.

Достоевский с огромным успехом читал отрывки из своих произведений на литературных встречах с читателями.

«Это было прямо что-то сверхчеловеческое, сопровождаемое таким огромным нервным подъёмом, который слушателя заражал и ошеломлял... Буквально волосы шевелились на голове от этого огненного проникновенного чтения... В его передаче каждое слово жгло и хватало за сердце, унося куда-то в неведомые и недостижимые дали... Гипноз закончился только тогда, когда он захлопнул книгу. И тогда началось настоящее столпотворение: хлопали, стонали, махали платками», — так описал И. Шеглов чтение романа «Братья Карамазовы» автором. Вот так Ф. М. Достоевский умел «глаголом жечь сердца людей».

С публикацией «Братьев Карамазовых» и «Дневника писателя» Ф. М. Достоевский получил всеобщее признание как духовный учитель, «властитель дум». К нему обращались многие, совершенно незнакомые люди с исповедальными письмами в надежде получить ответ на мучительные вопросы. И Фёдор Михайлович внимательно читал все письма и отвечал на них, несмотря на огромную загруженность.

Фёдор Михайлович Достоевский стал совестью русской нации.

* * *

...Жизнь человека невозможно рассматривать в отрыве от его здоровья.

Находясь в святой святых — кабинете Ф. М. Достоевского — я начинаю думать о последнем годе жизни этого гиганта человеческой мысли, который внешне был обыкновенным человеком.

Кабинет Достоевского стал невольным свидетелем нездоровья писателя, его второй, после эпилепсии, мучительной болезни, осложнившей состояние в последние годы жизни. Этот кабинет помнит муки больного писателя, когда надрывный и жестокий кашель не давал ему покоя, когда он задыхался от нехватки воздуха и синел.

Мой 45-летний анализ истории болезни Ф. М. Достоевского показывает, что писатель страдал туберкулёзом лёгких. Однако врачи — Я. Б. фон Бретцель и профессор Д. И. Кошлаков, которые курировали писателя, лечили его с диагнозами «эмфизема лёгких» и «хронический бронхит». Многократное лечение пациента на немецком курорте Бад-Эмс успеха не имело.

С осени 1879 года происходит стремительное прогрессирование лёгочного заболевания Достоевского. Основным симптомом среди других проявлений болезни был кашель. Фёдор Михайлович писал, что кашляет он целыми ночами, кашель этот «спазмодический» (по современной терминологии, спазматический), «разрывающий грудь», вызывающий невероятные страдания. Такой кашель мог быть следствием глубокого и распространённого туберкулёзного поражения.

Из письма жене (1879): «Всю ночь не спал, мучился удушливым, разрывным кашлем».

Но Фёдор Михайлович не жалел себя. Он писал произведения ночами, при свечах. Пил при этом очень крепкий чай и кофе, почти непрерывно курил толстые папиросы, зажигая их одна об другую. Ложился спать на рассвете или поздним утром, а уже в два часа вставал и начинал заниматься чтением и ответом на многочисленные письма, посещением редакций журналов и общественных мест. В конце августа 1880 года он писал И. С. Аксакову: «Вы не поверите, до какой степени я занят, день и ночь, как в каторжной работе».

Внешний облик 59-летнего писателя запечатлён студентом Учительского института И. И. Поповым: «Сгорбленный, худой, лицо землистого цвета, с впалыми щеками, ввалившимися глазами... Достоевский производил впечатление тяжело больного человека... Достоевский сильно закашлялся, а кашлял он нехорошо, тяжело; потом вынул из кармана платок и выплюнул в него [мокроту]...»

В последние 3 года жизни Достоевский, живя в этой квартире в Кузнецком переулке, тяжело дышал — будто через материю, сложенную вчетверо. Из-за выраженной одышки он с огромным трудом поднимался по лестницам.

За три месяца до смерти написал он товарищу детских лет В. М. Каченовскому: «...Дни мои, сам знаю, что сочтены».

Когда Ф. М. Достоевский умер, официальная версия гласила, что причиной кровотечения и смерти писателя явилась эмфизема лёгких, которой якобы страдал больной.

Но ведь аутопсии (вскрытия) не было! А симптомы заболевания типичны для туберкулёза! На чём же тогда базируется официальная

версия? Только на том, что врачи диагноз туберкулёза при жизни писателю не поставили, а лечили от эмфиземы.

Ф. М. Достоевский умер от лёгочного кровотечения.

Но данные медицинской литературы, современные представления о развитии и клинических проявлениях эмфиземы лёгких отвергают саму возможность массивного лёгочного кровотечения при данной болезни. Выдающийся учёный, специалист по заболеваниям лёгких, академик Д. Д. Яблоков ещё в 1971 году утверждал, что эмфизема лёгких никогда не приведёт к смертельному кровотечению.

Лечащим врачом Ф. М. Достоевского был Яков Богданович фон Бретцель. Он не был профессором. Но он добросовестно лечил писателя.

Когда в начале XX века туберкулёз лёгких учёными был уже основательно изучен, Я. Б. фон Бретцель, которому при жизни Ф. М. Достоевского не удалось поставить точный диагноз, но который помнил всю клиническую картину заболевания писателя, держал в памяти данные своих исследований больного, сопоставил всё это с новыми данными медицинской науки по туберкулёзу. И ретроспективно, уже после смерти писателя, врач Я. Б. фон Бретцель, не боясь критики и обвинений, поставил ему точный диагноз.

В 1918 году Яков Богданович, который, несмотря на свои 76 лет, полностью сохранил ясность ума и памяти, беседовал с писателем А. В. Жиркевичем, собиравшим материалы о смерти Ф. М. Достоевского. В беседе с литератором на вопрос, чем же всё-таки болел великий писатель, его многолетний лечащий врач без колебаний указал на туберкулёз лёгких!

«Вы спрашиваете, чем он был болен? — переспросил фон Бретцель и продолжил: — В то время микроб чахотки ещё не был найден, поэтому строгого определения быть не могло, тем более, что болезнь протекала хронически; объективное же исследование не оставляло сомнения, что это был туберкулёзный процесс. В обоих лёгких были значительные разрушения (каверны, т.е. полости), и разрыв лёгочной артерии в одну из каверн дал столь сильное кровотечение, остановить которое было не в наших силах, которое в итоге и привело к смертельному исходу».

* * *

Всё имеет своё начало и свой конец.

Настали последние дни его жизни.

Литературоведы утверждают, что он не собирался умирать. В частности, вот что пишет глубокоуважаемая Л. И. Сараскина: «Достоевский не готовился к смерти. 19 января он дал согласие графине С.А. Толстой сыграть роль схимника в любительской постановке по пьесе А. К. Толстого «Смерть Ивана Грозного» и 24-го уже начал учить роль. Принял предложение Миллера выступить на Пушкинском вечере 29 января».

По мнению Л. И. Сараскиной, смерть Ф. М. Достоевского все восприняли как внезапную, непредвиденную. Из современников писателя такого же мнения придерживались известный журналист А. Суворин и приятель писателя Н. Страхов.

Как же далеки они от истины!

Проведённая мною работа в архивах и с источниками показывает: из воспоминаний жены и окружения Фёдора Михайловича, из писем и дневников Достоевского убедительно документально вытекает вывод о крайне тяжёлом состоянии здоровья писателя и ожидании им смерти.

Конечно, этот деятельный человек с нестигаемой волей не мог спокойно сидеть дома и лежать, пассивно ожидая смерти. Он продолжал, не жалея себя, трудиться, проводя ночи за литературной работой.

Наступило воскресенье, 25 января 1881 года Ф. М. Достоевский съездил в типографию и отдал там листки рукописи «Дневника писателя», чтобы тот успел выйти в последний день месяца. Но Фёдор Михайлович чувствовал себя нездоровым; по-прежнему сильно кашлял, его продолжали мучить одышка и чувство нехватки воздуха.

В этот день Достоевского посетили на дому А. Н. Майков, Н. Н. Страхов и О. Ф. Миллер. Они вместе пообедали и разговаривали о делах.

В ночь с 25 на 26 января Ф. М. Достоевский в своём рабочем кабинете за письменным столом занимался литературным творчеством. Из кабинета временами доносился, как обычно, его надсадный кашель.

В эту ночь у него произошло первое лёгочное кровотечение.

Вот что пишет жена писателя Анна Григорьевна Достоевская: «... ночью 26 января, а писал Фёдор Михайлович всегда в ночные часы, его ручка упала на пол и закатилась под этажерку. Передвижение последней потребовало физического усилия. Вслед за этим... внезапно порвалась лёгочная артерия».

Термин «лёгочная артерия» здесь не подходит, более правильно употребить термин «одна из артерий лёгочной ткани». Дело в том, что лёгочная артерия — очень крупный, магистральный сосуд, отходящий от полостей сердца. Его разрыв приводит к молниеносной смерти.

При туберкулёзе полости (каверны), увеличиваясь, постепенно вызывают изменения окружающих эту каверну структур лёгочной ткани. Сосуды лёгких, прилежащие к каверне, изменяются, деформируются, стенка их истончается. При физическом усилии стенка такого сосуда может разорваться, и происходит кровотечение из этого сосуда лёгких в полость (каверну). Последняя заполняется кровью, а затем, при переполнении, кровь начинает изливаться в бронх, с которым соединяется каверна. Через бронх кровь выходит в трахею, а, поднимаясь выше, через носоглотку, полость рта или (иногда) носовую полость выходит наружу.

Причина возникновения лёгочного кровотечения у Достоевского ясна. Он совершил немалое физическое усилие, сдвигая тяжёлую этажерку с книгами. Изменённая тонкостенная артерия порвалась, и кровь начала изливаться в каверну, а затем через бронх, трахею, носоглотку, нос и рот вытекать наружу.

Н. Н. Страхов и А. С. Суворин отмечают, что при первом кровотечении кровь из лёгких выходила наружу не только через рот, но и через нос, что не противоречит вышесказанному.

Наступил понедельник, 26 января. Достоевский лёг спать под утро, а проснувшись в полдень, первым делом написал письмо

Н. Н. Любимову в редакцию «Русского вестника» с убедительной просьбой произвести полный расчёт за роман «Братья Карамазовы» в кратчайший срок. Он пишет: «Могу ли я надеяться ещё раз на содействие к моей теперешней последней, может быть, просьбе?»

Слово «последней», на мой взгляд, здесь упомянуто не случайно. Несомненно, что после ночного лёгочного кровотечения Достоевский чувствовал себя очень плохо и сомневался, сумеет ли прожить долго.

И, как назло, в этот же день произошло ещё одно событие, которое спровоцировало повторное лёгочное кровотечение.

Днем 26 января на квартиру к Достоевскому пришла его младшая сестра Вера Михайловна. Визит её был не случаен. Сестра посетила тяжелобольного не с целью справиться о его здоровье, а с целью эгоистичной и сугубо материальной. Сели в столовой за обед. И здесь Вера Михайловна начала уговаривать брата отказаться от его доли в лесном владении в Рязанской губернии. Произошёл неприятный разговор и почти ссора из-за этого раздела наследства умершей тёти писателя. Но как же мог Фёдор Михайлович отказаться от своей законной доли в наследстве, если испытывал со своей семьёй такую нужду? У семьи Ф. М. Достоевского в этот период денег практически не было, вот почему он утром попросил причитающуюся ему сумму у редакции «Русского вестника».

В ходе разговора за обедом Фёдор Михайлович напомнил сестре, что он должен обеспечить свою семью, жену и двоих детей, что у него существуют отцовские обязанности. Вера Михайловна упрекнула брата «в жестокости к сёстрам» и начала истерично плакать.

Фёдор Михайлович в сильнейшем возбуждении бросился из столовой через гостиную в свой рабочий кабинет, и в этот момент из-за психического перенапряжения у него возобновилось лёгочное кровотечение, которое приобрело более интенсивный характер, чем ночью. Пеннистая кровь изливалась наружу из полости рта. Фёдор Михайлович в кабинете лёг на диван, был бледен, губы обескровлены. Это повторное лёгочное кровотечение началось в 16 часов.

Известно, что не только физическое, но и психическое перенапряжение, в силу выброса в кровь гормона адреналина с последующим повышением артериального давления, приводит к лёгочному кровотечению из хрупких изменённых сосудов лёгких, прилежащих к каверне. Ночное кровотечение у Достоевского прекратилось вследствие того, что произошло образование тромба (сгустка крови) в области лопнувшего сосуда. Тромб прикрыл отверстие в стенке сосуда. Повышение давления в сосуде при споре с Верой Михайловной привело к отхождению тромба и возобновлению кровотечения в каверну (и затем — наружу через дыхательные пути).

Был срочно вызван домашний доктор семьи Достоевских, врач Яков Богданович фон Бретцель.

Врач вспоминал позднее: «Увы, я уже застал Фёдора Михайловича в безнадежном состоянии; обильная потеря крови ослабила его настолько, что можно было принять только паллиативные меры».

Бретцель рекомендовал больному соблюдать абсолютный покой (лежать в постели) и назначил глотать кусочки льда.

Непосредственно во время осмотра больного доктором Бретцелем в 18 часов 26 января лёгочное кровотечение повторилось и было необычайно сильным. Пеннистая кровь обильно изливалась из

лёгких через воздухоносные пути в полость рта и из неё — наружу. Большой ещё больше побледнел, пульс почти перестал прощупываться, через несколько минут писатель полностью потерял сознание. Закатил глаза, перестал разговаривать. Сердечные толчки едва определялись.

Писатель мог умереть уже в эти мгновения, когда в результате уже третьего по счёту кровотечения у него возник коллапс (острая сердечно-сосудистая недостаточность).

Фон Бретцель вызвал тревожной запиской профессора Д. И. Кошлакова и доктора А. А. Пфейфера. В седьмом часу вечера, когда больной оставался без сознания, состоялся консилиум с участием трёх докторов. Консилиум поддержал мнение фон Бретцеля о крайне тяжёлом состоянии больного и о невозможности его спасения. Был выставлен диагноз: «Разрыв артерии лёгких».

Когда больной очнулся, то слабым голосом сразу попросил пригласить священника: «Я хочу исповедаться и причаститься!» Из Владимирской церкви, откуда было пять минут ходу, прибыл духовный наставник Достоевского протоиерей Н. М. Вирославский (отец Николай).

Анна Григорьевна Достоевская свидетельствовала: «Когда священник ушёл и я с детьми вошла в кабинет, чтобы поздравить Фёдора Михайловича с принятием святых таин, то он благословил меня и детей, просил их жить в мире, любить друг друга, любить и беречь меня. Отослав детей, Фёдор Михайлович благодарил меня за счастье, которое я ему дала, и просил меня простить, если он в чём-нибудь огорчил меня».

В ночь с 26 на 27 января Фёдор Михайлович уснул на диване в своём рабочем кабинете, а Анна Григорьевна никак не могла уснуть, многократно подходила к спящему бледному мужу, а затем села за письмо к О. Ф. Миллеру, чтобы предупредить того, что муж тяжело заболел и 29 января не сможет выступить на Пушкинском вечере. «Ф. М. опасно заболел: у него лопнула лёгочная артерия и сильно шла горлом кровь, — выводило её пёрышко строки, замедляясь в то время, когда она прислушивалась к глуховатому кашлю спящего мужа и по минутно тревожилась за него. — Я в страшном отчаянии; опасность ещё не прошла: ещё одно такое кровотечение, и Ф. М. не станет».

Наступил вторник, 27 января 1881 года. Вьюга выла за стёклами окон. На Кузнечном переулке, кутаясь, сквозь снежную пелену брели редкие прохожие.

Фёдор Михайлович, выполняя предписания врачей, не вставал, лежал на диване в рабочем кабинете, выглядел бледным, предельно ослабленным. Состояние его оставалось тяжёлым.

Анна Григорьевна помнила слова профессора Д. И. Кошлакова, сказанные накануне: «Крови излилось сравнительно немного, может образоваться «пробка» [тромб в сосуде], и дело пойдёт на выздоровление». Она понимала, что кровоточащий сосуд в лёгких затромбировался, но опасалась, что кровотечение возобновится. И всё же надежда не покидала её. Как за соломинку, ухватилась она за эти успокаивающие её слова профессора, не зная, что на консилиуме все три доктора единодушно решили, что писатель безнадежен и спасти его не удастся.

Весть о болезни Ф. М. Достоевского в мгновение ока распространилась по Санкт-Петербургу. Больного навешали на дому друзья

и знакомые — О. Ф. Миллер, Е. А. Штакеншнейдер и другие. Вечером на квартиру пришли родственники — сестра Вера Михайловна и пасынок Павел Исаев.

...Достоевский лежит на диване, ослаблен, бледен и может разговаривать только шёпотом, едва слышно. Ему хочется побыть со своими детьми, и они сегодня сидят и играют возле него. Дочь Люба говорит ему: «Папочка, папочка! Всегда я буду помнить, что ты мне говоришь. Всю жизнь мою ты будешь как бы при мне!» Фёдор Михайлович с любовью шёпотом разговаривал и с дочерью, и с милым сыном Фёдей. Любовь к детям читалась в его добром взгляде, устремлённом на них...

Днём больного навестил и осмотрел лечащий врач фон Бретцель. Яков Богданович отметил незначительное улучшение в состоянии тяжёлого пациента. По всем признакам было видно, что кровотечение прекратилось. Надолго ли?

Вечером приехал и важно вошёл в кабинет писателя профессор Д. И. Кошлаков. Осмотрев пациента, профессор вслух, для жены и родственников, отметил улучшение состояния пациента. «Д. И. Кошлаков, — писала позднее А. Г. Достоевская, — нашёл, что состояние значительно улучшилось, велел больному больше спать». Что в действительности думал Кошлаков, осталось тайной. Воспоминаний он не оставил.

Наступила ночь с 27 на 28 января. Анна Григорьевна, которая весь день не отходила от мужа, постелила себе прямо на полу, у дивана, где спал Фёдор Михайлович. Долго не могла уснуть, вставала и смотрела на него. Он спал, доносилось ровное дыхание.

Над диваном на стене висела любимая картина писателя — репродукция «Сикстинской Мадонны» Рафаэля.

Во второй половине ночи предельно уставшая Анна Григорьевна наконец уснула.

Пришёл последний день жизни пророка и мыслителя, среда, 28 января 1881 года.

В 4 часа утра Фёдор Михайлович проснулся от какого-то светлого чувства. Он вдруг ясно осознал, что настал его последний день жизни на грешной земле, что сегодня он должен умереть.

При свете ночника он видел письменный стол, за которым родились роман «Братья Карамазовы», страницы «Дневника писателя», «Слово о Пушкине».

Подняв глаза, он встретился со скорбящими глазами Сикстинской Мадонны. Мать Человеческая, знавшая о будущем распятии своего сына, Иисуса Христа, глядела сейчас на Фёдора Михайловича глазами его матери, той, кто родила его и пела ему у колыбели.

Понимая, что он сегодня умрёт, Фёдор Михайлович не чувствовал ни отчаяния, ни боли, ни страха. Он честно прошёл свой путь на земле, неустанно творя, веря в Бога и страдая за обездоленных и поруганных.

Фёдор Михайлович перевёл глаза на спящую около него на полу жену. При свете ночника он ясно видел её дорогое, милое лицо.

«Русская женщина лучше всех!» — часто говорил он. Достоевский вспомнил, как Анна Григорьевна вошла в его судьбу в облике юной девушки, которая беззаветно полюбила его, 45-летнего, больного, прошедшего жуткий путь каторги. Она стала его женой, другом,

матерью его детей. Она — то чудо его жизни, которое подарила ему судьба, Бог.

В 7 часов утра Аня открыла глаза, проснувшись, и увидела при свете ночника странные, возвышенные, отрешённые и любящие глаза своего мужа, смотревшие прямо на неё.

— Как тебе, дорогой мой? — спросила она с участием и любовью.

Он ответил полушёпотом:

— Знаешь, Аня, я уже часа три как не сплю и всё думаю, и только теперь сознал ясно, что сегодня умру...

— Ну что-ты, что-ты, дорогой мой! Ведь кровь больше не идёт. Образовалась «пробка», которую обещал профессор Кошлаков. Ты обязательно поправишься! — утешала его Аня.

— Я знаю, я должен сегодня умереть! — убеждённо, хотя и тихо, промолвил писатель. — Зажги свечу, Аня, и дай мне Евангелие!

Анна Григорьевна нашла на письменном столе и подала Евангелие.

Фёдор Михайлович всегда держал эту святую книгу в рабочем кабинете и часто перечитывал её. Она была ему очень дорога. Евангелие подарили ему три десятилетия назад жёны декабристов в Тобольске, в пересыльной тюрьме, когда его этапировали в Омск, на каторгу.

Фёдор Михайлович наугад открыл священную книгу и попросил жену прочесть открытую страницу. Это было Евангелие от Матфея [Матфей, 3; 14].

— Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду, — тихо читала жена.

— Ты слышишь — «не удерживай» — значит, я умру, — сказал муж её и закрыл Евангелие.

Ясное спокойствие разлилось по его лицу.

При последних словах мужа Анна Григорьевна не смогла удержаться от слёз. Они беззвучно лились и лились из её глаз.

Фёдор Михайлович стал её утешать, говорил ей милые ласковые слова, благодарил за счастливую жизнь, которую он прожил вместе с ней. Поручал ей детей и говорил, что верит, что она всегда будет их любить и беречь.

— Помни, Аня, я тебя всегда горячо любил и не изменял никогда, даже мысленно! — честно глядя в глаза жене, произнёс муж, с которым она прожила 14 лет. Это признание было особенно дорого ей.

Он шептал жене ласковые слова, держа её за руку.

Около 9 часов утра он уснул, не выпуская из своей руки её руку. Анна Григорьевна сидела не шелохнувшись, боясь нарушить его сон.

В 11 часов Фёдор Михайлович вдруг проснулся. Что-то его сильно беспокоило. Он быстро приподнял голову над подушкой, и свежая пенная кровь тонкой струйкой полилась из его рта.

Лёгочное кровотечение возобновилось. Оно было уже 4-м по счёту. Но на этот раз кровотечение было непродолжительным и не таким интенсивным, как вечером 26 января. Сознание он не терял. К 12 часам кровотечение приостановилось, Фёдору Михайловичу стало лучше.

Весть о тяжёлом состоянии писателя стала известна в обществе. Графиня Елизавета Николаевна Гейден, председатель Санкт-

Петербургского общества Красного Креста, прислала письмо Ф. М. Достоевскому, в котором просила сообщить ей о состоянии его здоровья.

Под диктовку мужа ответное письмо писала Анна Григорьевна, как бы от своего имени. Но это своего рода личный взгляд самого писателя на причину болезни и смерти, которую он ясно предвидел.

Анна Григорьевна слушала слова мужа и записывала: «26-го числа в лёгких лопнула артерия и залила наконец лёгкие. После 1-го припадка последовал другой, уже вечером, с чрезвычайной потерей крови с задушением. С четверть часа Ф. М. был в полном убеждении, что умрёт; его исповедовали и причастили. Мало-помалу дыхание поправилось, кровь унялась. Но так как порванная жилка не зажила, то кровоистечение может начаться опять. И тогда, конечно, вероятна смерть. Теперь же он в полной памяти и в силах, но боится, что опять лопнет артерия».

...Писатель, не имевший медицинского образования, тем не менее ясно и чётко понимает причину и ход своей болезни. Он осознаёт, что наряду с потерей крови, имело место задушение (асфиксия, по современной медицинской терминологии). Писателем и пророком делается прогноз, что лёгочное кровотечение повторится. При этом Достоевский осознавал, что, помимо кровопотери, он может и должен умереть от асфиксии (задушения), т. е. кровь зальёт его бронхи и дыхательные пути, и он задохнётся от недостатка воздуха...

«Таким образом, пророк Ф. М. Достоевский полностью предвидел свою смерть и причину её!» Эта мысль внезапно, как молния, озарила мой мозг, когда я стоял в рабочем кабинете писателя и созерцал комнату, где перестало биться пламенное и горячее сердце этого прекрасного человека.

Вот здесь, у дальней от окон стены, под картиной «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, стоит тот самый диван, на котором умирал и умер Фёдор Михайлович Достоевский.

В 18 часов Достоевский, предчувствуя потерю сознания, попросил позвать детей и попрощался с ними, благословил их. Он велел передать своё дорогое Евангелие 9-летнему сыну Феде. Мать прочитала детям притчу о блудном сыне.

Доктора велели никого не пускать к больному. Родственники, друзья и знакомые ждали и волновались в гостиной. Но Фёдору Михайловичу докладывали о всех пришедших. Анна Григорьевна сделала исключение для поэта А. Н. Майкова по горячей просьбе самого Фёдора Михайловича. Ему позволили зайти на минуту. Умиравший пожал руку старому другу и шёпотом ответил на приветствие.

В 7-м часу вечера Фёдор Михайлович лежал на диване с закрытыми глазами, спокойный и умиротворённый. Анна Григорьевна сидела рядом и держала руку мужа в своей руке. Фёдор Михайлович был бледен, пульс его бился всё слабее и слабее.

В 18 часов 30 минут началось новое, уже 5-е по счёту, лёгочное кровотечение, довольно интенсивное. Как и предвидел пророк Достоевский, артерия в лёгких лопнула опять.

Как свидетельствовала Анна Григорьевна, «вдруг безо всякой видимой причины Ф. М. вздрогнул, приподнялся на диване, и полоска крови вновь окрасила его лицо». Кровотечение было сильным, кровь через горло и полость рта шла обильно.

Больной был бледен, как полотно, что свидетельствовало о его обескровливании, жестокой анемии (малокровии). По моим расчётам, больной за 5 эпизодов кровотечений, произошедших в последние дни его жизни, потерял не менее 2 литров крови. Но ведь переливания крови в медицине ещё не знали. Не проводили больному и внутривенную инфузию [вливание] растворов кровезаменителей, ибо эти методики ещё не были разработаны. Окружающие могли лишь пассивно наблюдать, как угасает жизнь писателя.

«Странный шум, напоминающий клокотание воды, слышался в горле... его грудь вздымалась, он говорил быстро и тихо, но слов нельзя было понять. Постепенно дыхание становилось тише, слова стали реже», — вспоминала дочь писателя. Описанное свидетельствует об асфиксии [задушении]. Таким образом, кровь залила воздухоносные пути и привела к удушению больного.

Через несколько минут после начала последнего, 5-го кровотечения, Фёдор Михайлович потерял сознание. Последние два часа жизни он находился в беспамятстве. Это была агония, которая длилась около двух часов.

Жена и дети стояли в изголовье. Анна Григорьевна держала мужа за руку и ощущала, как слабеет его пульс.

Жена Майкова уехала за доктором и к 20 часам привезла с собой врача-терапевта Н. П. Черепнина. Но помочь агонирующему больному тот уже не смог.

Пришёл священник Николай Вирославский и успел перед смертью прочитать отходную истинно верующему христианину.

Анна Григорьевна почувствовала, что пульс у мужа прекратился.

У постели был литератор Б. М. Маркевич, который впоследствии описал последние минуты Ф. М. Достоевского: «Был в полном забытьи. Дыхание каким-то слабым свистом прорывалось из его горла сквозь судорожно раскрывшиеся губы...» Маркевич, доктор Черепнин, жена услышали последний вздох писателя. Маркевич увидел, как доктор Черепнин нагнулся над диваном, прислушался, расстегнул сорочку у лежавшего Фёдора Михайловича, пропустил под неё руку и качнул головой. Врач засвидетельствовал, что сердце величайшего гения мировой литературы остановилось.

«На этот раз всё было действительно кончено», — свидетельствовал Б. М. Маркевич.

Так в 20 часов 38 минут 28 января 1881 года закончил свой земной путь великий писатель Земли Русской.

* * *

Тело Достоевского ещё не остыло, а в его рабочий кабинет вбежал запыхавшийся и возбуждённый И. Г. Сниткин, брат Анны Григорьевны. Вдова писателя, взглянула на лицо брата выразительными глазами, полными горя и отчаяния, и горько заплакала. Слёзы лились и лились из глаз её.

И. Г. Сниткин взял на себя все хлопоты по погребению.

Утром усопший, обмытый и обряженный, лежал в середине рабочего кабинета на столе, застеленном белой тканью. Грудь и лицо были открыты, а тело и ноги закрывал покров из золотой парчи. У изголовья был размещён образ Успения Божией Матери и горела лампада. Анна Григорьевна смотрела на лицо мужа, которое выгля-

дело удивительно спокойным и умиротворённым. Ей всё казалось, что он не умер, а только спит и улыбается во сне какой-то узнанной им теперь «Великой правде». Дочь писателя, Любовь Фёдоровна, позднее вспоминала: «Перед отцом я не испытывала страха. Казалось, он спит на своей подушке, тихо улыбаясь, словно видит что-то очень хорошее».

Приехал скульптор Л. А. Бернштам. С живым Достоевским они незадолго до этого печального дня договорились, что Леопольд будет лепить его бюст. Однако вместо бюста скульптору пришлось снимать с лица покойного гипсовую маску.

Художник И. Н. Крамской выполнил портрет мёртвого Ф. М. Достоевского, а известный фотограф К. А. Шапиро сфотографировал для истории усопшего на смертном одре.

Утром 29 января обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев сообщил о смерти писателя графу М. Т. Лорис-Меликову, начальнику Верховной распорядительной власти по охране государственного порядка. Тот при докладе императору Александру II просил разрешения помочь осиротевшему семейству.

Александр II очень сожалел о болезни и смерти Ф. М. Достоевского и назначил пенсию семье в размере 2000 рублей в год. Когда 30 января явился высокий чин из министерства финансов и объявил о решении Александра II, вдова обрадовалась невероятно. В бумаге значилось, что волею государя, во внимание заслуг, оказанных покойным писателем русской литературе и русскому народу, его вдове с детьми назначается пенсия в размере 2 тыс. рублей.

Анна Григорьевна обрадовалась тому, что они не будут нищими. Ведь кроме 4 тысяч рублей, которых журнал «Русский вестник» был должен Ф. М. Достоевскому, денег у них не было, а Анна Григорьевна нигде не работала.

Бросилась обрадованная Анна Григорьевна к кабинету мужа, от радости забыв, что его уже нет в живых. И по пути всё поняла и горько-горько расплакалась, дойдя до гроба мужа.

В 13 часов 29 января состоялась первая панихида. Все пять жилых комнат заполнила густая толпа людей. Была занята и узкая лестница, ведущая на второй этаж, где располагалась квартира Достоевских. Люди только через 2 часа очереди попадали в рабочий кабинет, где стоял гроб с телом писателя, чтобы попрощаться с ним.

Вторая панихида прошла вечером 29 января, а 30 января также состоялись и дневная, и вечерняя панихиды.

Не было ни одной газеты, которая бы не отозвалась некрологом на смерть писателя. Даже постоянные оппоненты Достоевского, например, Г. К. Градовский, призывали: «Пойдём ко гробу Ф. М. Достоевского, повинимся перед ним».

Цесаревич Александр, сын Александра II, в письме Победоносцеву заявил об общенациональной утрате и написал, что «Достоевского никто не заменит».

Философ Владимир Соловьёв заявил: «Достоевский — духовный вождь русского народа и пророк Божий».

Ф. М. Достоевского по настоянию К. П. Победоносцева решили похоронить в Александро-Невской Лавре.

31 января состоялась вынос тела Достоевского из квартиры на Кузнечном переулке. Траурная процессия, проследовавшая от

Кузнечного переулка до места захоронения, представляла собой невиданное ранее зрелище: огромное количество людей всех сословий провожало Достоевского в последний путь. Казалось, что весь Санкт-Петербург вышел на похороны и влился в гигантскую траурную процессию.

Было представлено колоссальное количество гирлянд и венков из живых роз, камелий, тюльпанов и других цветов, украшенных лавровыми и пальмовыми листьями. Траурная процессия растянулась от Владимирского проспекта вдоль всего Невского проспекта! Она достигла Лавры только через 3 часа. Гроб всю дорогу несли на руках. Непрерывно слаженно пели 15 певчих хоров! Присутствовали делегации от всех учебных заведений, научных и литературных обществ, государственных организаций.

Скопление людей было огромным. А время в истории России было сложное. В столице постоянно шли покушения народовольцев и террористов на государственных лиц, а буквально через месяц после этих похорон от взрыва бомбы умер сам император Александр II. Но, тем не менее, во время похорон Достоевского царило удивительное для такого гигантского скопления людей спокойствие. Ф. М. Достоевский своей смертью на время примирил классовую борьбу.

«Похороны Достоевского представляли явление, которое всех поразило, — писал Н. Н. Страхов. — Такого огромного стечения народа, таких многочисленных и усердных заявлений уважения и сожаления не могли ожидать самые горячие поклонники покойного писателя. Можно смело сказать, что до того времени никогда ещё не бывало на Руси таких похорон».

В 14 часов гроб с телом Достоевского донесли до Александро-Невской Лавры и поместили в церковь Святого Духа.

В 20 часов там началась торжественная всеношная.

Всю ночь с 31 января на 1 февраля 1881 года, когда гроб с телом писателя находился в церкви Святого Духа, монахи должны были читать там псалмы. Но студенты, в большом количестве оставшиеся на всю ночь у тела любимого писателя, взяли у монахов псалтырь и по очереди до утра читали псалмы.

«Никогда я ещё не слышал подобного чтения псалмов, — рассказывал митрополит Исидор вдове писателя. — Студенты читали их дрожащим от волнения голосом, вкладывая душу в каждое произносимое ими слово. И мне ещё говорят, что эти молодые люди атеисты и презирают нашу церковь. Какой же магической силой обладал Достоевский, чтобы так вновь обратить их к Богу?»

1 февраля в 10 часов утра в церкви Святого Духа состоялась литургия, а по её окончании — отпевание и погребение Ф. М. Достоевского на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры.

Высокие, торжественные слова прощания над открытой могилой слушали прощающиеся с дорогим писателем. Среди выступавших были В. С. Соловьёв, О. Ф. Миллер, петрашевец А. И. Пальм.

В 1883 году на могиле Достоевского был торжественно открыт памятник (архитектор Х. К. Васильев, скульптор Н. А. Лаврецкий).

Фёдор Михайлович Достоевский — писатель, мыслитель, пророк, православный христианин, патриот России — умер. Но идеи его живут, произведения огромными тиражами издаются во всех странах мира. Значит, Ф. М. Достоевский — жив!

Он всюду с нами шагает по жизни! Учит честности, правдивости. Помогает сострадать, любить бедных, униженных и обездоленных; верить в Бога и жить по совести.

Ф. М. Достоевский. Фрагмент портрета В. Г. Перова. 1872 г.

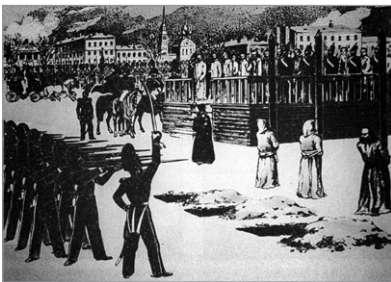
Открытие памятника Ф. М. Достоевскому 30 мая 1997 г. на Владимирской площади Санкт-Петербурга

Владимирская площадь в Санкт-Петербурге. Здесь и далее (кроме оговоренных случаев) — фото автора

Дом № 5/2 по Кузнечному переулку, где расположен Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского. Фото 2016 г.

Обряд казни петрашевцев на Семёновском плацу. Рис. Б. Покровского. 1849 г.

Детская. Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского

*Дети писателя — Фёдор и Любовь
Достоевские*

*А. Г. Сниткина (Достоевская) –
вторая жена писателя.
Фото: А. Лушев. 1863 г.*

*Стол А. Г. Достоевской,
с фотографией
Ф. М Достоевского
в позолоченной рамке.
Литературно-мемориальный
музей Ф. М. Достоевского*

*Веви. За Женевским озером — Альпы.
В этом городке Достоевский писал роман
«Идиот». Фото 2013 г.*

*Миланский собор, которым
восхищался Ф.М Достоевский.
Фото 2013 г.*

Личные вещи
Ф. М. Достоевского:
бумажник, ручка,
последний рецепт
врача Я. Б. фон
Бретцеля, коробочка
из-под лекарства и
записка от дочери.
Фото: В. Уржумцев.
1999 г.

Кабинет Ф. М. Достоевского. Так располагались мебель и личные вещи писателя в день смерти. Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского.
Фото 2016 г.

Часы, принадлежавшие семье Достоевских.
Стрелки остановлены на времени смерти
писателя — 28 января (1881 г.), среда,
8 часов 38 минут (вечера)

Ф. М. Достоевский
на смертном одре.
Рисунок
И. Н. Крамского,
29 января
1881 г.

Литературно-художественный альманах

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 30

Редактор-составитель *В. В. Якушев*
Корректор *А. А. Ошепкова*
Дизайн, вёрстка *С. Э. Неведомская*

Подписано в печать 05.09.2022. Формат 70x100¹/₁₆.
Гарнитура Souvenir. Бумага ВХИ.
Заказ N 147352. Тираж 100 экз.

Редакция альманаха «Литературная Пермь» и литературно-публицистической газеты «Пермский писатель» внимательно знакомится с письмами читателей. Каждая рукопись, присланная в адрес альманаха и газеты, принимается и рассматривается, при этом не возвращается и не рецензируется.

Указание авторами ФИО, паспортных данных, оперативных контактов и кратких сведений о себе — обязательно.

За достоверность фактов ответственность несут авторы статей. Их мнение может не совпадать с мнением редакции.

ISBN 978-5-6048219-1-6

9 785604 821916

Адрес редакции
альманаха «Литературная Пермь»,
газеты «Пермский писатель»,
ПКОО «Пермский писатель»:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30.
Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России.
Телефон 8 (342) 212-43-28.
Факс 8 (342) 212-31-54.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными ИП Неведомская файлами
в ООО «Ай Кью Пресс»: 614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 43, корп. 3.

ISBN 978-5-6048219-1-6

9 785604 821916